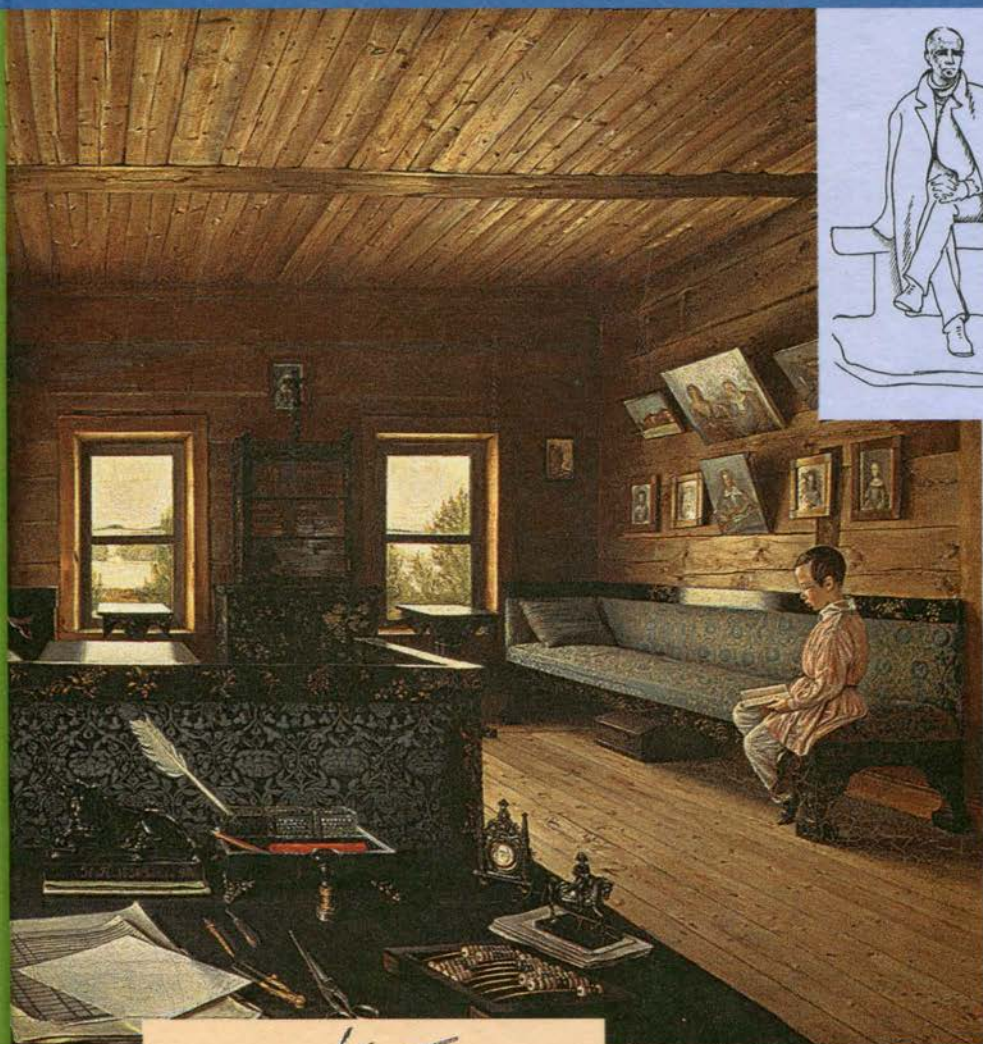
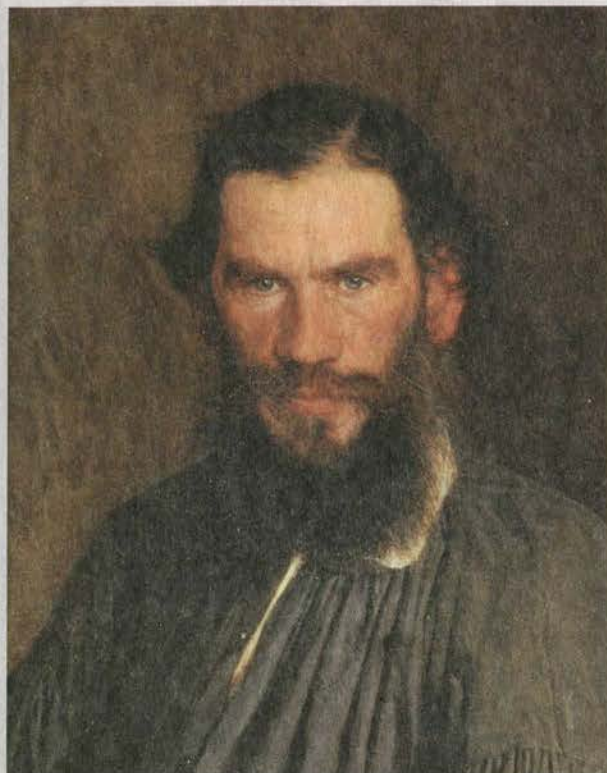

Г.С. Меркин

ЛИТЕРАТУРА

6 КЛАСС

Л.Н. Толстой.
Художник И.Н. Крамской.
Фрагмент портрета.
1873 г.

Семейный портрет.
Художник Ф.П. Толстой.
1830 г.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!
Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней?
Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат
для меня источником лучших наслаждений.
Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом,
на своём высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою
чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься
с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Маман говорит
с кем-нибудь, и звуки голоса её так сладки, так приветливы.
Одни звуки эти так много говорят моему сердцу!

Л.Н. Толстой. Детство

Литература

6 класс

**Учебник
для общеобразовательных
учреждений**

**В двух частях
Часть II**

**Автор-составитель
Г.С. Меркин**

10-е издание

*Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации*

(экспертиза РАН и РАО 2007 г.)

**Москва
«Русское слово»
2012**

УДК 373.167.1:82*06(075.2)

ББК 83.я721

Л 64

Литература. 6 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч. 2 / авт.-сост. Г.С. Меркин. — 10-е изд. — М.: ООО «Русское слово — учебник», 2012. — 320 с.

ISBN 978-5-91218-543-4 (ч. 2)

ISBN 978-5-91218-544-1

Учебник «Литература. 6 класс» соответствует программе по литературе для 5–11 классов (авторы-составители Г.С. Меркин, С.А. Зинин, В.А. Чалмаев), допущенной Министерством образования РФ. Он знакомит школьников с фольклором, произведениями русской и зарубежной литературы от древности до XX века включительно.

Учебник предназначен для общеобразовательных учреждений: школ, гимназий и лицеев. Методический аппарат учебника позволяет организовать обучение как на базовом, так и на углублённом уровне.

Учебник соответствует Федеральному компоненту государственного стандарта общего образования.

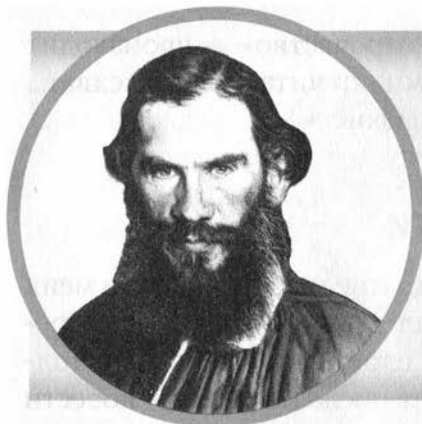
УДК 373.167.1:82*06(075.2)

ББК 83.я721

ISBN 978-5-91218-543-4 (ч. 2) © Г.С. Меркин, 2003, 2012

ISBN 978-5-91218-544-1 © ООО «Русское слово — учебник», 2003, 2012

**ЛЕВ
НИКОЛАЕВИЧ
ТОЛСТОЙ
1828—1910**

Великий русский писатель Л.Н. Толстой вошёл в литературу и получил признание современников благодаря своей автобиографической трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». Работать над ней Л.Н. Толстой начал в 50-е годы XIX века. «Детство» он отправил в журнал «Современник» с Кавказа, где находился в действующей армии. Повесть была впервые опубликована в 1852 году в девятой книжке «Современника», а в 1855—1856 годах в этом же журнале были опубликованы «Севастопольские рассказы». Таким образом, над трилогией и очерками о Крымской войне писатель трудился одновременно.

Работая над «Детством», Л.Н. Толстой видел в этом произведении не самостоятельную повесть, а первую часть большого романа. Безусловные автобиографические сведения, наличие тех или иных прототипов в трилогии очевидны. Но Л.Н. Толстой создавал не жизнеописание мальчика Лёвушки (в повести – Николеньки), его семьи и ближайшего окружения. Задача была в другом: предельно правдиво и художественно точно рассказать о формировании личности, о тех этапах, которые проходит человек от младенчества к юношеству.

Первое произведение Л.Н. Толстого было одобрительно встречено известными русскими писателями: Н.Г. Чернышевским, И.С. Тургеневым, Н.А. Некрасовым, отмечено многочисленными журнальными рецензиями того времени. Тургенев писал Толстому из Парижа в январе

1857 года: «Ваше «Детство и отрочество» — производит фурор... присланный мне экземпляр читается нарасхват... требуют от меня Ваших автографов...»

ЛЕВ ТОЛСТОЙ В НАЧАЛЕ ПУТИ

«Когда я писал «Детство», то мне казалось, что до меня никто ещё так не почувствовал и не изобразил всю прелесть и поэзию детства» — эти слова, сказанные Л.Н. Толстым через пятьдесят шесть лет после окончания повести и за два года до смерти, показывают, чем именно это произведение было дорого крайне взыскательному автору.

«Детство» — первое произведение двадцатичетырёх-летнего юнкера, ведущего военную, походную жизнь, участвующего в сражениях, — в поэтическом отношении необыкновенно совершенно.

Читая это произведение, вы не заметите, что оно — итог долгой, трудной, терпеливой работы. В дневниках

Бывшая классная комната в доме, где родился Л.Н. Толстой. Фотография. 1898 г.

Л.Н. Толстой.
Неизвестный художник. 1847 г.

того времени Толстой особенно внушает себе самому, что терпение и упорство в труде — свойства, которые он должен каждодневно в себе развивать и укоренять, что без этого он ничего не достигнет. И он создаёт одну за другой четыре редакции своего произведения, перепахивая каждую строку, перестраивая, коренным образом меняя сюжет, смысл и наполнение образов.

Уже в первой редакции сказывается особенная любовь писателя к детализации, когда из внешней приметы выступает внутренняя сущность человеческого характера... Переход от редакции к редакции не означает только стилистического усовершенствования текста. В этой работе меняется взгляд автора на природу человека, молодой автор освобождается от примитивных, ложных понятий, искусственных связей. Возникает понимание каждого характера в его трудно постигаемых, живых и естественных противоречиях и оттенках.

Сохранены или вновь введены только ясные, выразительные детали. Читатель видит мать героя, когда она

разливает чай: «...одной рукой она придерживала чайник, другою — кран самовара, из которого вода текла через верх чайника на поднос. Но хотя она смотрела пристально, она не замечала этого, не замечала и того, что мы вошли». При всём её спокойствию, уравновешенности, постоянной заботе о других, о хозяйственных мелочах для блага детей и мужа, при всём этом вода, текущая через верх чайника на поднос, выражает её тайное смутение и предчувствие последствий предстоящей разлуки.

Или ещё деталь: пальцы приказчика Якова, в яростном движении которых опровергалось всё то, что говорил отец и что Яков безмолвно и почтительно выслушивал.

Или — «чёрная круглая табакерка» и другие предметы вокруг Карла Ивановича, которые лежат так чинно, они доказывают, что совесть его чиста.

Как живописец соскребаёт слишком густо, тяжело положенные краски и на то же место даёт легкий, зыбкий колорит, полный движения и полёта, так возникает прекрасно-поэтический образ матери.

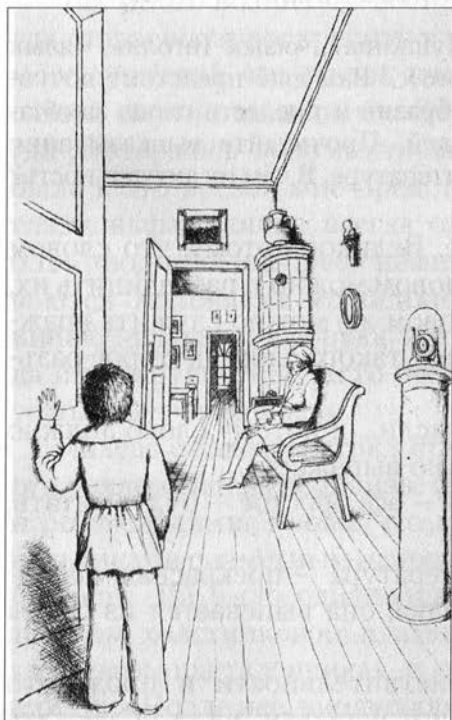
С.А. Толстая считала, что мать в «Детстве» «вовсе вымышлена», так как мать писателя умерла, когда Льву Николаевичу только что исполнилось два года, и он её не помнил... Однако Толстой на протяжении всей своей жизни глубоко чтит память своей матери, многое знал о ней по рассказам родных и слуг, возвращался к мысли о ней... В то же время образ матери в «Детстве» был выражением мысли о сущности русской женщины того времени. Поэтическая конкретность этого образа иная, чем других образов «Детства». Совершенно светлый и ясный, этот образ полон истинной поэзии жизни...

В «Детстве» всё взято в движении, всё, что есть, тотчас перестанет быть.

Последний день в деревне. Последние занятия с Карлом Ивановичем. Охота перед самым отъездом. Расставание с матерью навсегда. Образ отца в его отношении к приказчику, к Грише, в споре с матерью во время обеда, во время охоты. И в Москве: динамичное название глав:

«Собираются гости», «До мазурки», «Мазурка», «После мазурки», «В постели». Но за лёгкой музыкой танца слышится иная музыка, в детской влюблённости таятся иного рода мотивы: «...когда я лежу и думаю о ней, Бог знает отчего делается грустно и ужасно хочется плакать». И вдруг эти тайные мелодии нарастают могучим ударом: «Письмо», «Что ожидало нас в деревне», «Горе». И удивительное, как самая грустная, самая захватывающая песня: «Последние грустные воспоминания», прощание с детством. Около сотни страниц, двадцать восемь глав, в каждой — пронизанный быстрым движением и в то же время весьма устойчивый быт.

А.В. Чичерин

Иллюстрации к повести «Детство» — художник А.Л. Костин. 1988 г.

1. Найдите в тексте статьи положение, подтверждающее тезис о том, что повесть «Детство» на протяжении всей жизни была дорога Л.Н. Толстому.

2. «Детство» — это автобиографическая повесть Л.Н. Толстого. В ней только воспроизводятся факты биографии или даётся художественное осмысление создаваемых образов? Аргументируйте свой ответ, опираясь на текст статьи.

Автобиографическое произведение — художественное произведение, в основе которого — события и факты из жизни автора.

3. Мы говорим: «язык Пушкина», «язык Гоголя», «язык Тургенева», «язык Толстого»... Вам ещё предстоит почувствовать и оценить своеобразие и прелесть слова замечательных русских писателей. Прочитайте высказывания Л.Н. Толстого о языке и литературе. В чём их актуальность?

«Слово — дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегитесь от такого слова, которое разъединяет людей».

«Слово — выражение мысли... и потому слово должно соответствовать тому, что оно выражает».

«Песни, сказки, былины — всё простое — будут читать, пока будет русский народ».

«У народа есть своя литература — прекрасная, неподражаемая; но она не подделка, она выпевается из среды самого народа».

«При изображении действительности и прозой-то художнику нужно много потрудиться: надо подыскать такие выражения, которые бы выражали не только мысли художника, но и возбуждали бы в читателе те чувства, то настроение, которые художник желает вызвать в читателе».

Глава II МАМАН

Матушка сидела в гостиной и разливала чай; одной рукой она придерживала чайник, другою — кран самовара, из которого вода текла через верх чайника на поднос. Но хотя она смотрела пристально, она не замечала этого, не замечала и того, что мы вошли.

Так много возникает воспоминаний прошедшего, когда стараешься воскресить в воображении черты любимого существа, что сквозь эти воспоминания, как сквозь слёзы, смутно видишь их. Это слёзы воображения. Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какою она была в это время, мне представляются только её карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шее, немного ниже того места, где выются маленькие волосики, шитый и белый воротничок, нежная сухая рука, которая так часто меня ласкала и которую я так часто целовал; но общее выражение ускользает от меня.

Налево от дивана стоял старый английский рояль; перед роялем сидела черномазенькая моя сестрица Любочка и розовенькими, только что вымытыми холодной водой пальчиками с заметным напряжением разыгрывала этюды Clementi. Ей было одиннадцать лет; она ходила в коротеньком холстинковом платье, в беленьких, обшитых кружевом, панталончиках и октавы могла брать только *aggreggio*. Подле неё, вполупоборот, сидела Марья Ивановна в чепце с розовыми лентами, в голубой кацавейке и с красным сердитым лицом, которое приняло ещё более строгое выражение, как только вошёл Карл Иваныч. Она грозно посмотрела на него и, не отвечая на его поклон, продолжа-

ла, топая ногой, считать: «Un, deux, trois, un, deux, trois»¹, — ещё громче и повелительнее, чем прежде.

Карл Иванович, не обращая на это ровно никакого внимания, по своему обыкновению, с немецким приветствием подошёл прямо к ручке матушки. Она опомнилась, тряхнула головкой, как будто желая этим движением отогнать грустные мысли, подала руку Карлу Ивановичу и поцеловала его в морщинистый висок, в то время как он целовал её руку.

— Ich danke, lieber² Карл Иванович, — и, продолжая говорить по-немецки, она спросила: — Хорошо ли спали дети?

Карл Иванович был глух на одно ухо, а теперь от шума за роялем вовсе ничего не слышал. Он нагнулся ближе к дивану, опёрся одной рукой о стол, стоя на одной ноге, и с улыбкой, которая тогда мне казалась верхом утончённости, приподнял шапочку над головой и сказал:

— Вы меня извините, Наталья Николаевна?

Карл Иванович, чтобы не простудить своей голой головы, никогда не снимал красной шапочки, но всякий раз, входя в гостиную, спрашивал на это позволения.

— Наденьте, Карл Иванович... Я вас спрашиваю, хорошо ли спали дети? — сказала татап, подвинувшись к нему и довольно громко.

Но он опять ничего не слышал, прикрыл лысину красной шапочкой и ещё милее улыбался.

— Пойдите на минутку, Мими, — сказала татап Марье Ивановне с улыбкой, — ничего не слышно.

Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было её лицо, оно делалось несравненно лучше, и кругом всё как будто веселело. Если бы в тяжёлые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку, я бы не знал, что такое горе. Мне кажется, что в одной улыбке состоит то, что называют красотой лица: если улыбка прибавляет прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не изменяет его, то оно обыкновенно; если она портит его, то оно дурно.

¹ Раз, два, три, раз, два, три (*фр.*).

² Благодарю, милый (*нем.*).

Поздоровавшись со мною, татап взяла обеими руками мою голову и откинула её назад, потом посмотрела пристально на меня и сказала:

— Ты плакал сегодня?

Я не отвечал. Она поцеловала меня в глаза и по-немецки спросила:

— О чём ты плакал?

Когда она разговаривала с нами дружески, она всегда говорила на этом языке, который знала в совершенстве.

— Это я во сне плакал, татап, — сказал я, припоминая со всеми подробностями выдуманный сон и невольно содрогаясь при этой мысли.

Карл Иванович подтвердил мои слова, но умолчал о сне. Поговорив ещё о погоде, — разговор, в котором приняла участие и Мими, — татап положила на поднос шесть кусочков сахару для некоторых почётных слуг, встала и подошла к пальцам, которые стояли у окна.

— Ну, ступайте теперь к папá, дети, да скажите ему, чтобы он непременно ко мне зашёл, прежде чем пойдёт на гумно.

Музыка, считанье и грозные взгляды опять начались, а мы пошли к папа. Пройдя комнату, удержавшую ещё от времён дедушки название *официантской*, мы вошли в кабинет.

Глава X

ЧТО ЗА ЧЕЛОВЕК БЫЛ МОЙ ОТЕЦ?

Он был человек прошлого века и имел общий молодёжи того века неуловимый характер рыцарства, предприимчивости, самоуверенности, любезности и разгула. На людей нынешнего века он смотрел презрительно, и взгляд этот происходил столько же от врождённой гордости, сколько от тайной досады за то, что в наш век он не мог иметь ни того влияния, ни тех успехов, которые имел в свой. Две главные страсти его в жизни были карты и женщины; он выиграл

в продолжение своей жизни несколько миллионов и имел связи с бесчисленным числом женщин всех сословий.

Большой статный рост, странная, маленькими шажками, походка, привычка подергивать плечом, маленькие, всегда улыбающиеся глазки, большой орлиный нос, неправильные губы, которые как-то неловко, но приятно складывались, недостаток в произношении — пришепётывание, и большая, во всю голову, лысина: вот наружность моего отца, с тех пор как я его запомнил, — наружность, с которою он умел не только прослыть и быть человеком *à bonnes fortunes*¹, но нравиться всем без исключения — людям всех сословий и состояний, в особенности же тем, которым хотел нравиться.

Он умел взять верх в отношениях со всяким. Не быв никогда человеком *очень большого света*, он всегда водился с людьми этого круга, и так, что был уважаем. Он знал ту крайнюю меру гордости и самонадеянности, которая, не оскорбляя других, возвышала его в мнении света. Он был оригинален, но не всегда, а употреблял оригинальность как средство, заменяющее в иных случаях светскость или богатство. Ничто на свете не могло возбудить в нём чувства удивления: в каком бы он ни был блестящем положении, казалось, он для него был рождён. Он так хорошо умел скрывать от других и удалять от себя известную всем тёмную, наполненную мелкими досадами и огорчениями сторону жизни, что нельзя было не завидовать ему. Он был знаток всех вещей, доставляющих удобства и наслаждения, и умел пользоваться ими. Конёк его был блестящие связи, которые он имел частию по родству моей матери, частию по своим товарищам молодости, на которых он в душе сердился за то, что они далеко ушли в чинах, а он навсегда остался отставным поручиком гвардии. Он, как и все бывшие военные, не умел одеваться по-модному; но зато он одевался оригинально и изящно. Всегда очень широкое и лёгкое платье, прекрасное бельё, большие отвороченные манжеты и воротнички... Впрочем, всё шло к его большому росту,

¹ Удачливость (фр.).

сильному сложению, лысой голове и спокойным, самоуверенным движениям. Он был чувствителен и даже слезлив. Часто, читая вслух, когда он доходил до патетического места, голос его начинал дрожать, слёзы показывались, и он с досадой оставлял книгу. Он любил музыку, пел, аккомпанируя себе на фортепьяно, романсы приятеля своего А..., цыганские песни и некоторые мотивы из опер; но учёной музыки не любил и, не обращая внимания на общее мнение, откровенно говорил, что сонаты Бетховена нагоняют на него сон и скуку и что он не знает лучше ничего, как «Не будите меня, молодую», как её пела Семёнова, и «Не одна», как пела цыганка Танюша. Его натура была одна из тех, которым для хорошего дела необходима публика. И то только он считал хорошим, что называла хорошим публика. Бог знает, были ли у него какие-нибудь нравственные убеждения? Жизнь его была так полна увлечениями всякого рода, что ему некогда было составлять себе их, да он и был так счастлив в жизни, что не видел в том необходимости.

В старости у него образовался постоянный взгляд на вещи и неизменные правила, — но единственно на основании практическом: те поступки и образ жизни, которые доставляли ему счастье или удовольствия, он считал хорошими и находил, что так всегда и всем поступать должно. Он говорил очень увлекательно, и эта способность, мне кажется, усиливала гибкость его правил: он в состоянии был тот же поступок рассказать как самую милую шалость и как низкую подлость.

Глава XV

ДЕТСТВО

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений.

Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своём высоком креслице; уже поздно, давно вы-

пил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Маман говорит с кем-нибудь, и звуки голоса её так сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на её лицо, и вдруг она сделалась вся маленькая, маленькая — лицо её не больше пуговики; но оно мне всё так же ясно видно: вижу, как она взглянула на меня и как улыбнулась. Мне нравится видеть её такой крошечной. Я прищуриваю глаза ещё больше, и она делается не больше тех мальчиков, которые бывают в зрчках; но я пошевелился — и очарование разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснёшь, Николенька, — говорит мне татап, — ты бы лучше шёл наверх.

— Я не хочу спать, мамаша, — ответишь ей, и неясные, но сладкие грёзы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят. Чувствуешь, бывало, впросонках, что чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаёшь её и ещё во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмёшь её к губам.

Все уже разошлись; одна свеча горит в гостиной; татап сказала, что она сама разбудит меня; это она присела на кресло, на котором я сплю, своей чудесной нежной ручкой провела по моим волосам, и над ухом моим звучит милый знакомый голос:

— Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стесняют её: она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. Я не шевелюсь, но ещё крепче целую её руку.

— Вставай же, мой ангел.

Она другой рукой берёт меня за шею, и пальчики её быстро шевелятся и щекотят меня. В комнате тихо, полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробуждением; мамаша сидит подле самого меня; она трогает меня; я слышу её запах и голос. Всё это заставляет меня вскочить, обвить руками её шею, прижать голову к её груди и, задыхаясь, сказать:

— Ах, милая, милая мамаша, как я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, берёт обеими руками мою голову, целует меня в лоб и кладёт к себе на колени.

— Так ты меня очень любишь? — Она молчит с минуту, потом говорит: — Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамашы, ты не забудешь её? не забудешь, Николенька?

Она ещё нежнее целует меня.

— Полно! и не говори этого, голубчик мой, душечка моя! — вскрикиваю я, целуя её колени, и слёзы ручьями льются из моих глаз — слёзы любви и восторга.

После этого, как, бывало, придёшь наверх и станешь перед иконами, в своём ваточном халатце, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Спаси, Господи, папеньку и маменьку». Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство.

После молитвы завернёшься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отрадно; одни мечты гонят другие, — но о чём они? Они неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карле Ивановиче и его горькой участи — единственном человеке, которого я знал несчастливым, — и так жалко станет, так полюбишь его, что слёзы потекут из глаз, и думаешь: «Дай Бог ему счастья, дай мне возможность помочь ему, облегчить его горе; я всем готов для него пожертвовать». Потом любимую фарфоровую игрушку — зайчика или собачку — уткнёшь в угол пуховой подушки и любишься, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Ещё помолишься о том, чтобы дал Бог счастья всем, чтобы все были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернёшься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, смешаются, и уснёшь тихо, спокойно, ещё с мокрым от слёз лицом.

Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная весёлость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями в жизни?

Где те горячие молитвы? где лучший дар — те чистые слёзы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слёзы эти и навевал сладкие грёзы неиспорченному детскому воображению.

Неужели жизнь оставила такие тяжёлые следы в моём сердце, что навеки отошли от меня слёзы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?

1852

Вопросы и задания

1. Какие чувства пробуждают в вас герои повести «Детство» и их поступки?
2. Каков мир окружающих Николеньку людей?
3. С каким чувством вспоминает Николенька мать? Выпишите слова, подтверждающие ваш вывод.
4. Устно по различным деталям воссоздайте портрет матери.
5. Прочитайте начало (первый абзац) главы «Что за человек был мой отец?». В этом фрагменте Л.Н. Толстой создаёт психологический портрет отца. Какие черты ему присущи? Выпишите из текста слова, которые станут ключевыми при ответе на вопрос.
6. Как дополняется портрет отца, данный в самом начале главы, дальнейшим повествованием? Какие детали здесь вам кажутся наиболее важными? Какое место вообще в повести занимает художественная деталь?
7. Какие эпитеты употребляет Л.Н. Толстой, говоря о детстве?
8. Найдите в тексте главы «Детство» риторические фигуры. Какова их роль?
9. Каковы взаимоотношения Николеньки с близкими людьми? Составьте план ответа на этот вопрос.
10. Как вы думаете, от чего зависит, «вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве»?
11. Кого и в какой момент изобразил художник А.Л. Костин на иллюстрациях к повести? Найдите в тексте эпизоды, к которым выполнены данные рисунки.

Живое слово

Вы познакомились с главами из повести «Детство». Представьте себе одну из ситуаций, через которые проходят герои произведения, и себя на месте Николеньки. Подготовьте небольшой рассказ.

Тема детства в творчестве Л.Н. Толстого занимает значительное место. Это и автобиографическая проза, и «Азбука», написанная им специально для маленьких читателей. Образы детей вы встретите в рассказе «Кавказский пленник» и самых крупных произведениях писателя — «Войне и мире», «Анне Карениной».

Перед вами небольшой рассказ с довольно необычной для творческой биографии Л.Н. Толстого историей — «Бедные люди». Это прозаическое переложение стихотворения французского писателя Виктора Гюго, которое Толстой высоко ценил и любил. В трактате «Что такое искусство?» Толстой относит это произведение Гюго к числу «образцов высшего, вытекающего из любви к Богу и ближнему религиозного искусства».

В 1904 году в издании «Посредник» вышел принадлежащий писательнице Л.И. Веселитской (В. Микулич) прозаический перевод этого стихотворения Гюго. В 1905 году Толстой внёс в него ряд исправлений и включил в «Круг чтения», а в 1908 году снова переработал для второго издания «Круга чтения». Толстой предпочёл прозаическое переложение стихотворному и стремился в своих исправлениях и уточнениях быть как можно ближе к подлиннику. «Это такая классическая вещь, что портить её грех», — утверждал писатель.

М.Н. Бойко

<http://kurokam.ru>

В рыбацкой хижине сидит у огня Жанна, жена рыбака, и чинит старый парус. На дворе свищет и воет ветер и, плескаясь и разбиваясь о берег, гудят волны... На дворе темно и холодно, на море буря, но в рыбацкой хижине

тепло и уютно. Земляной пол чисто выметен; в печи не потух ещё огонь; на полке блестит посуда. На кровати с опущенным белым пологом спят пятеро детей под завывание бурного моря. Муж-рыбак с утра вышел на своей лодке в море и не возвращался ещё. Слышит рыбачка гул волн и рёв ветра. Жутко Жанне.

Старые деревянные часы с хриплым боем пробили десять, одиннадцать... Мужа всё нет. Жанна задумывается. Муж не жалеет себя, в холод и бурю ловит рыбу. Она сидит с утра до вечера за работой. И что же? Еле-еле кормятся. А у ребяток всё нет обуви, и летом и зимой бегают босиком; и хлеб едят не пшеничный, — хорошо и то, что хватает ржаного. Только и приправы к еде, что рыба. «Ну, да слава Богу, дети здоровы. Нечего жаловаться, — думает Жанна и опять прислушивается к буре. — Где-то он теперь? Сохрани его, Господи, спаси и помилуй!» — говорит она и крестится.

Спать ещё рано. Жанна встаёт, накидывает на голову толстый платок, зажигает фонарь и выходит на улицу посмотреть, не тише ли стало море, не светлеет ли, и горит ли лампа на маяке, и не видать ли лодки мужа. Но на море ничего не видно. Ветер рвёт с неё платок и чем-то оторванным стучит в дверь соседней избушки, и Жанна вспоминает о том, что она ещё с вечера хотела зайти проведать больную соседку. «Некому и приглядеть за ней», — подумала Жанна и постучала в дверь. Прислушалась... Никто не отвечает.

«Плохое вдовье дело, — думает Жанна, стоя у порога. — Хоть и немного детей — двое, а всё одной обдумать надо. А тут ещё болезнь! Эх, плохое вдовье дело. Зайду проведаю».

Жанна постучала ещё и ещё. Никто не отвечал.

— Эй, соседка! — крикнула Жанна. «Уж не случилось ли что», — подумала она и толкнула дверь.

В избушке было сыро и холодно. Жанна подняла фонарь, чтобы оглядеть, где больная. И первое, что ей бросилось в глаза, — это постель прямо против двери, и на постели она, соседка, лежит на спине так тихо и неподвижно, как лежат

только мёртвые. Жанна поднесла фонарь ещё ближе. Да, это она. Голова закинута назад; на холодном, посиневшем лице спокойствие смерти. Бледная мёртвая рука, будто потянувшаяся за чем-то, упала и свесилась с соломы. И тут же, недалеко от мёртвой матери, двое маленьких детей, кудрявых и толстошеих, прикрытых старым платьем, спят, скорчившись и прижавшись друг к другу белокурыми головками. Видно, мать, умирая, ещё успела закутать им ножки старым платком и накрыть их своим платьем. Дыхание их ровно и спокойно, они спят сладко и крепко.

Жанна снимает колыбельку с детьми и, закутав их платком, песёт домой. Сердце её сильно бьётся; она сама не знает, как и зачем она сделала это, но она знает, что не могла не сделать то, что сделала.

Дома она кладёт непроснувшихся детей на кровать с своими детьми и торопливо задёргивает полог. Она бледна и взволнованна. Точно мучит её совесть. «Что-то скажет он?.. — сама с собой говорит она. — Шутка ли, пятеро своих ребятишек — мало ему было с ними заботы... Это он?.. Нет, нет ещё!.. И зачем было брать!.. Прибьёт он меня! Да и поделом, я и стою того. Вот он! Нет!.. Ну, тем лучше!»

Дверь скрипнула, будто кто вошел. Жанна вздрогнула и приподнялась со стула.

«Нет. Опять никого! Господи, и зачем я это сделала?.. Как ему теперь в глаза взгляну?..» И Жанна задумывается и долго сидит молча у кровати.

Дождь перестал; рассвело, но ветер гудит, и море ревёт по-прежнему.

Вдруг дверь распахнулась, в комнату ворвалась струя свежего морского воздуха, и высокий смуглый рыбак, волоча за собой мокрые разорванные сети, входит в горницу со словами:

— Вот и я, Жанна!

— Ах, это ты! — говорит Жанна и останавливается, не смея поднять на него глаза.

— Ну, уж ночька! Страх!

— Да, да, погода была ужасная! Ну, а как ловля?

— Дрянь, совсем дрянь! Ничего не поймал. Только сети разорвал. Плохо, плохо!.. Кажется, такой ночи и не запомню. Какая там ловля! Слава Богу, что жив домой добрался... Ну, а ты что тут без меня делала?

Рыбак втащил сети в комнату и сел у печки.

— Я? — сказала Жанна, бледнея. — Да что ж я... Сидела шила... Ветер так завывал, что страшно становилось. Боялась за тебя.

— Да, да, — пробормотал муж, — погода чертовски скверная! Да что поделаешь!

Оба помолчали.

— А знаешь, — сказала Жанна, — соседка-то Симон умерла.

— Ну?

— И не знаю когда; верно, ещё вчера. Да, тяжело ей было умирать. Да и за детей-то, должно быть, как сердце болело! Ведь двое детей — крошки... Один ещё не говорит, а другой чуть начинает ползать...

Жанна замолчала. Рыбак нахмурился; лицо его сделалось серьёзно, озабоченно.

— Ну, дела! — проговорил он, почёсывая в затылке. — Ну, да что станешь делать! Придётся взять, а то проснутя, каково им с покойницей? Ну, да что уж, как-нибудь перебьёмся! Ступай же скорей!

Но Жанна не двигалась с места.

— Что ж ты? Не хочешь? Что с тобой, Жанна?

— Вот они, — сказала Жанна и отёрнула полог.

Вопросы и задания

1. Расскажите о творческой истории рассказа «Бедные люди».
2. Какие детали подчёркивают крайнюю бедность семьи Жанны? Запишите ключевые слова и словосочетания.
3. Расскажите об отношении Жанны к мужу. Какие слова вы выберете для характеристики?

4. Л.Н. Толстой подчеркнул, что стихотворение Гюго является образцом «высшего, вытекающего из любви к Богу и ближнему религиозного искусства». Подтвердите этот тезис писателя.

5. Попробуйте дать собственную оценку решению Жанны и её мужа.

6*¹. Можно ли отнести это прозаическое переложение стихотворения В. Гюго к жанру стихотворений в прозе? Аргументируйте свой ответ.

7*. Есть ли глубинная, внутренняя связь между автобиографической повестью Л.Н. Толстого «Детство» и рассказом «Бедные люди»? Дайте развёрнутый ответ.

Живое слово

1. Напишите небольшое сочинение-размышление на тему «Какие мысли и чувства вызывает у меня рассказ Л.Н. Толстого?». Подберите к своему сочинению эпиграф.

2. Подготовьте сообщение на тему «Толстой и Ясная Поляна». Запишите ключевые слова, которыми вы будете пользоваться во время рассказа.

Советуем прочитать

В России имеется несколько литературных музеев, посвящённых Л.Н. Толстому: Государственный музей Л.Н. Толстого в Москве, мемориальный музей писателя в Ясной Поляне и другие. Подберите материал об одном из них и подготовьте сообщение. Материал вы можете подобрать в библиотеке и на сайтах музеев в Интернете.

¹ Знаком * отмечены задания повышенной сложности.

**ВЛАДИМИР
ГАЛАКТИОНОВИЧ
КОРОЛЕНКО**

1853—1921

Владимир Галактионович Короленко родился в семье уездного судьи, происходившего из старинного рода украинских казаков. Короленко сначала учился в польском пансионе, затем — в Житомирской гимназии. В старших классах любимыми уроками его стали уроки русского языка и словесности. «Я нашёл тогда свою родину, — напишет он позднее, — и этой родиной стала прежде всего русская литература».

Он окончил гимназию с серебряной медалью и поступил в Петербургский технологический институт, но из-за тяжёлого материального положения не закончил учёные и начал добывать средства к существованию. Вскоре переехал в Москву, поступил в Лесную академию. За участие в коллективном протесте студентов был исключён из неё, сослан в Вологодскую губернию, впоследствии снова арестован, сослан в Вятку, в Пермь, Якутск. В ссылке проявился его талант. С 1885 года начинают печататься в столичных журналах рассказы и очерки («В дурном обществе», «Лес шумит», «Сон Макара», «Соколинец»), повесть «Слепой музыкант».

С середины 80-х годов Короленко занял видное место в русской литературе, завоевал широкое признание, познакомился с Л. Толстым, А. Чеховым.

Короленко — убеждённый демократ, не раз выступающий против грабежей, зверств, ходатайствовавший за

арестованных. Раздумья о народе тесно связаны с вопросом, который проходит через многие произведения писателя: «Для чего, в сущности, создан человек?» «Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него», — пытается он ответить на этот вопрос в очерке «Парадокс». И всё-таки произведения В.Г. Короленко всегда призывают надеяться, что впереди добро.

«Всё-таки впереди — огни!» — писал он в стихотворении в прозе «Огоньки».

По В.П. Катаеву

Вопросы и задания

1. Какую «родину» обрёл писатель?
2. К чему призывал Короленко?
3. Какие его произведения вам известны?
4. Объясните, как вы поняли смысл высказывания из рассказа «Парадокс»: «Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него»?

Живое слово

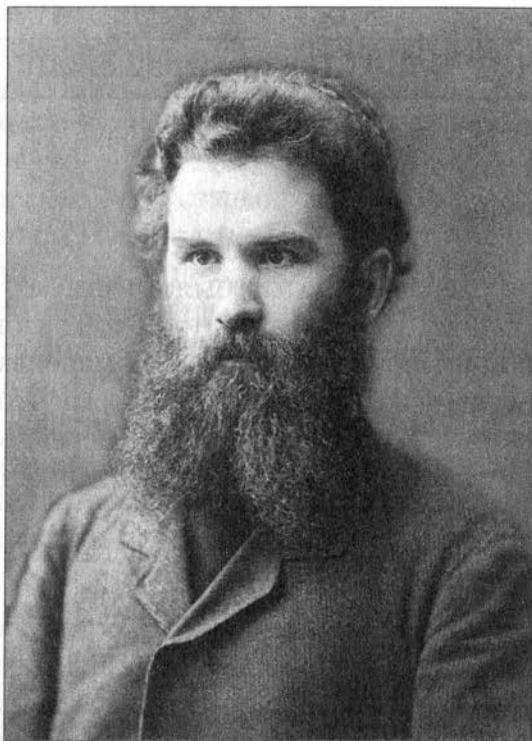
Подготовьте небольшое сообщение о писателе.

Для вас, любознательные

Рассказ «В дурном обществе» почти полностью написан в годы пребывания Короленко в якутской ссылке

В.Г. Короленко.
Фотография М.П. Дмитриева. 1889 г.

(1881—1884). Автор работал над ним и в 1885 году в Петербурге, в доме предварительного заключения, где ему пришлось просидеть несколько дней. В том же году рассказ был напечатан в журнале «Русская мысль».

В одной из автобиографий Короленко, касаясь рассказа «В дурном обществе», говорит: «Многие черты взяты с натуры, и, между прочим, самое место действия описано совершенно точно с города, где мне пришлось оканчивать курс». Здесь имеется в виду город Ровно (названный в рассказе «Княжье-Вено»), где Короленко учился. В образе судьи автор воспроизвёл некоторые черты своего отца.

I. РАЗВАЛИНЫ

Мать моя умерла, когда мне было шесть лет. Отец, весь отдавшись своему горю, как будто совсем забыл о моём существовании. Порой он ласкал мою маленькую сестру Соню и по-своему заботился о ней, потому что в ней были черты матери. Я же рос, как дикое деревцо в поле, — никто не окружал меня особенною заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы.

Местечко, где мы жили, называлось Княжье-Вено или, проще, Княж-городок...

Если вы подъезжаете к местечку с востока, вам прежде всего бросается в глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшение города. Самый город раскинулся внизу, над сонными, заплесневевшими прудами. Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками. Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кряхтит, вздрагивая под колесами, и шатается, точно дряхлый старик. Вонь, грязь, кучи ребят, ползающих в уличной пыли. Но вот ещё минута — и вы уже за городом. Тихо шепчутся берёзы над могилами кладбища, да ветер волнует хлеба на нивах и звенит унылою, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа.

С севера и юга городок ограждался широкими водяными гладами и топями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие, густые камыши волновались, как море, на громадных болотах. Посредине одного из прудов находится остров. На острове — старый, полуразрушенный замок. О нём ходили предания и рассказы один другого страшнее.

В западной стороне, на горе, среди истлевших крестов и провалившихся могил, стояла давно заброшенная часовня. У неё кое-где провалилась крыша, стены осыпались, и вместо гулко-го медного колокола совы заводили в ней по ночам свои зловещие песни.

Было время, когда старый замок служил даровым убежищем всякому бедняку без малейших ограничений... Все эти бедняки терзали внутренности дряхлого здания, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили и чем-то питались — вообще как-то поддерживали своё существование.

Однако настали дни, когда среди этого общества, ютившегося под кровом седых развалин, пошли раздоры. Старый Януш, бывший некогда одним из мелких графских служащих, выхлопотал себе нечто вроде звания управляющего и приступил к преобразованиям... Януш оставил в замке преимущественно бывших слуг или потомков слуг графского рода.

Привлечённые шумом и криками, которые во время этой революции неслись с острова, я и несколько моих товарищей пробрались туда и, спрятавшись за толстыми стволами тополей, наблюдали, как Януш во главе целой армии красноносых старцев и безобразных старух гнал из замка последних подлежавших изгнанию жильцов. Наступал вечер. Туча, нависшая над высокими вершинами тополей, уже сыпала дождиком. Какие-то несчастные тёмные личности, запахиваясь изорванными донельзя лохмотьями, жалкие и сконфуженные, совались по острову, точно кроты, выгнанные из нор мальчишками, стараясь вновь незаметно шмыгнуть в какое-нибудь из отверстий замка. Но Януш и старые ведьмы с криком и ругательствами гоняли их отовсюду, угрожая кочергами и палками, а в стороне стоял молчаливый будочник¹, тоже с увесистой дубиной в руках.

...С того вечера и замок, и Януш явились передо мной в новом свете... Замок стал мне противен... Я не

¹ *Будочник* — полицейский.

Иллюстрации к рассказу — художник Г.П. Фитингоф. 1960-е гг.

мог забыть холодной жестокости, с которой торжествующие жильцы замка гнали своих несчастных сожителей, а при воспоминании о тёмных личностях, оставшихся без крова, у меня сжималось сердце. Несчастные изгнанники нашли приют где-то на горе, около часовни, но как они ухитрились пристроиться там, никто не мог сказать в точности. Все видели только, что с той

стороны, с гор и оврагов, окружавших часовню, спускались в город по утрам самые невероятные и подозрительные фигуры, которые в сумерки исчезали в том же направлении. Ходили слухи, что эти бедняки, окончательно лишённые всяких средств к жизни со времени изгнания из замка, составили дружное сообщество и занимались, между прочим, мелким воровством в городе и окрестностях.

Организатором и руководителем этого сообщества несчастливцев был пан Тыбурций Драб, самая замечательная личность из всех не ужившихся в старом замке.

...Наружность пана Тыбурция не имела в себе ничего аристократического¹. Роста он был высокого, крупные черты лица были грубо-выразительны. Короткие, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкий лоб, несколько выдававшаяся вперёд нижняя челюсть и сильная подвижность лица напоминали что-то обезьянье; но глаза, сверкавшие из-под нависших бровей, смотрели упорно и мрачно, и в них светились вместе с лукавством острая проницательность, энергия и ум. В то время как на его лице сменялся целый ряд гримас, эти глаза сохраняли постоянно одно выражение, отчего мне всегда было безотчетно жутко смотреть на кривлянье этого странного человека. По ним как будто струилась глубокая постоянная печаль.

Никто не знал, откуда у пана Тыбурция явились дети: мальчик лет семи, но рослый и развитый не по летам, и маленькая трёхлетняя девочка. Мальчик по имени Валёк, высокий, тонкий, черноволосый, угрюмо шатался иногда по городу без особенного дела, заложив руки в карманы и кидая по сторонам взгляды, смущавшие калачниц². Девочку видели только один или два раза на руках пана Тыбурция, а затем она куда-то исчезла, и где находилась — никому не было известно.

¹ *Аристократический* — здесь: свойственный аристократам (дворянской знати).

² *Калачницы* — торговки калачами.

Пан Тыбурций

Поговаривали о каких-то подземельях на горе около часовни. Гора, изрытая могилами, пользовалась дурной славой. На старом кладбище в сырые осенние ночи загорались синие огни, а в часовне сычи кричали так пронзительно и звонко, что сжималось сердце... <...>

III. Я И МОЙ ОТЕЦ

С тех пор как умерла моя мать, а суровое лицо отца стало ещё угрюмее, меня очень редко видели дома. В последние летние вечера я прокрадывался по саду, как молодой волчонок, избегая встречи с отцом, отворял посредством особых приспособлений своё окно, полузакрытое густой зеленью сирени, и тихо ложился в постель. Если малень-

кая сестрёнка ещё не спала в своей качалке в соседней комнате, я подходил к ней, и мы тихо ласкали друг друга и играли, стараясь не разбудить ворчливую старую няньку.

А утром, чуть свет, когда в доме ещё спали, я уж прокладывал росистый след в густой, высокой траве сада, перелезал через забор и шёл к пруду, где меня ждали с удочками такие же сорванцы-товарищи, или к мельнице, где сонный мельник только что отодвинул шлюзы¹ и вода, чутко вздрагивая на зеркальной поверхности, кидалась в потоки² и бодро принималась за дневную работу...

Я шёл далее. Мне нравилось встречать пробуждение природы; я бывал рад, когда мне удавалось вспугнуть заспавшегося жаворонка или выгнать из борозды трусливого зайца. Капли росы падали с верхушек трясушки, с головок луговых цветов, когда я пробирался полями к загородной роще. Деревья встречали меня шёпотом ленивой дремоты.

Все меня звали бродягой, негодным мальчишкой и так часто укоряли в разных дурных наклонностях, что я наконец и сам проникся этим убеждением. Отец также поверил этому и делал иногда попытки заняться моим воспитанием, но попытки всегда кончались неудачей. При виде строгого и угрюмого лица, на котором лежала суровая печать неизлечимого горя, я робел и замыкался в себе. Я стоял перед ним, переминаясь, теребя свои штанишки, и озирался по сторонам. Временами что-то как будто подымалось у меня в груди, мне хотелось, чтоб он обнял меня, посадил к себе на колени и приласкал. Тогда я прильнул бы к его груди, и, быть может, мы вместе заплакали бы — ребёнок и суровый мужчина — о нашей общей утрате. Но он смотрел на меня отуманенными глазами, как будто поверх моей головы, и я весь сжимался под этим непонятным для меня взглядом.

— Ты помнишь матушку?

¹ Шлюзы — здесь: ворота в плотине для пропуска воды.

² Потоки — лопасти мельничного колеса.

Помнил ли я её? О да, я помнил её! Я помнил, как было, просыпаясь ночью, я искал в темноте её нежные руки и крепко прижимался к ним, покрывая их поцелуями. Я помнил её, когда она сидела больная перед открытым окном и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь с нею в последний год своей жизни.

И теперь часто, в глухую полночь, я просыпался, полный любви, которая теснилась в груди, переполняя детское сердце, просыпался с улыбкой счастья. И опять, как прежде, мне казалось, что она со мною, что я сейчас встречу её любящую, милую ласку.

Да, я помнил её!.. Но на вопрос высокого, угрюмого человека, в котором я желал, но не почувствовал родную душу, я съёживался ещё более и тихо выдёргивал из его руки свою ручонку.

И он отворачивался от меня с досадою и болью. Он чувствовал, что не имеет на меня ни малейшего влияния, что между нами стоит какая-то стена. Он слишком любил её, когда она была жива, не замечая меня из-за своего счастья. Теперь меня закрывало от него тяжёлое горе.

И мало-помалу пропасть, нас разделявшая, становилась всё шире и глубже... Порой, спрятавшись в кустах, я наблюдал за ним; я видел, как он шагал по аллеям, всё ускоряя походку, и глухо стонал от нестерпимой душевной муки. Тогда моё сердце загоралось жалостью и сочувствием. Один раз, когда, сжав руками голову, он присел на скамейку и зарыдал, я не вытерпел и выбежал из кустов на дорожку, повинувшись пламенному желанию кинуться на шею отцу. Но, услышав мои шаги, он сурово взглянул на меня и осадил холодным вопросом:

— Что нужно?

Мне ничего не было нужно. Я быстро отвернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтобы отец не прочёл его в моём смущённом лице. Убежав в чащу сада, я упал лицом в траву и горько заплакал от досады и боли.

С шести лет я испытывал уже ужас одиночества.

Сестре Соне было четыре года. Я любил её страстно, и она платила мне такую же любовью; но установившийся взгляд на меня, как на отпетого маленького разбойника, воздвиг и между нами высокую стену. Всякий раз, когда я начинал играть с нею, по-своему шумно и резво, старая нянька, вечно сонная и вечно дравшаяся с закрытыми глазами куриные перья для подушек, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила к себе, кидая на меня сердитые взгляды; в таких случаях она всегда напоминала мне включенную насадку, себя я сравнивал с хищным коршуном, а Соню — с маленьким цыплёнком. Мне становилось очень горько и досадно. Немудрено поэтому, что скоро я прекратил всякие попытки занимать Соню моими преступными играми, а ещё через некоторое время мне стало тесно в доме и в садике, где я не встречал ни в ком привета и ласки. Я начал бродяжить.

Мне всё казалось, что где-то там, в этом большом и неведомом свете, за старою оградой сада, я найду что-то; казалось, что я что-то должен сделать и могу что-то сделать, но только не знал, что именно. Я притерпелся к упрёкам и выносил их, как выносил внезапно налетавший дождь или солнечный зной. Я хмуро выслушивал замечания и поступал по-своему. Шатаясь по улицам, я всматривался детски любопытными глазами в незатейливую жизнь городка с его лачугами, вслушивался в гул проволок на шоссе, стараясь уловить, как вести несутся по ним из далёких больших городов, или в шелест колосьев, или в шёпот ветра на высоких гайдамацких могилах¹...

Когда все углы города сделались мне известны до последних грязных закоулков, тогда я стал заглядываться на видневшуюся вдаль, на горе, часовню. Мне захотелось осмотреть её всю, заглянуть внутрь, чтобы убедиться, что и там нет ничего, кроме пыли. Но так как одному было бы и страшно, и неудобно предпринимать подобную экскур-

¹ *Гайдамацкие могилы* — могилы украинских казаков, участников восстания против польских помещиков.

сию, то я собрал на улицах города небольшой отряд из трёх сорванцов, привлечённых обещанием булок и яблоков из нашего сада.

IV. Я ПРИОБРЕТАЮ НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Мы вышли в экскурсию после обеда. Солнце начинало склоняться к закату. Косые лучи мягко золотили зелёную мураву старого кладбища, играли на старых, покосившихся крестах, переливались в уцелевших окнах часовни. Было тихо, веяло спокойствием и глубоким миром брошенного кладбища.

Мы были одни; только воробьи возились кругом да ласточки бесшумно влетали и вылетали в окна старой часовни, которая стояла, грустно понурясь, среди поросших травой могил, скромных крестов, полуразвалившихся каменных гробниц, на развалинах которых стлалась густая зелень, пестрели разноцветные головки лютиков, кашки, фиалок.

Дверь часовни была крепко заколочена, окна — высоко над землёю; однако при помощи товарищей я надеялся взобраться на них и заглянуть внутрь часовни.

— Не надо! — вскрикнул один из моих спутников, вдруг потерявший всю свою храбрость, и схватил меня за руку.

— Пошёл ко всем чертям, баба! — прикрикнул на него старший из нашей маленькой армии, с готовностью подставляя спину.

Я храбро взобрался на неё, потом он выпрямился, и я стал на его плечи. В таком положении я без труда достал рукой раму и, убедясь в её крепости, поднялся к окну и сел на него.

— Ну, что же там? — спрашивали меня снизу с живым интересом.

Я молчал. Перегнувшись через косяк, я заглянул внутрь часовни. Внутренность высокого узкого здания была лишена всяких украшений. Лучи вечернего солнца,

свободно врываясь в открытые окна, разрисовали ярким золотом старые, ободранные стены. Углы были затканы паутиной. От окна до пола казалось гораздо дальше, чем до травы снаружи. Я смотрел точно в глубокую яму и сначала не мог разглядеть каких-то предметов, еле выделявшихся на полу странными очертаниями.

Между тем моим товарищам надоело стоять внизу, ожидая от меня известий, и потому один из них, проделав то же, что и я раньше, повис рядом со мною, держась за оконную раму.

— Что там такое? — с любопытством указал он на тёмный предмет, видневшийся рядом с престолом¹.

— Поповская шапка.

— Нет, ведро.

— Зачем же тут ведро?

— Может быть, в нём когда-то были угли для кадила².

— Нет, это действительно шапка. Впрочем, можно посмотреть. Давай привяжем к раме пояс, и ты по нём спустишься.

— Да, как же, так и спущусь!.. Полежай сам, если хочешь.

— Ну, что ж! Думаешь, не полезу?

— И полежай!

Действуя по первому побуждению, я крепко связал два ремня, задел их за раму и, отдав один конец товарищу, сам повис на другом. Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнул; но взгляд на участливо склонившуюся ко мне рожицу моего приятеля восстановил мою бодрость. Стук каблука зазвенел под потолком, отдался в пустоте часовни, в её тёмных углах. Несколько воробьёв вспорхнули с насиженных мест на хорах³ и вылетели в большую прореху в крыше.

¹ Престол — высокий стол в центре алтаря со священными предметами, необходимыми во время богослужения.

² Кади́ло — сосуд на цепях для возжигания специальной смолы — ладана для совершения церковных обрядов.

³ Хоры — галерея или балкон внутри церкви, на которых обычно находились певчие церковного хора.

Мне было жутко; глаза моего друга сверкали захватывающими дух любопытством и участием.

— Ты подойдёшь? — спросил он тихо.

— Подойду, — ответил я так же, собираясь с духом. Но в эту минуту случилось нечто совершенно неожиданное.

Сначала послышался стук и шум обвалившейся на хорах штукатурки. Что-то завозилось вверху, тряхнуло в воздухе тучею пыли, и большая серая масса, взмахнув крыльями, поднялась к прорехе в крыше. Часовня на мгновение как будто потемнела. Огромная старая сова, обеспокоенная

нашей вознёй, вылетела из тёмного угла, мелькнула на фоне голубого неба в пролёте и шарахнулась вон.

Я почувствовал прилив судорожного страха.

— Подымай! — крикнул я товарищу, схватившись за ремень.

— Не бойся, не бойся! — успокаивал он, приготовляясь поднять меня на свет дня и солнца.

Но вдруг лицо его исказилось от страха; он вскрикнул и мгновенно исчез, спрыгнув с окна. Я инстинктивно¹ оглянулся и увидел странное явление, поразившее меня, впрочем, больше удивлением, чем ужасом.

Тёмный предмет нашего спора, шапка или ведро, оказавшийся в конце концов горшком, мелькнул в воздухе и на глазах моих скрылся под престолом. Я успел только разглядеть очертания небольшой, как будто детской руки.

Трудно передать мои ощущения в эту минуту. Чувство, которое я испытывал, нельзя даже назвать страхом. Откуда-то, точно из другого мира, в течение нескольких секунд доносился до меня быстрою дробью тревожный топот трёх пар детских ног. Но вскоре затих и он. Я был один, точно в гробу, в виду каких-то странных и необъяснимых явлений.

Времени для меня не существовало, поэтому я не мог сказать, скоро ли услышал я под престолом сдержанный шёпот:

— Почему же он не лезет назад?

— Видишь, испугался.

Первый голос показался мне совсем детским; второй мог принадлежать мальчику моего возраста. Мне показалось также, что в щели старого престола сверкнула пара чёрных глаз.

— Что же он теперь будет делать? — послышался опять шёпот.

— А вот погоди, — ответил голос постарше.

¹ *Инстинктивно* — произвольно.

Под престолом что-то сильно завозилось, он даже как будто покачнулся, и в то же мгновение из-под него вынырнула фигура.

Это был мальчик лет девяти, больше меня, худощавый и тонкий, как тростинка. Одет он был в грязной рубашонке, руки держал в карманах узких и коротких штанишек. Тёмные курчавые волосы лохматились над чёрными задумчивыми глазами.

Хоть незнакомец, явившийся на сцену столь неожиданным и странным образом, подходил ко мне с тем беспечно-задорным видом, с каким всегда на нашем базаре подходили друг к другу мальчишки, готовые вступить в драку, но всё же, увидев его, я сильно ободрился. Я ободрился ещё более, когда из-под того же престола, или, вернее, из люка в полу часовни, который он покрывал, сзади мальчика показалось ещё грязное личико, обрамлённое белокурыми волосами и сверкавшее на меня детски любопытными голубыми глазами.

Я несколько отодвинулся от стены и тоже положил руки в карманы. Это было признаком, что я не боюсь противника и даже отчасти намекаю на моё к нему презрение.

Мы стали друг против друга и обменялись взглядами. Оглядев меня с головы до ног, мальчишка спросил:

— Ты здесь зачем?

— Так, — ответил я. — Тебе какое дело?

Мой противник повёл плечом, как будто намереваясь вынуть руку из кармана и ударить меня.

Я не моргнул и глазом.

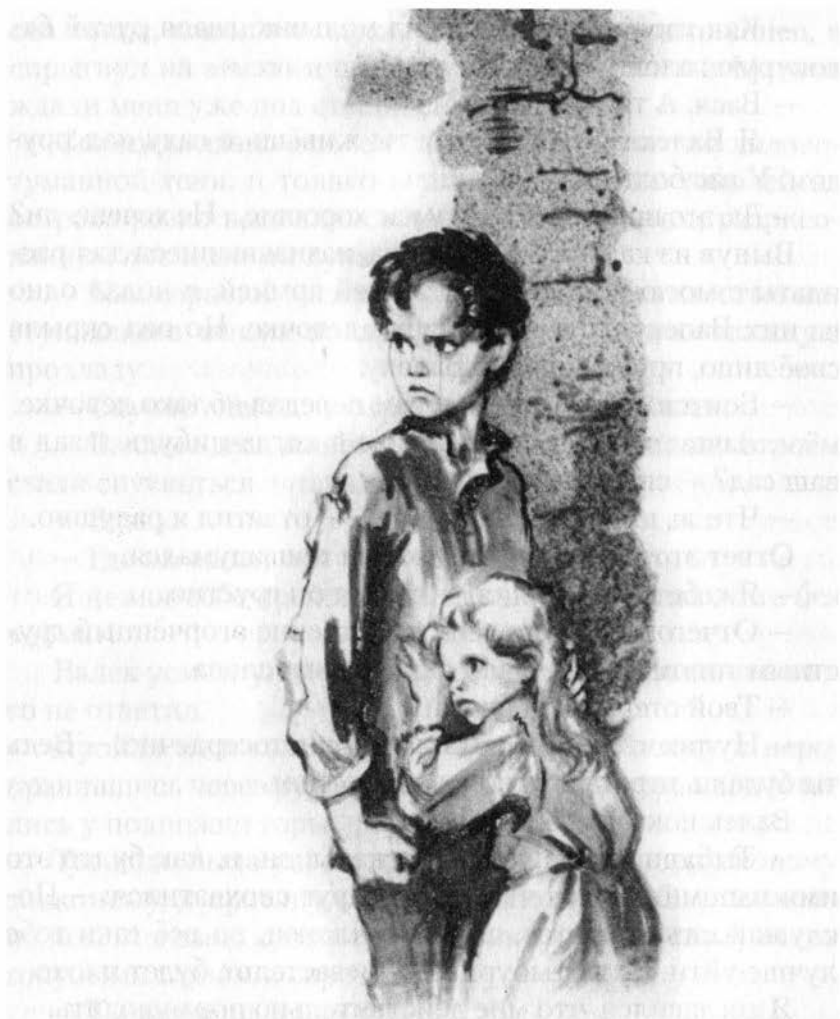
— Я вот тебе покажу! — погрозил он.

Я выпятился грудью вперёд.

— Ну, ударь... попробуй!..

Мгновение было критическое; от него зависел характер дальнейших отношений. Я ждал, но мой противник, окинув меня тем же испытующим взглядом, не шевелился.

— Я, брат, и сам... тоже... — сказал я, но уже более миролюбиво.

Между тем девочка, упёршись маленькими ручонками в пол часовни, старалась тоже выкарабкаться из люка. Она падала, вновь приподымалась и наконец направилась нетвёрдыми шагами к мальчишке. Подойдя вплоть, она крепко ухватила за него и, прижавшись к нему, поглядела на меня удивлённым и отчасти испуганным взглядом. Это решило исход дела; стало совершенно ясно, что в таком положении мальчишка не мог драться, а я, конечно, был слишком великодушен, чтобы воспользоваться его неудобным положением.

— Как твоё имя? — спросил мальчик, глядя рукой белокурую головку девочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я Валеk... Я тебя знаю: ты живёшь в саду над прудом. У вас большие яблоки.

— Да, это правда, яблоки у нас хорошие... Не хочешь ли?

Вынув из кармана два яблока, назначавшиеся для расплаты с моею постыдно бежавшей армией, я подал одно из них Валеку, другое протянул девочке. Но она скрыла своё лицо, прижавшись к Валеку.

— Боится, — сказал тот и сам передал яблоко девочке.

— Зачем ты влез сюда? Разве я когда-нибудь лазал в ваш сад? — спросил он затем.

— Что ж, приходи! Я буду рад, — ответил я радушно.

Ответ этот озадачил Валека; он призадумался.

— Я тебе не компания, — сказал он грустно.

— Отчего же? — спросил я, искренне огорчённый грустным тоном, каким были сказаны эти слова.

— Твой отец — пан судья.

— Ну так что же? — изумился я чистосердечно. — Ведь ты будешь играть со мной, а не с отцом.

Валеk покачал головой.

— Тыбурций не пустит, — сказал он, и, как будто это имя напомнило ему что-то, он вдруг спохватился: — Послушай... ты, кажется, славный хлопец, но всё-таки тебе лучше уйти. Если Тыбурций тебя застанет, будет плохо.

Я согласился, что мне действительно пора уходить.

— Как же мне отсюда выйти?

— Я тебе укажу дорогу. Мы выйдем вместе.

— А она? — ткнул я пальцем в нашу маленькую даму.

— Маруся? Она тоже пойдёт с нами.

— Как, в окно?

Валеk задумался.

— Нет, вот что: я тебе помогу взобраться на окно, а мы выйдем другим ходом.

С помощью моего нового приятеля я поднялся к окну. Отвязав ремень, я обвил его вокруг рамы и, держась за

оба конца, повис в воздухе. Затем, опустив один конец, я спрыгнул на землю и выдернул ремень. Валек и Маруся ждали меня уже под стеной снаружи.

Солнце недавно ещё село за гору. Город утонул в лилово-туманной тени, и только верхушки высоких тополей на острове резко выделялись червонным золотом, разрисованные последними лучами заката.

— Как хорошо! — сказал я, охваченный свежестью наступающего вечера и вдыхая полною грудью влажную прохладу.

— Скучно здесь... — с грустью произнёс Валек.

— Вы все здесь живёте? — спросил я, когда мы втроем стали спускаться с горы.

— Здесь.

— Где же ваш дом?

Я не мог себе представить, чтобы дети могли жить без «дома».

Валек усмехнулся с обычным грустным видом и ничего не ответил.

Пройдя меж камышей по высохшему болоту и переправившись через ручеёк по тонким дощечкам, мы очутились у подножия горы, на равнине.

Тут надо было расстаться. Пожав руку моему новому знакомому, я протянул её также и девочке. Она ласково подала мне свою крохотную ручонку и, глядя снизу вверх голубыми глазами, спросила:

— Ты придёшь к нам опять?

— Приду, — ответил я, — непременно!..

— Что же, — сказал в раздумье Валек, — приходи, пожалуй, только в такое время, когда наши будут в городе.

— Хорошо. Я посмотрю, когда они будут в городе, и тогда приду. А пока прощайте!

— Эй, послушай-ка! — крикнул мне Валек, когда я отошёл несколько шагов. — А ты болтать не будешь о том, что был у нас?

— Никому не скажу, — ответил я твёрдо.

— Ну вот, это хорошо! А этим твоим дуракам, когда станут приставать, скажи, что видел чёрта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай.

— Прощай.

Густые сумерки залегли над Княжьим-Веном, когда я приблизился к забору своего дома. Над замком зарисовался тонкий серп луны, загорелись звёзды. Я хотел уже подняться на забор, как кто-то схватил меня за руку.

— Вася, друг! — заговорил взволнованным шёпотом мой бежавший товарищ. — Как же это ты?.. Голубчик!..

— А вот, как видишь... А вы все меня бросили!..

Он потупился, но любопытство взяло верх над чувством стыда, и он спросил опять:

— Что же там было?

— Что! — ответил я тоном, не допускавшим сомнения. — Разумеется черти... А вы — трусы.

И, отмахнувшись от сконфуженного товарища, я полез на забор.

V. ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

С этих пор я весь был поглощён моим новым знакомством. Вечером, ложась в постель, и утром, вставая, я только и думал о предстоящем визите¹ на гору. По улицам города я шатался теперь с исключительной целью — рассмотреть, тут ли находится вся компания, которую Януш характеризовал словами «дурное общество»; и, если тёмные личности шныряли по базару, я тотчас же бегом отправлялся через болото, на гору, к часовне, предварительно наполнив карманы яблоками, которые мог рвать в саду без запрета, и лакомствами, которые я сберегал всегда для своих новых друзей. Валек, вообще очень солидный и внушавший мне уважение своими манерами взрослого человека, принимал эти приношения просто и по боль-

¹ Визит — посещение.

шей части откладывал куда-нибудь, приберегая для сестры, но Маруся всякий раз всплескивала ручонками, и глаза её загорались огоньком восторга; бледное лицо девочки вспыхивало румянцем, она смеялась, и этот смех нашей маленькой приятельницы отдавался в наших сердцах, вознаграждая за конфеты, которые мы жертвовали в её пользу.

Николай Иванович

Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила ещё плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка, руки её были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика; глаза смотрели порой так не по-детски грустно и улыбка так напоминала мне мою мать в последние дни, когда она, бывало, сидела против открытого окна и ветер шевелил её белокурые волосы, что мне становилось самому грустно и слёзы подступали к глазам.

Я невольно сравнивал её с моей сестрой; они были в одном возрасте, но моя Соня была кругла, как пышка, и упруга, как мячик. Она так резво бегала, когда, бывало, разыграется, так звонко смеялась, на ней всегда были такие красивые платья, и в тёмные косы ей каждый день горничная вплетала алую ленту.

А моя маленькая приятельница почти никогда не бегала и смеялась очень редко; когда же смеялась, то смех её звучал, как самый маленький серебряный колокольчик, которого на десять шагов уже не слышно. Платье её было грязно и старо, в косе не было лент, но волосы у неё были гораздо больше и роскошнее, чем у Сони, и Валека, к моему удивлению, очень искусно умел заплетать их, что и исполнял каждое утро.

Я был большой сорванец. В первые же дни я внёс своё оживление и в общество моих новых знакомых. Едва ли эхо старой часовни повторяло когда-нибудь такие громкие крики, как в то время, когда я старался расшевелить и завлечь в свои игры Валека и Марусю. Однако это удавалось

плохо. Валеку серьёзно смотрел на меня и на девочку, и раз, когда я заставил её бегать со мной взапуски, он сказал:

— Нет, она сейчас заплачет.

Действительно, когда я растормошил её и заставил бежать, Маруся, заслышав мои шаги, вдруг повернулась ко мне, подняв ручонки над головой, точно для защиты, посмотрела на меня беспомощным взглядом захлопнутой пташки и громко заплакала.

Я совсем растерялся.

— Вот, видишь, — сказал Валеку, — она не любит играть.

Он усадил её на траву, нарвал цветов и кинул ей; она перестала плакать и тихо перебирала растения, что-то говорила, обращаясь к золотистым лютикам, и подносила к губам синие колокольчики. Я тоже присмирел и лёг рядом с Валеком около девочки.

— Отчего она такая? — спросил я наконец, указывая глазами на Марусю.

— Невесёлая? — переспросил Валеку и затем сказал тоном совершенно убеждённого человека: — А это, видишь ли, от серого камня.

— Да-а, — повторила девочка, точно слабое эхо, — это от серого камня.

— Серый камень высосал из неё жизнь, — пояснил опять Валеку, по-прежнему смотря на небо. — Так говорит Тыбурций... Тыбурций хорошо знает.

— Да-а, — опять повторила тихим эхом девочка. — Тыбурций всё знает.

Я ничего не понимал в этих загадочных словах, убеждение Валека, что Тыбурций всё знает, произвело и на меня своё действие. Я приподнялся на локте и взглянул на Марусю. Она сидела в том же положении, в каком усадил её Валеку, и всё так же перебирала цветы; движения её тонких рук были медленны; глаза выделялись глубокою синевой на бледном лице; длинные ресницы были опущены. При взгляде на эту крохотную грустную фигурку мне стало ясно, что в словах Тыбурция, хотя я и не понимал их значения, заключается горькая правда. Несомненно, кто-

то высасывает жизнь из этой странной девочки, которая плачет тогда, когда другие на её месте смеются. Но как же может сделать это серый камень?

Это было для меня загадкой, страшнее всех призраков старого замка. Что-то бесформенное, неумолимое, твёрдое и жёсткое, как камень, склонялось над маленькой головкой, высасывая из неё румянец, блеск глаз и живость движений. «Должно быть, это бывает по ночам», — думал я, и чувство щемящего до боли сожаления сжимало мне сердце.

Под влиянием этого чувства я тоже умерил свою резвость. Применяясь к тихой солидности нашей дамы, оба мы с Валеком, усадив её где-нибудь на траве, собирали для неё цветы, разноцветные камешки, ловили бабочек, иногда делали из кирпичей ловушки для воробьёв. Иногда же, растянувшись около неё на траве, смотрели в небо, как плывут облака высоко над лохматою крышей старой часовни, рассказывали Марусе сказки или беседовали друг с другом.

Эти беседы с каждым днём всё больше закрепляли нашу дружбу с Валеком, которая росла, несмотря на резкую противоположность наших характеров. Моей порывистой резвости он противопоставлял грустную солидность и внушал мне почтение независимым тоном, с каким отзывался о старших. Кроме того, он часто сообщал мне много нового, о чём я раньше и не думал. Слыша, как отзывается о Тыбурции, точно о товарище, я спросил:

— Тыбурций тебе отец?

— Должно быть, отец, — ответил он задумчиво.

— Он тебя любит?

— Да, любит, — сказал он уже гораздо увереннее. — Он постоянно обо мне заботится, и, знаешь, иногда он целует меня и плачет...

— И меня любит, и тоже плачет, — прибавила Маруся с выражением детской гордости.

— А меня отец не любит, — сказал я грустно. — Он никогда не целовал меня... Он нехороший.

— Неправда, неправда, — возразил Валек. — Ты не понимаешь. Тыбурций лучше знает. Он говорит, что судья — самый лучший человек в городе... Он засудил даже одного графа... А ведь графа засудить не шутка.

— Почему?

— Почему? — переспросил Валек, несколько озадаченный. — Потому что граф — не простой человек... Граф делает что хочет, и потом... у графа деньги; он дал бы другому судье денег, и тот бы его не засудил, а засудил бы бедного.

— Да, это правда. Я слышал, как граф кричал у нас в квартире: «Я вас всех могу купить и продать!»

— А судья что?

— А отец говорит ему: «Подите от меня вон!»

— Ну, вот, вот! И Тыбурций говорит, что он не побоялся прогнать богатого, а когда к нему пришла старая Иваниха, с костылём, он велел принести ей стул. Вон он какой!

Всё это заставило меня глубоко задуматься. Валек указал мне моего отца с такой стороны, с какой мне никогда не приходило в голову взглянуть на него: слова Валека задели в моём сердце струну сыновней гордости; мне было приятно слушать похвалы моему отцу, да ещё от имени Тыбурция, который «всё знает»; но вместе с тем дрогнула в моём сердце и нота щемящей любви, смешанной с горьким сознанием: никогда отец не любил и не полюбит меня так, как Тыбурций любит своих детей.

VI. СРЕДИ «СЕРЫХ КАМНЕЙ»

Прошло ещё несколько дней. Члены «дурного общества» перестали являться в город, и я напрасно шатался, скучая, по улицам, ожидая их появления, чтобы бежать на гору. Я совсем соскучился, так как не видеть Валека и Марусю стало уже для меня большим лишением. Но вот, ког-

да я однажды шёл с опущенною головою по пыльной улице, Валеk вдруг положил мне на плечо руку.

— Отчего ты перестал к нам ходить? — спросил он.

— Я боюсь... Ваших не видно в городе.

— А-а... Я думал, тебе наскучило.

— Нет, нет!.. Я, брат, сейчас побегу, — заторопился я, — даже и яблоки со мною.

При упоминании о яблоках Валеk быстро повернулся ко мне, как будто хотел что-то сказать, но не сказал ничего, а только посмотрел на меня странным взглядом.

— Ничего, ничего, — отмахнулся он, видя, что я смотрю на него с ожиданием. — Ступай прямо на гору, а я тут найду кое-куда — дело есть. Я тебя догоню на дороге.

Я пошёл тихо и часто оглядывался, ожидая, что Валеk меня догонит; однако я успел взойти на гору и подошёл к часовне, а его всё не было. Я остановился в недоумении: передо мной было только кладбище, пустынное и тихое. Я оглянулся кругом. Куда же мне теперь идти? Очевидно, надо дожидаться Валека. А пока я стал ходить между могилами, присматриваясь к ним от нечего делать и стараясь разобрать стёртые надписи на обросших мхом надгробных камнях. Шатаюсь таким образом от могилы к могиле, я наткнулся на полуразрушенный склеп¹. Крыша его была сброшена или сорвана непогодой и валялась тут же. Дверь была заколочена. Из любопытства я приставил к стене старый крест и, взобравшись по нём, заглянул внутрь. Гробница была пуста, только в середине пола была вделана оконная рама со стёклами, и сквозь эти стёкла зияла тёмная пустота подземелья.

Пока я рассматривал гробницу, удивляясь странному назначению окна, на гору вбежал запыхавшийся и усталый Валеk. В руках у него была большая булка, за пазухой что-то оттопырилось, по лицу стекали капли пота.

— Ага! — крикнул он, заметив меня. — Ты вот где... Если бы Тыбурций тебя здесь увидел, то-то бы рассердился! Ну,

¹ Склеп — гробница.

да теперь уж делать нечего... Я знаю, ты хлопец хороший и никому не расскажешь, как мы живём. Пойдём к нам!

— Где же это, далеко? — спросил я.

— А вот увидишь. Ступай за мной.

Он раздвинул кусты жимолости и сирени и скрылся в зелени под стеной часовни; я последовал туда за ним. Между стволами черёмухи я увидел в земле довольно большое отверстие с земляными ступенями, ведущими вниз. Валеку спустился туда, приглашая меня за собой, и через несколько секунд мы оба очутились в темноте, под землёй. Взяв мою руку, Валеку повёл меня по какому-то узкому сырому коридору, и, круто повернув вправо, мы вдруг вошли в просторное подземелье.

Я остановился у входа, поражённый невиданным зрелищем. Две струи света резко лились сверху, выделяясь полосами на тёмном фоне подземелья; свет этот проходил в два окна, одно из которых я видел в полу склепа, другое, подальше, очевидно, было пристроено таким же образом; стены были сложены из камня. Большие, широкие колонны массивно вздымались снизу и, раскинув во все стороны свои каменные дуги, крепко смыкались кверху сводчатым потолком.

Под окном сидела с кучкой цветов, перебирая их, по своему обыкновению, Маруся. Струя света падала на её белокурую голову, заливая её всю, но, несмотря на это, она как-то слабо выделялась на фоне серого камня странным и маленьким туманным пятнышком, которое, казалось, вот-вот расплывётся и исчезнет. Когда там, вверху, над землёй, пробегали облака, затеняя солнечный свет, стены подземелья тонули совсем в темноте, а потом опять выступали жёсткими холодными камнями, смыкаясь крепкими объятиями над крохотной фигуркой девочки. Я поневоле вспомнил слова Валека о «сером камне», высасывавшем из Маруси её веселье.

— Валеку! — тихо обрадовалась Маруся, увидев брата.

Когда же она заметила меня, в её глазах блеснула живая искорка.

Я отдал ей яблоки, а Валек, разломив булку, часть подал ей. Я переминался и ёжился, чувствуя себя как будто связанным под гнетущими взглядами серого камня.

— Уйдём... уйдём отсюда, — дёрнул я Валека. — Уведи её...

И мы втроём поднялись из подземелья. Валек был грустнее и молчаливее обыкновенного.

— Ты в городе остался затем, чтобы купить булок? — спросил я у него.

— Купить? — усмехнулся Валек. — Откуда же у меня деньги?

— Ты, значит, украл?..

— Ну да!

— Воровать нехорошо, — проговорил я затем в грустном раздумье.

— Наши все ушли... Маруся плакала, потому что она была голодна.

— Да, голодна! — с жалобным простодушием повторила девочка.

Я не знал ещё, что такое голод, но при последних словах девочки у меня что-то повернулось в груди, и я посмотрел на своих друзей, точно увидел их впервые. Валек по-прежнему лежал на траве и задумчиво следил за парившим в небе ястребом. А при взгляде на Марусю, державшую обеими руками кусок булки, у меня заныло сердце.

— Почему же, — спросил я с усилием, — почему ты не сказал об этом мне?

— Я и хотел сказать, а потом раздумал: ведь у тебя своих денег нет.

— Ну так что же? Я взял бы булок из дому.

— Как, потихоньку?

— Д-да.

— Значит, и ты бы тоже украл.

— Я... у своего отца.

— Это ещё хуже! — с уверенностью сказал Валек.

— Я никогда не ворую у своего отца.

— Ну, так я попросил бы... Мне бы дали.

— Ну, может быть, и дали бы один раз — где же запастись на всех нищих?

— А вы разве... нищие? — спросил я упавшим голосом.

— Нищие! — угрюмо отрезал Валек.

Я замолчал и через несколько минут стал прощаться.

— Ты уже уходишь? — спросил Валек.

— Да, ухожу.

Я уходил потому, что не мог уже в этот день играть с моими друзьями по-прежнему, безмятежно. Хотя любовь моя к Валеку и Марусе не стала слабее, но к ней примешалась острая струя сожаления, доходившая до сердечной боли. Дома я рано лёг в постель. Уткнувшись в подушку, я горько плакал, пока крепкий сон не прогнал своим веянием моего глубокого горя.

VII. НА СЦЕНУ ЯВЛЯЕТСЯ ПАН ТЫБУРЦИЙ

— Здравствуй! А уж я думал, ты не придёшь более, — так встретил меня Валек, когда я на следующий день опять явился на гору.

Я понял, почему он сказал это.

— Нет, я... я всегда буду ходить к вам, — ответил я решительно, чтобы раз навсегда покончить с этим вопросом.

Валек заметно повеселел, и оба мы почувствовали себя свободнее.

Около полудня небо насупилось, надвинулась тёмная туча, и под весёлые раскаты грома зашумел ливень. Сначала мне очень не хотелось спускаться в подземелье, но потом, подумав, что ведь Валек и Маруся живут там постоянно, я победил неприятное ощущение и пошёл туда вместе с ними. В подземелье было темно и тихо, но сверху слышно было, как перекачивался гулкий грохот грозы, точно кто ездил там в громадной телеге по мостовой. Через несколько минут я освоился с подземельем, и мы ве-

село прислушивались, как земля принимала широкие потоки ливня.

— Давайте играть в жмурки, — предложил я.

Мне завязали глаза; Маруся звенела слабыми перебивками своего жалкого смеха и шлёпала по каменному полу непроворными ножонками, а я делал вид, что не могу поймать её, как вдруг наткнулся на чью-то мокрую фигуру и в ту же минуту почувствовал, что кто-то схватил меня за ногу. Сильная рука приподняла меня с полу, и я повис в воздухе вниз головой. Повязка с глаз моих спала.

Тыбурций, мокрый и сердитый, страшнее ещё оттого, что я глядел на него снизу, держал меня за ногу и дико вращал зрачками.

— Это что ещё, а? — строго спрашивал он, глядя на Валека. — Вы тут, я вижу, весело проводите время... Завели приятную компанию.

— Пустите меня! — сказал я, удивляясь, что и в таком необычном положении я всё-таки могу говорить, но рука пана Тыбурция только ещё сильнее сжала мою ногу.

Пан Тыбурций приподнял меня и взглянул в лицо.

— Эге-ге! Пан судья, если меня не обманывают глаза... Зачем это изволили пожаловать?

— Пусти! — проговорил я упрямо. — Сейчас отпусти! — И при этом я сделал инстинктивное движение, как бы собираясь топнуть ногой, но от этого весь только забился в воздухе.

Тыбурций захохотал.

— Ого-го! Пан судья изволит сердиться... Ну, да ты меня ещё не знаешь. Я — Тыбурций. Я вот повешу тебя над огоньком и жарю, как поросёнка.

Отчаянный вид Валека как бы подтверждал мысль о возможности такого печального исхода. К счастью, на выручку подросла Маруся.

— Не бойся, Вася, не бойся! — ободряла она меня, подойдя к самым ногам Тыбурция. — Он никогда не жарит мальчиков на огне... Это неправда!

Тыбурций быстрым движением повернул меня и поставил на ноги; при этом я чуть не упал, так как у меня закружилась голова, но он поддержал меня рукой и затем, сев на деревянный обрубок, поставил меня между колен.

— И как это ты сюда попал? — продолжал он допрашивать. — Давно ли?.. Говори ты! — обратился он к Валеку, так как я ничего не ответил.

— Давно, — ответил тот.

— А как давно?

— Дней шесть.

Казалось, этот ответ доставил пану Тыбурцию некоторое удовлетворение.

— Ого, шесть дней! — заговорил он, поворачивая меня лицом к себе. — Шесть дней — много времени. И ты до сих пор никому ещё не разболтал, куда ходишь?

— Никому.

— Правда?

— Никому, — повторил я.

— Похвально!.. Можно рассчитывать, что не разболтаешь и впредь. Впрочем, я и всегда считал тебя порядочным малым, встречая на улицах. Настоящий «уличник», хоть и «судья»... А нас судить будешь, скажи-ка?

Он говорил довольно добродушно, но всё-таки я чувствовал себя глубоко оскорблённым и потому ответил сердито:

— Я вовсе не судья. Я — Вася.

— Одно другому не мешает: и Вася тоже может быть судьёй, — не теперь, так после... Твой отец меня судит, — ну и ты когда-нибудь будешь судить... вот его!

— Не буду судить Валека, — возразил я угрюмо. — Неправда!

— Он не будет, — вступилась и Маруся, с полным убеждением отстраняя от меня ужасное подозрение.

Девочка доверчиво прижалась к ногам этого уроды, а он ласково гладил жилистой рукой её белокурые волосы.

— Ну, этого ты вперёд не говори, — сказал странный человек задумчиво, обращаясь ко мне таким тоном, точно он говорил со взрослым. — Каждый идёт своей дорожкой, и кто знает... может быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу. Для тебя хорошо, потому что лучше иметь в груди кусочек человеческого сердца вместо холодного камня, — понимаешь?..

Я не понимал ничего, но всё же впился глазами в лицо странного человека; глаза пана Тыбурция пристально смотрели в мои.

— Запомни хорошенько вот что: если ты проболтаешься своему судье или хоть птице, которая пролетит мимо тебя в поле, о том, что ты здесь видел, то не будь я Тыбурций Драб, если я тебя не повешу вот в этом камине за ноги и не сделаю из тебя колчёного окорока.

— Я не скажу никому... я... Можно мне опять прийти?

— Приходи, разрешаю... под условием... Впрочем, я уже сказал тебе насчёт окорока. Помни!..

Он отпустил меня и сам растянулся с усталым видом на длинной лавке, стоявшей около стенки.

— Возьми вон там, — указал он Валеку на большую корзину, которую, войдя, оставил у порога, — да разведи огонь. Мы будем сегодня варить обед.

Теперь это был уже не тот человек, что за минуту пугал меня, вращая зрачками. Он распоряжался, как хозяин и глава семейства, вернувшийся с работы и отдающий приказания домочадцам¹.

Мы с Валеком живо принялись за работу. Затем Валек уже одним умелыми руками принялся за стряпню. Через полчаса закипело в горшке какое-то варево, а в ожидании, пока оно поспеет, Валек поставил на трёхногий столик сковороду, на которой дымились куски жареного мяса.

Тыбурций поднялся.

— Готово? — сказал он. — Ну, и отлично. Садись, малый, с нами: ты заработал свой обед...

¹ Домочадцы — члены семьи.

Марусю Тыбурций держал на руках. Она и Валек ели с жадностью, которая ясно показывала, что мясное блюдо было для них невиданною роскошью; Маруся облизывала даже свои засаленные пальцы. Тыбурций ел с расстановкой, повинаясь неодолимой потребности говорить. Из странной и запутанной речи я понял только, что способ приобретения был не совсем обыкновенный, и не удержался, чтоб не вставить вопроса:

— Вы это взяли... сами?

— Малый не лишён проницательности, — продолжал Тыбурций. — Впрочем, — повернулся он вдруг ко мне, — ты всё-таки ещё глуп и многого не понимаешь. А вот она понимает: скажи, моя Маруся, хорошо ли сделал, что принёс тебе жаркое?

— Хорошо! — ответила девочка, слегка сверкнув бирюзовыми глазами. — Маня была голодна.

Под вечер этого дня я с отуманенною головою задумчиво возвращался к себе. В тёмной аллейке сада я нечаянно наткнулся на отца. Он, по обыкновению, угрюмо ходил взад и вперёд. Когда я очутился подле него, он взял меня за плечо.

— Откуда ты?

— Я... гулял...

Он внимательно посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но, махнув рукой, зашагал по аллее.

Я солгал чуть ли не в первый раз в жизни.

Я всегда боялся отца, а теперь тем более. Теперь я носил в себе целый мир смутных вопросов и ощущений. Мог ли он понять меня? Я дрожал при мысли, что он узнает когда-либо о моём знакомстве с «дурным обществом», но изменить Валеку и Марусе я был не в состоянии. Если бы я изменил им, нарушив данное слово, то не мог бы при встрече поднять на них глаза от стыда.

Близилась осень. В поле шла жатва, листья на деревьях желтели. Вместе с тем наша Маруся начала прихварывать.

Она ни на что не жаловалась, только всё худела, лицо её всё бледнело, глаза потемнели, стали больше, веки приподнимались с трудом. Девочка большую часть времени проводила в постели, и мы с Валеком истощали все усилия, чтобы развлечь её и позабавить, чтобы вызвать тихие переливы её слабого смеха.

Теперь грустная улыбка Маруси стала мне почти так же дорога, как улыбка сестры; но тут никто не ставил мне вечно на вид мою испорченность, тут я был нужен — я чувствовал, что каждый раз моё появление вызывает румянец оживления на щеках девочки. Валеk обнимал меня, как брата, и даже Тыбурций по временам смотрел на нас троих какими-то странными глазами, в которых что-то мерцало, точно слеза.

На время небо опять прояснилось; с него сбежали тучи, и над просыхающей землёй, в последний раз перед наступлением зимы, засияли солнечные дни. Мы каждый день выносили Марусю наверх, и здесь она как будто оживала; девочка смотрела вокруг широко раскрытыми глазами, на щеках её загорался румянец; казалось, что ветер, обдававший её своими свежими взмахами, возвращал ей частицы жизни, похищенные серыми камнями подземелья. Но это продолжалось недолго...

Между тем над моей головой тоже стали собираться тучи. Однажды, когда я, по обыкновению, утром проходил по аллеям сада, я увидел в одной из них отца, а рядом старого Януша из замка. Старик подобострастно¹ кланялся и что-то говорил, а отец стоял с угрюмым видом, и на лбу его резко обозначалась складка нетерпеливого гнева. Наконец он протянул руку, как бы отстраняя Януша с своей дороги, и сказал:

— Уходите! Вы просто старый сплетник!

¹ *Подобострастно* — угодливо, льстиво.

Сердце моё дрогнуло предчувствием. Я понял, что подслушанный мною разговор относится к моим друзьям и, быть может, также ко мне. Тыбурций, которому я рассказал об этом случае, скорчил ужасную гримасу.

— У-уф, малый, какая это неприятная новость!.. О проклятая старая гиена!

— Отец его прогнал, — заметил я в виде утешения.

— Твой отец, малый, самый лучший из всех судей на свете. Он не считает нужным травить старого беззубого зверя в его последней берлоге... Но, малый, как бы тебе объяснить это? Твой отец служит господину, которому имя — закон. У него есть глаза и сердце только до тех пор, пока закон спит себе на полках; когда же этот господин сойдёт оттуда и скажет твоему отцу: «А ну-ка, судья, не возьмётся ли нам за Тыбурция Драба или как там его зовут?» С этого момента судья тотчас запирает своё сердце на ключ, и тогда у судьи такие твёрдые лапы, что скорее мир повернётся в другую сторону, чем пан Тыбурций вывернется из его рук... Понимаешь ты, малый?.. Вся беда в том, что у меня с законом вышло когда-то давно уже некоторое столкновение... то есть, понимаешь, неожиданная ссора... ах, малый, очень это была крупная ссора!

С этими словами Тыбурций встал, взял в руки Марусю и, отойдя с нею в дальний угол, стал целовать её. А я остался на месте и долго стоял в одном положении под впечатлением странных речей странного человека.

IX. КУКЛА

Ясные дни миновали, и Марусе опять стало хуже. На все наши ухищрения с целью занять её она смотрела равнодушно своими большими потемневшими и неподвижными глазами, и мы давно уже не слышали её смеха. Я стал носить в подземелье свои игрушки, но и они развлекали девочку только на короткое время. Тогда я решил обратиться к своей сестре Соне.

У Сони была большая кукла, с ярко раскрашенным лицом и роскошными льняными волосами, подарок покойной матери. На эту куклу я возлагал большие надежды и потому, отозвав сестру в боковую аллею сада, попросил дать мне её на время. Я так убедительно просил её об этом, так живо описал ей бедную, больную девочку, у которой никогда не было своих игрушек, что Соня, которая сначала только прижимала куклу к себе, отдала мне её и обещала в течение двух-трёх дней играть другими игрушками.

Действие этой нарядной барышни на нашу больную превзошло все мои ожидания. Маруся, которая увядала, как цветок осенью, казалось, опять ожила. Она так крепко меня обнимала, так звонко смеялась, разговаривая со своей новой знакомой... Маленькая кукла сделала почти чудо: Маруся, давно уже не сходявшая с постели, стала ходить, водя за собой свою белокурую дочку, и по временам даже бегала, по-прежнему шлёпая по полу слабыми ногами.

Зато мне эта кукла доставила очень много тревожных минут. Прежде всего, когда я нёс её за пазухой, направляясь с нею на гору, в дороге мне попался старый Януш, который долго провожал меня глазами и качал головой. Потом дня через два старушка няня заметила пропажу и стала соваться по углам, везде разыскивая куклу. Соня старалась унять её, но своими наивными уверениями, что ей кукла не нужна, что кукла ушла гулять и скоро вернётся, только возбуждала подозрение, что тут не простая пропажа. Отец ничего ещё не знал, но к нему опять приходил Януш и был прогнан — на этот раз с ещё большим гневом; однако в тот же день отец остановил меня на пути к садовой калитке и велел остаться дома. На следующий день повторилось то же, и только через четыре дня я встал рано утром и махнул через забор, пока отец ещё спал.

На горе дела были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало ещё хуже; лицо её горело странным румянцем, белокурые волосы раскидались по подушке; она никого не узнавала. Рядом с ней лежала злополучная кукла, с розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

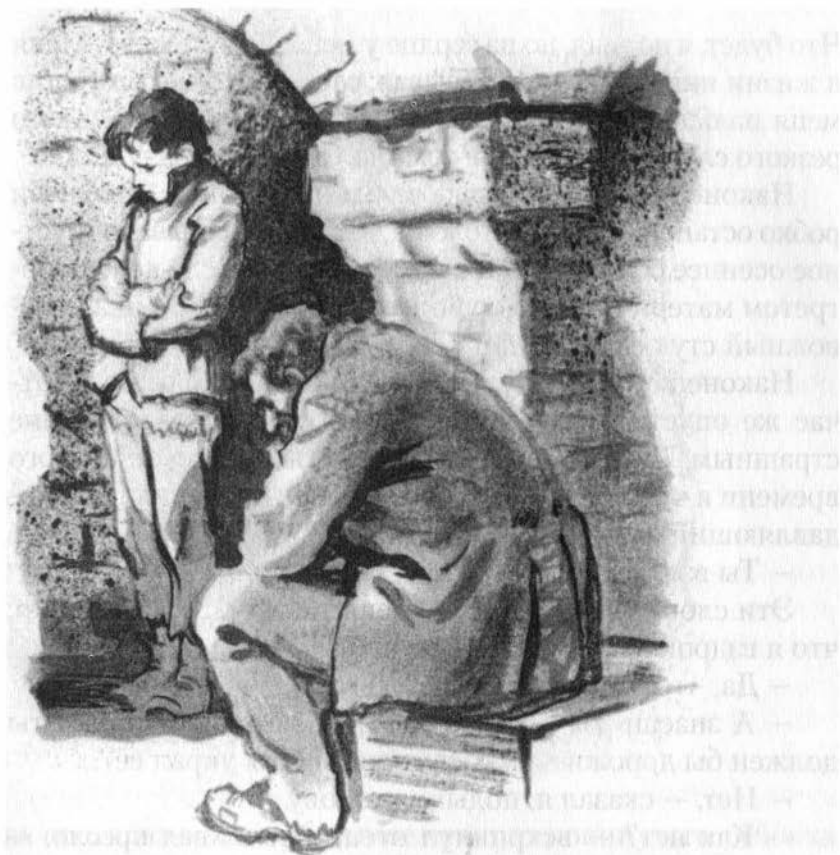

Я сообщил Валеку свои опасения, и мы решили, что куклу необходимо унести обратно, тем более что Маруся этого и не заметит. Но мы ошиблись! Как только я вынул куклу из рук лежащей в забытьи девочки, она открыла глаза, посмотрела перед собой смутным взглядом, как будто не видя меня, не сознавая, что с ней происходит, и вдруг заплакала тихо-тихо, но вместе с тем так жалобно, и в исхудалом лице мелькнуло выражение такого глубокого горя, что я тотчас же с испугом положил куклу на прежнее место. Девочка улыбнулась, прижала куклу к себе и успокоилась. Я понял, что хотел лишить моего маленького друга первой и последней радости её недолгой жизни.

Валек робко посмотрел на меня.

— Как же теперь будет? — спросил он грустно.

Тыбурций, сидя на лавочке с печально понуренною головой, также смотрел на меня вопросительным взглядом. Поэтому я постарался придать себе вид по возможности беспечный и сказал:

— Ничего! Нянька, наверное, уже забыла.

Но старуха не забыла. Когда я на этот раз возвратился домой, у калитки мне опять попался Януш; Соню я застал с заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый, подавляющий взгляд и что-то ворчала беззубым, шамкающим ртом. Отец спросил у меня, куда я ходил, и, выслушав внимательно обычный ответ, ограничился тем, что повторил мне приказ ни под каким видом не отлучаться из дому без его позволения. Приказ был очень решителен; ослушаться его я не посмел, но не решался также и обратиться к отцу за позволением.

Прошло четыре томительных дня. Я грустно ходил по саду и с тоской смотрел по направлению к горе, ожидая, кроме того, грозы, которая собиралась над моей головой.

Что будет, я не знал, но на сердце у меня было тяжело. Меня в жизни никто ещё не наказывал; отец не только не трогал меня пальцем, но я от него не слышал никогда ни одного резкого слова. Теперь меня томило тяжёлое предчувствие.

Наконец меня позвали к отцу, в его кабинет. Я вошёл и робко остановился у притолоки. В окно заглядывало грустное осеннее солнце. Отец сидел в своём кресле перед портретом матери и не поворачивался ко мне. Я слышал тревожный стук собственного сердца.

Наконец он повернулся. Я поднял на него глаза и тотчас же опустил их в землю. Лицо отца показалось мне страшным. Прошло около полминуты, и в течение этого времени я чувствовал на себе тяжёлый, неподвижный, подавляющий взгляд.

— Ты взял у сестры куклу?

Эти слова упали вдруг на меня так отчётливо и резко, что я вздрогнул.

— Да, — ответил я тихо.

— А знаешь ты, что это подарок матери, которым ты должен бы дорожить, как святыней?.. Ты украл её?..

— Нет, — сказал я, подымая голову.

— Как нет? — вскрикнул отец, отталкивая кресло. — Ты украл её и снёс!.. Кому ты снёс её?.. Говори!

Он быстро подошёл ко мне и положил мне на плечо тяжёлую руку. Я с усилием поднял голову и взглянул вверх. Лицо отца было бледно, глаза горели гневом. Я весь съёжился.

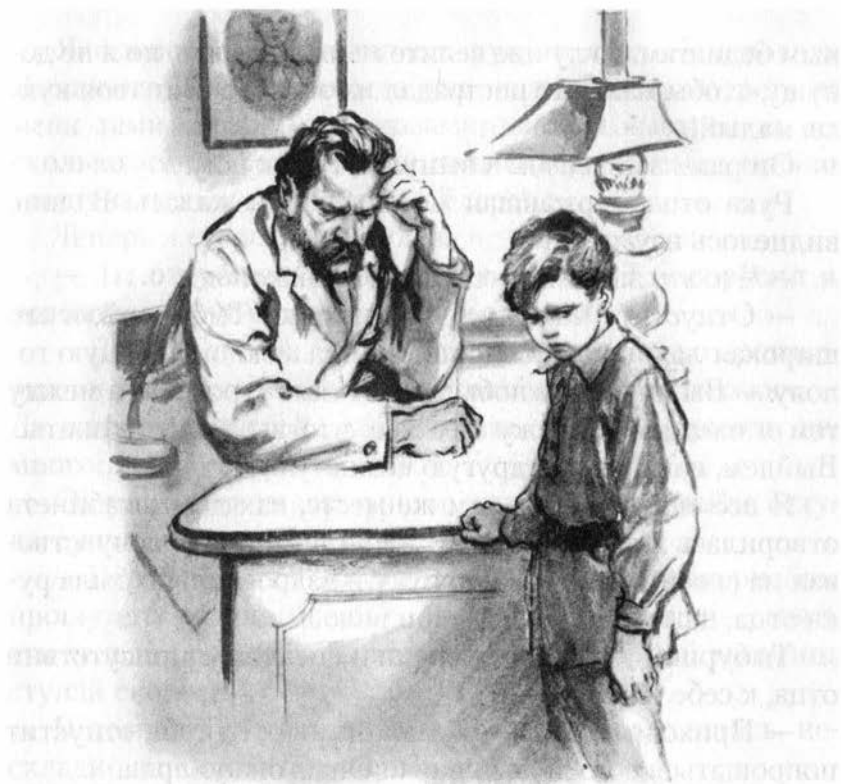
— Н-не скажу! — ответил я тихо.

— Скажешь, скажешь!

Я чувствовал, как дрожала его рука, и всё ниже опускал голову; слёзы одна за другой капали из моих глаз на пол, но я всё повторял едва слышно:

— Нет, не скажу... никогда, никогда не скажу вам... Ни за что!

В эту минуту во мне сказался сын моего отца. Он не добился бы от меня иного ответа самыми страшными муками. В моей груди, навстречу его угрозам, подымалось ед-

ва осознанное оскорблённое чувство покинутого ребёнка и какая-то жгучая любовь к тем, кто меня пригрел там, в старой часовне.

Отец тяжело перевёл дух. Я съёжился ещё более, горькие слёзы жгли мои щёки. Я ждал.

В эту критическую минуту раздался вдруг резкий голос Тыбурция:

— Эге-ге!.. Я вижу моего молодого друга в очень затруднительном положении.

Отец встретил его мрачным и удивлённым взглядом, но Тыбурций выдержал этот взгляд спокойно. Он был серьёзен, не кривлялся, и глаза его глядели как-то особенно грустно.

— Пан судья! — заговорил он мягко. — Вы человек справедливый... отпустите ребёнка. Видит Бог, он не сделал дурного дела, и если его сердце лежит к моим оборван-

ным беднягам, то лучше велите меня повесить, но я не допущу, чтобы мальчик пострадал из-за этого. Вот твоя кукла, малый!..

Он развязал узелок и вынул оттуда куклу.

Рука отца, державшая моё плечо, разжалась. В лице виднелось изумление.

— Что это значит? — спросил он наконец.

— Отпустите мальчика, — повторил Тыбурций, и его широкая ладонь любовно погладила мою опущенную голову. — Вы ничего не добьётесь от него угрозами, а между тем я охотно расскажу вам всё, что вы желаете знать... Выйдем, пан судья, в другую комнату.

Я всё ещё стоял на том же месте, как дверь кабинета отворилась и оба собеседника вошли. Я опять почувствовал на своей голове чью-то руку и вздрогнул. То была рука отца, нежно гладившая мои волосы.

Тыбурций взял меня на руки и посадил, в присутствии отца, к себе на колени.

— Приходи к нам, — сказал он, — отец тебя отпустит попрощаться с моей девочкой... Она... она умерла.

Голос Тыбурция дрогнул, он странно заморгал глазами, но тотчас же встал, поставил меня на пол, выпрямился и быстро ушёл из комнаты.

Я вопросительно поднял глаза на отца. Теперь передо мной стоял другой человек, но в этом именно человеке я нашёл что-то родное, чего тщетно искал в нём прежде. Он смотрел на меня обычным своим задумчивым взглядом, но теперь в этом взгляде виднелся оттенок удивления и как будто вопрос. Казалось, буря, которая только что пронеслась над нами обоими, рассеяла тяжёлый туман, нависший над душой отца. И отец только теперь стал узнавать во мне знакомые черты своего родного сына.

Я доверчиво взял его руку и сказал:

— Я ведь не украл... Соня сама дала мне на время...

— Д-да, — ответил он задумчиво, — я знаю... Я виноват перед тобой, мальчик, и ты постарайся когда-нибудь забыть это, не правда ли?

Я с живостью схватил его руку и стал её целовать. Я знал, что теперь никогда уже он не будет смотреть на меня теми страшными глазами, какими смотрел за несколько минут перед тем, и долго сдерживаемая любовь хлынула целым потоком в моё сердце.

Теперь я его уже не боялся.

— Ты отпустишь меня теперь на гору? — спросил я, вспомнив вдруг приглашение Тыбурция.

— Д-да... Ступай, ступай, мальчик, — ласково проговорил он всё ещё с тем же оттенком недоумения в голосе. — Да, впрочем, постой... пожалуйста, мальчик, погоди немного.

Он ушёл в свою спальню и, через минуту выйдя оттуда, сунул мне в руку несколько бумажек.

— Передай это... Тыбурцию... Скажи, что я покорнейше прошу его — понимаешь?.. покорнейше прошу — взять эти деньги... от тебя... Ты понял?.. Теперь ступай, мальчик, ступай скорее.

Я догнал Тыбурция уже на горе и, запыхавшись, нескладно исполнил поручение отца.

— Покорнейше просит... отец... — и я стал совать ему в руки данные отцом деньги. Я не глядел ему в лицо. Деньги он взял.

В подземелье, в тёмном углу, на лавочке лежала Маруся. Слово «смерть» не имеет ещё полного значения для детского слуха, и горькие слёзы только теперь, при виде этого безжизненного тела, сдавили мне горло...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вскоре после описанных событий Тыбурций и Валеk совершенно неожиданно исчезли, и никто не мог сказать, куда они направились теперь, как никто не знал, откуда они пришли в наш город.

Старая часовня сильно пострадала от времени. Сначала у неё провалилась крыша, продавив потолок подземе-

ля. Потом вокруг часовни стали образовываться обвалы, и она стала ещё мрачнее; ещё громче завывают в ней филины, а огни на могилах тёмными осенними ночами вспыхивают синим зловещим светом.

Только могила, огороженная частоколом, каждую весну зеленела свежим дёрном, пестрела цветами. Мы с Соней, а иногда даже с отцом посещали эту могилу; мы любили сидеть на ней в тени смутно лепечущей берёзы, в виду тихо сверкавшего в тумане города. Тут мы с сестрой вместе читали, думали, делились своими первыми молодыми мыслями, первыми планами крылатой и честной юности.

Когда же пришло время и нам оставить тихий родной город, здесь же в последний день мы оба, полные жизни и надежды, произнесли над маленькою могилкой свои обеты¹.

1885

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

В.Г. КОРОЛЕНКО

1. Подберите синонимы к выделенным словам: *в дурном обществе*, над *сонными*... прудами, *шмыгнуть* в какое-нибудь из отверстий замка, *непременно*, от *skonфуженного* товарища, *горькая правда*, *солгать*.

2. «В последние летние вечера я прокрадывался по саду, как молодой волчонок...» Объясните смысл сравнения. Подберите другие примеры сравнений из текста. Для чего автор использует этот приём?

3. Обратите внимание на описание природы в III главе рассказа. Выпишите эпитеты, придающие образность этой картине. Подумайте, почему такое красочное описание омрачено ощущением печали.

4. Каким представляется вам город, изображённый в рассказе? Найдите его описание в главе «Развалины». Какое настроение оно создаёт? Подготовьте выразительное чтение этого отрывка, стараясь передать интонацией настроение фрагмента.

¹ *Обёт* — обещание, клятва.

5. Какие персонажи изображены на иллюстрации Г.П. Фитингофа на странице 28? Назовите детали, которые их характеризуют, и сделайте общий вывод о социальном положении этих людей. При ответе вы можете опираться на текст рассказа.

6. Найдите в рассказе портрет Маруси. Чьими глазами она показана? Какие детали кажутся вам наиболее значимыми?

Портрет — изображение внешности героя (черт лица, фигуры, мимики, жеста, одежды), одно из художественных средств его характеристики, описания.

7. Прочитайте описание Тыбурция: «Роста он был высокого, крупные черты лица были грубо-выразительны. Короткие, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкий лоб, несколько выдававшаяся вперёд нижняя челюсть и сильная подвижность лица напоминали что-то обезьянье; но глаза, сверкавшие из-под нависших бровей, смотрели упорно и мрачно, и в них светились вместе с лукавством острая пронырливость, энергия и ум. В то время как на его лице сменялся целый ряд гримас, эти глаза сохраняли постоянно одно выражение, отчего мне всегда было безотчётно жутко смотреть на кривлянье этого странного человека. По ним как будто струилась глубокая постоянная печаль...»

Что можно сказать о герое по его портрету?

8. Перечитайте диалог из главы VI, обратите внимание на слова пана Тыбурция, обращённые к Васе: «Твой отец меня судит, — ну и ты когда-нибудь будешь судить... вот его (Валека. — *Авт.*)!» А чуть позже он говорит: «Каждый идёт своей дорожкой, и кто знает... может быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу». Как вы думаете, какое из утверждений справедливо? Почему? Постарайтесь быть доказательными в своём ответе.

9. Как вы понимаете последний абзац произведения? Какие чувства возникают у вас при его чтении?

10. Какова основная мысль рассказа?

1. Подготовьте выборочный пересказ от 3-го лица по темам: «В старой часовне», «Знакомство с детьми подземелья».
2. Сочините продолжение рассказа о встрече повзрослевших Валека и Васи. Что они могли бы рассказать друг другу?

После уроков

В рассказе постоянно возникают сцены, эпизоды, ситуации, которые и сегодня разными людьми могут быть восприняты совершенно по-разному. Так, при чтении главы «Кукла» возникает вопрос: а мог ли Вася поступить иначе?

Давайте обсудим ситуацию: кукла принадлежит не только Васе, а точнее, совсем не Васе. Это очень дорогая для семьи вещь — память о матери, её подарок.

Конечно, мальчиком руководило лучшее чувство — и он украсил последние минуты Маруси. Случилось очень важное — Маруся улыбнулась. Она ушла из этой жизни не с болью и тоской, а с улыбкой. Это самое главное!

Но ведь мальчик мог и спросить разрешения у отца! Или не мог? Почему не мог? Чего боялся? Имел ли основания? Была ли у Васи уверенность, что отец его поймёт? А если нет? Мог ли он не принести куклу?

Мальчик совершил проступок. Проступок или поступок? Подумайте над этим.

И в итоге — что же произошло после всех испытаний? Что понял отец Васи? Какой нравственный урок на всю жизнь получили все герои рассказа Короленко?

Проведите в классе дискуссию на тему «А как бы поступил я на месте Васи или в сходной ситуации?».

**АНТОН
ПАВЛОВИЧ
ЧЕХОВ**
1860—1904

Антон Павлович Чехов родился в Таганроге. Его отец владел небольшой бакалейной лавкой. У Чехова было четыре брата и сестра. Сыновья должны были помогать отцу в торговле.

В Чехове рано проявились актёрские способности. Он сочинял и разыгрывал с братьями сценки, домашние представления. На него оказали огромное влияние театр, библиотека, обширный круг чтения (Сервантес, Гюго, Тургенев). Гимназистом Чехов выпускал рукописный журнал с карикатурами. В 1879 году он поступил в Московский университет, на медицинский факультет, принял на себя заботы о родителях и младших. Почти единственным средством существования семьи стали его литературные заработки.

Серию рассказов на тему «Маленький человек» в столкновении с «начальством», «значительным лицом» («Двое в одном», «На гвозде», «Сущая правда» и др.) он завершил «Смертью чиновника» и «Толстым и тонким».

По В.П. Катаеву

«Пожалуй, более всего он любил природу. Эта любовь не ограничивалась пассивным созерцанием её «богатств» и «роскошей». Ему было мало художнически любоваться пейзажем, он и в пейзаж вносил свою неуклонную волю к созидательному преобразованию жизни. Никогда он не мог допу-

стить, чтобы почва вокруг оставалась бесплодной, и с такой страстью трудился над озеленением земли, что, глядя на него, было невозможно не вспомнить тех пылких лесоводов и садовников, которых он изобразил в своих книгах.

Ещё гимназистом он насадил у себя в Таганроге небольшой виноградник, под сенью которого любил отдыхать. А когда поселился в разорённом и обглоданном Мелихове, он посадил там около тысячи вишнёвых деревьев и засеял голые лесные участки елями, клёнами, вязами, соснами, дубами и лиственницами — в Мелихове всё зазеленело.

А через несколько лет, поселившись в Крыму, на выжженном пыльном участке он с таким же увлечением сажает и черешни, и шелковицы, и пальмы, и кипарисы, и сирень, и крыжовник, и вишни и, по его признанию, буквально блаженствует — «так хорошо, так тепло и поэтично. Просто один восторг».

И конечно, не раз он делится своим счастьем с другими: посылает родственникам семена в Таганрог, чтобы и те развели у себя хоть какой-нибудь сад. И дарит свои деревья соседу, чтобы и у соседа был сад. Натура жизнеутверждающая, динамическая, неистощимо активная, он стремился не только описывать жизнь, но и переделывать, строить её.

То хлопочет об устройстве в Москве первого Народного дома с читальней, библиотекой, аудиторией, театром.

То добивается, чтобы тут же, в Москве, была построена клиника.

То хлопочет об устройстве в Крыму первой бактериологической станции.

То собирает книги для всех сахалинских школ и шлёт их туда целыми партиями.

То строит невдалеке от Москвы одну за другой три школы для крестьянских детей, а заодно и колокольню, и пожарный сарай для крестьян. И позже, поселившись в Крыму, строит там четвёртую школу.

Вообще всякое строительство увлекает его, так как оно, по его представлению, всегда увеличивает сумму человеческого счастья.

Памятник Петру I в Таганроге.
Скульптор М.М. Антокольский. Открыт в 1908 г.

Мало кому известно, что именно Чехов поставил в Таганроге памятник Петру Первому (на Приморском бульваре). Он вёл для этого в Париже переговоры с самим Антокольским¹, он убедил Антокольского пожертвовать изваянную им статую городу, он организовал её отливку и бесплатную доставку через Марсельский порт в Таганрог, он выбрал для неё наилучшее место и заранее радовался такому великолепному украшению города: «Это памятник, лучше которого не дал бы Таганрогу даже всемирный конкурс, и о лучшем даже мечтать нельзя. Около моря это будет и живописно, и величественно, и торжественно, не говоря уже о том, что статуя изображает настоящего Петра, и притом Великого, гениального, полного великих дум, сильного».

¹ Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902) — русский скульптор. Был близко знаком с художниками-передвижниками. Автор монументальных памятников русских исторических деятелей («Иван Грозный», 1871; «Пётр Первый», 1872).

А.П. Чехов. Фотография К. Шапиро. 1889 г.

Часто эта деятельность Чехова требовала от него продолжительной чёрной работы, и когда он, например, строил школы, он сам ведался с каменщиками, конопатчиками, землекопами, плотниками, закупал все материалы, вплоть до печных изразцов и заслонок, и лично наблюдал за постройкой.

А когда он затеял устроить в родном Таганроге общественную библиотеку таких широких масштабов, какие и не снились в ту пору окраинным, «заштатным» городам, он не только пожертвовал туда более двух тысяч томов своих собственных книг, то есть всю свою личную библиотеку, в которой много уникальных изданий с автографами, имеющими музейную ценность, не только составил для этой библиотеки галерею портретов замечательных деятелей науки и искусства, но четырнадцать лет подряд посылал ей тюками и ящиками закупаемые им груды книг. Например, из Ниццы в конце девяностых годов сообщал: «Чтобы положить начало иностранному отделению библиотеки, я ку-

пил всех французских классических писателей и на днях послал в Таганрог. Всего 70 авторов, или 319 томов».

Всех французских классиков! Триста девятнадцать томов!

А его работа в качестве земского врача на холере, когда он один, без помощников, должен был обслуживать двадцать пять деревень! А помощь голодающим в неурожайные годы! А работа во время всероссийской статистической переписи! А его многолетняя лечебная практика, главным образом среди подмосковных крестьян!

Здесь я говорю не о его доброте, а о его колоссальной энергии, его страстном стремлении к самому активному вмешательству в жизнь ради того, чтобы люди зажили счастливее.

Нынче трудно представить себе, что такое был Чехов для меня, подростка девяностых годов.

Чеховские книги казались мне единственной правдой обо всём, что творилось вокруг.

Читаешь чеховский рассказ или повесть, а потом глядишь в окошко и видишь как бы продолжение того, что читал. Все жители нашего города — все, как один человек, — были для меня персонажами Чехова. Других людей как будто не существовало на свете. Все их свадьбы, именины, разговоры, походки, причёски и жесты, даже складки у них на одежде были словно выхвачены из чеховских книг.

И всякое облако, всякое дерево, всякая тропинка в лесу, всякий городской или деревенский пейзаж воспринимались мною как цитаты из Чехова.

Такого тождества литературы и жизни я ещё не наблюдал никогда. Даже небо надо мной было чеховское.

Нельзя было вообразить себе другого писателя, который в ту давнюю пору был бы для меня роднее, чем он».

К.И. Чуковский

«Прошёл ровно год с того дня, когда в маленьком немецком городке, вдали от истекающей кровью родины, умер Чехов, несравненный художник, гордость нашей ли-

тературы — угас светлый прекрасный человеческий дух. И последние его волнения, последние слова, последние тоскливые мысли были о России.

Наше воображение пресытилось кровавыми картинами смерти <...> неутолимыми материнскими слезами, грозным заревом пылающих деревень, и нежная поэзия Чехова с его усталыми, спящими полями, облитыми кротким светом вечерней зари, с его росистыми утрами на берегах медленных, заросших камышами рек, с ночными дорогами среди искрящихся снегов, с пахучими летними полднями и шумными весёлыми дождями, с прекрасными женскими лицами, так очаровательно улыбающимися сквозь светлые слёзы, — вся эта драгоценная прелесть чеховской поэзии представляется нам далёкой, бесконечно милой сказкой. И теперь, когда наступает время великих, грубых, твёрдых, дерзновенных слов, жгущих, как искры, высеченные из кремня, — благоуханный, тонкий, солнечный язык чеховской речи кажется нам волшебной музыкой, слышанной во сне.

Вместе с замечательной простотой и скромностью фразы он сумел соединить её изысканное разнообразие, непостижимую гибкость оборотов, изящную и благородную смелость формы, точность и новизну эпитетов — всю эту неуываемую прелесть чеховской речи, которой долго ещё будут удивляться и учиться писатели будущих времён».

А.И. Куприн. Из статьи «Памяти Чехова».

«Меня поражает, как он моложе тридцати лет мог написать «Скучную историю», «Княгиню», «На пути», «Холодную кровь», «Тину», «Хористку», «Тиф»... Кроме художественного таланта, изумляет во всех этих рассказах знание жизни, глубокое проникновение в человеческую душу в такие ещё молодые годы. Конечно, работа врача ему очень много дала в этом отношении. Он всегда говорил мне <...> что благодаря ей область его наблюдений расширилась и обогатила его знаниями, настоящую цену которых для него как писателя может понять только

врач. «Знание медицины меня избавило от многих ошибок, которых не избег и сам Толстой, например, в «Крейцеровой сонате».

И, конечно, если бы не туберкулёз, он никогда бы медицины не бросил. Лечить он очень любил, звание врача ставил высоко, — недаром в паспорте Ольги Леонардовны он написал: «жена лекаря»...

Писание же в «Будильниках», «Зрителях», «Осколках», — научило его маленькому рассказу: извольте не переступить ста строк!

Меня научили краткости стихи».

И.А. Бунин. Из книги «О Чехове»

Слева направо: сидят — Л.Н. Андреев, Ф.И. Шаляпин, И.А. Бунин, Н.Д. Телешов, Е.Н. Чириков;
стоят — Скиталец (С.Г. Петров), М. Горький. Москва, 1902 г.
Фотография принадлежала А.П. Чехову,
была подарена этой группой с автографами

На основе приведённых высказываний об А.П. Чехове и воспоминаний о нём создайте портрет писателя, в котором постарайтесь отобразить не только детали его внешности, какой она вам видится, но и его внутренний облик.

Для вас, любознательные

А.П. Чехов был непревзойдённым мастером детали — в каком бы жанре он ни писал: в жанре маленького юмористического рассказа, повести или серьёзной пьесы.

Этот дар в полной мере проявился в его повести «Степь», имеющей подзаголовок «История одной поездки». Прочитайте три фрагмента из повести. В каждом из них — описание степи. Обратите внимание на детали, которые использует автор.

<...> Между тем перед глазами ехавших расстиралась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберёшь, где она начинается и где кончается... Солнце уже выглянуло сзади из-за города и тихо, без хлопот принялось за свою работу. Сначала, далеко впереди, где небо сходится с землёю, около курганчиков и ветряной мельницы, которая издали похожа на маленького человечка, размахивающего руками, поползла по земле широкая ярко-жёлтая полоса; через минуту такая же полоса засветилась несколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; что-то тёплое коснулось Егорушкиной спины, полоса света, подкрав-

шись сзади, шмыгнула через бричку и лошадей, понеслась навстречу другим полосам, и вдруг вся широкая степь сбросила с себя утреннюю полутень, улыбнулась и засверкала росой.

Сжатая рожь, бурьян, молочай, дикая конопля — всё, побуревшее от зноя, рыжее и полумёртвое, теперь омытое росой и облаканное солнцем, оживало, чтоб вновь зацвести. Над дорогой с весёлым криком носились старички, в траве перекликались суслики, где-то далеко влево плакали чибисы. Стадо куропаток, испуганное бричкой, вспорхнуло и со своим мягким «тррр» полетело к холмам. Кузнечики, сверчки, скрипачи и медведки затаились в траве, свою скрипучую монотонную музыку.

Но прошло немного времени, роса испарилась, воздух застыл, и обманутая степь приняла свой унылый июльский вид. Трава поникла, жизнь замерла. Загорелые холмы, бурозелёные, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски...

Как душно и уныло! Бричка бежит, а Егорушка видит всё одно и то же — небо, равнину, холмы... Музыка в траве приутихла. Старички улетели, куропаток не видно. Над поблёкшей травой, от нечего делать, носятся грачи; все они похожи друг на друга и делают степь ещё более однообразной.

Летит коршун над самой землёй, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни, потом встряхивает крыльями и стрелой несётся над степью, и непонятно, зачем он летает и что ему нужно. А вдали машет крыльями мельница...

Для разнообразия мелькнёт в бурьяне белый череп или булыжник; вырастет на мгновение серая каменная баба или высохшая ветла с синей ракшей на верхней ветке, перебежит дорогу суслик, и — опять бегут мимо глаз бурьян, холмы, грачи... <...>

<...> Но вот наконец, когда солнце стало спускаться к западу, степь, холмы и воздух не выдержали гнёта и, истощивши терпение, измучившись, попытались сбросить с себя иго. Из-за холмов неожиданно показалось пепельно-седое кудрявое облако. Оно переглянулось со степью — я, мол, готово — и нахмурилось. Вдруг в стоячем воздухе что-то порвалось, сильно рванул ветер и с шумом, со свистом закружился по степи. Тотчас же трава и прошлогодний бурьян подняли ропот, на дороге спирально закружилась пыль, побежала по степи и, увлекая за собой солому, стрекоз и перья, чёрным вертящимся столбом поднялась к небу и затуманила солнце. По степи, вдоль и поперёк, спотыкаясь и прыгая, побежали перекаати-поле, а одно из них попало в вихрь, завертелось; как птица, полетело к небу и, обратившись там в чёрную точку, исчезло из виду. За ним понеслось другое, потом третье, и Егорушка видел, как два перекаати-поле столкнулись в голубой вышине и вцепились друг в друга, как на поединке.

У самой дороги вспорхнул стрепет. Мелькая крыльями и хвостом, он, залитый солнцем, походил на рыболовную блесну или на прудового мотылька, у которого, когда он мелькает над водой, крылья сливаются с усиками, и кажется, что усики растут у него и спереди, и с боков... Дрожа в воздухе, как насекомое, играя своей пестротой, стрепет поднялся высоко вверх по прямой линии, потом, вероятно испуганный обликом пыли, понёсся в сторону, и долго ещё было видно его мелькание...

А вот встревоженный вихрем и не понимая, в чём дело, из травы вылетел коростель. Он летел за ветром, а не против, как все птицы; от этого его перья взъерошились, весь он раздулся до величины курицы и имел очень сердитый, внушительный вид. Одни только грачи, состарившиеся в степи и привыкшие к степным переполохам, покойно носились над травой или же равнодушно, ни на что не обращая внимания, долбили своими толстыми клювами чёрствую землю. <...>

<...> В июльские вечера и ночи уже не кричат перепела и коростели, не поют в лесных балочках соловьи, не пахнет цветами, но степь всё ещё прекрасна и полна жизни. Едва зайдёт солнце и землю окутает мгла, как дневная тоска забыта, всё прощено, и степь легко вздыхает широкою грудью. Как будто от того, что траве не видно в потёмках своей старости, в ней поднимается весёлая, молодая трескотня, какой не бывает днём; треск, подсвистыванье, царапанье, степные басы, тенора и дисканты — всё мешается в непрерывный, монотонный гул, под который хорошо вспоминать и грустить. Однообразная трескотня убаюкивает, как колыбельная песня; едешь и чувствуешь, что засыпаешь, но вот откуда-то доносится отрывистый, тревожный крик неуснувшей птицы или раздаётся неопределённый звук, похожий на чей-то голос, вроде удивлённого «а-а!», и дремота опускает веки. А то, бывало, едешь мимо балочки, где есть кусты, и слышишь, как птица, которую степняки зовут сплюком, кому-то кричит: «Сплю! сплю! сплю!», а другая хохочет или заливается истерическим плачем — это сова. Для кого они кричат и кто их слушает на этой равнине, Бог их знает, но в крике их много грусти и жалобы... Пахнет сеном, высушенной травой и запоздалыми цветами, но запах густ, сладко-приторен и нежен.

Сквозь мглу видно всё, но трудно разобрать цвет и очертания предметов. Всё представляется не тем, что оно есть. Едешь и видишь, впереди у самой дороги стоит силуэт, похожий на монаха; он не шевелится, ждёт и что-то держит в руках... Не разбойник ли это? Фигура приближается, растёт, вот она поравнялась с бричкой, и вы видите, что это не человек, а одинокий куст или большой камень. Такие неподвижные, кого-то поджидающие фигуры стоят на холмах, прячутся за курганами, выглядывают из бурьяна, и все они походят на людей и внушают подозрение.

А когда всходит луна, ночь становится бледной и томной. Мглы как не бывало. Воздух прозрачен, свеж и тёпл, всюду хорошо видно и даже можно различить у дороги отдельные

стебли бурьяна. На далёкое пространство видны черепа и камни. Подозрительные фигуры, похожие на монахов, на светлом фоне ночи кажутся чернее и смотрят угрюмее. Чаще и чаще среди монотонной трескотни, тревожа неподвижный воздух, раздаётся чьё-то удивлённое «а-а!» и слышится крик неуснувшей или бредящей птицы. Широкие тени ходят по равнине, как облако по небу, а в непонятной дали, если долго всматриваться в неё, высатся и громоздятся друг на друга туманные, причудливые образы... Немножко жутко. А взглянешь на бледно-зелёное, усыпанное звёздами небо, на котором ни облачка, ни пятна, и поймёшь, почему тёплый воздух недвижим, почему природа настороже и боится шевельнуться: ей жутко и жаль утратить хоть одно мгновение жизни. О необъятной глубине и безграничности неба можно судить только на море да в степи ночью, когда светит луна. Оно страшно, красиво и ласково, глядит томно и манит к себе, а от ласки его кружится голова.

Едешь час-другой... Попадается на пути молчаливый старик-курган или каменная баба, поставленная Бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землёю ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и всё то, что сам сумел увидеть и постичь душою. И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в голубом небе, в лунном свете, в полёте ночной птицы, во всём, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа даёт отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей. И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознаёт, что она одинока, что богатство её и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь её тоскливый, безнадежный призыв: певца! певца! <...>

1888

1. Что объединяет эти отрывки и чем они отличны друг от друга? Дайте название каждому фрагменту.
2. Подготовьтесь к подробному пересказу одного из фрагментов. Выпишите ключевые слова и определите центральные поэтические образы, создающие неповторимый пейзаж.
- 3*. Сопоставьте изображение степи у А.П. Чехова и в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Что вы отметили? Обобщите свои наблюдения и аргументируйте выводы.

ШУТОЧКА

Ясный, зимний полдень... Мороз крепок, трещит, и у Наденьки, которая держит меня под руку, покрываются серебристым инеем кудри на висках и пушок над верхней губой. Мы стоим на высокой горе. От наших ног до самой земли тянется покатая плоскость, в которую солнце глядится, как в зеркало. Возле нас маленькие санки, обитые ярко-красным сукном.

— Съедемте вниз, Надежда Петровна! — умоляю я. — Один только раз! Уверяю вас, мы останемся целы и невредимы.

Но Наденька боится. Всё пространство от её маленьких калош до конца ледяной горы кажется ей страшной, неизмеримо глубокой пропастью. У неё замирает дух и прерывается дыхание, когда она глядит вниз, когда я только предлагаю сесть в санки, но что же

будет, если она рискнёт полететь в пропасть! Она умрёт, сойдёт с ума.

— Умоляю вас! — говорю я. — Не надо бояться! Поймите же, это малодушие, трусость!

Наденька наконец уступает, и я по лицу вижу, что она уступает с опасностью для жизни. Я сажаю её, бледную, дрожащую, в санки, обхватываю рукой и вместе с нею низвергаюсь в бездну.

Санки летят как пуля. Рассекаемый воздух бьёт в лицо, ревёт, свистит в ушах, рвёт, больно щиплет от злости, хочет сорвать с плеч голову. От напора ветра нет сил дышать. Кажется, сам дьявол обхватил нас лапами и с рёвом тащит в ад. Окружающие предметы сливаются в одну длинную, стремительно бегущую полосу... Вот-вот ещё мгновение, и кажется — мы погибнем!

— Я люблю вас, Надя! — говорю я вполголоса.

Санки начинают бежать всё тише и тише, рёв ветра и жужжанье полозьев не так уже страшны, дыхание перестаёт замирать, и мы наконец внизу. Наденька ни жива ни мертва. Она бледна, едва дышит... Я помогаю ей подняться.

— Ни за что в другой раз не поеду, — говорит она, глядя на меня широкими, полными ужаса глазами. — Ни за что на свете! Я едва не умерла!

Немного погодя она приходит в себя и уже вопросительно заглядывает мне в глаза: я ли сказал те четыре слова или же они только послышались ей в шуме вихря? А я стою возле неё, курю и внимательно рассматриваю свою перчатку.

Она берёт меня под руку, и мы долго гуляем около горы. Загадка, видимо, не даёт ей покою. Были сказаны те слова или нет? Да или нет? Да или нет? Это вопрос самолюбия, чести, жизни, счастья, вопрос очень важный, самый важный на свете. Наденька нетерпеливо, грустно, проникающим взором заглядывает мне в лицо, отвечает невпопад, ждёт, не заговорю ли я. О, какая игра на этом милом лице, какая игра! Я вижу, она бо-

рется с собой, ей нужно что-то сказать, о чём-то спросить, но она не находит слов, ей неловко, страшно, мешает радость...

— Знаете что? — говорит она, не глядя на меня.

— Что? — спрашиваю я.

— Давайте ещё раз... прокатим.

Мы взбираемся по лестнице на гору. Опять я сажаю бледную, дрожащую Наденьку в санки, опять мы летим в страшную пропасть, опять ревёт ветер и жужжат полозья, и опять при самом сильном и шумном разлёте санок я говорю вполголоса.

— Я люблю вас, Наденька!

Когда санки останавливаются, Наденька окидывает взглядом гору, по которой мы только что катили, потом долго всматривается в моё лицо, вслушивается в мой голос, равнодушный и бесстрастный, и вся, вся, даже муфта и башлык её, вся её фигурка выражают крайнее недоумение. И на лице у неё написано:

«В чём же дело? Кто произнёс те слова? Он, или мне только послышалось?»

Эта неизвестность беспокоит её, выводит из терпения. Бедная девочка не отвечает на вопросы, хмурится, готова заплакать.

— Не пойти ли нам домой? — спрашиваю я.

— А мне... мне нравится это катанье, — говорит она, краснея. — Не проехаться ли нам ещё раз?

Ей «нравится» это катанье, а между тем, садясь в санки, она, как и в те разы, бледна, еле дышит от страха, дрожит.

Мы спускаемся в третий раз, и я вижу, как она смотрит мне в лицо, следит за моими губами. Но я прикладываю к губам платок, кашляю и, когда достигаем середины горы, успеваю вымолвить:

— Я люблю вас, Надя!

И загадка остаётся загадкой! Наденька молчит, о чём-то думает... Я провожаю её с катка домой, она старается идти тише, замедляет шаги и всё ждёт, не скажу ли я ей

тех слов. И я вижу, как страдает её душа, как она делает усилия над собой, чтобы не сказать:

— Не может же быть, чтоб их говорил ветер! И я не хочу, чтобы это говорил ветер!

На другой день утром я получаю записочку: «Если пойдёте сегодня на каток, то заходите за мной. Н.» И с этого дня я с Наденькой начинаю каждый день ходить на каток, и, слетая вниз на санках, я всякий раз произношу вполголоса одни и те же слова:

— Я люблю вас, Надя!

Скоро Наденька привыкает к этой фразе, как к вину или морфию. Она жить без неё не может. Правда, лететь с горы по-прежнему страшно, но теперь уже страх и опасность придают особое очарование словам о любви, словам, которые по-прежнему составляют загадку и томят душу. Подозреваются всё те же двое: я и ветер... Кто из двух признаётся ей в любви, она не знает, но ей, по-видимому, уже всё равно; из какого сосуда ни пить — всё равно, лишь бы быть пьяным.

Как-то в полдень я отправился на каток один; смешавшись с толпой, я вижу, как к горе подходит Наденька, как ищет глазами меня... Затем она робко идёт вверх по лестнице... Страшно ехать одной, о, как страшно! Она бледна, как снег, дрожит, она идёт точно на казнь, но идёт, идёт без оглядки, решительно. Она, очевидно, решила, наконец, попробовать: будут ли слышны те изумительные сладкие слова, когда меня нет? Я вижу, как она, бледная, с раскрытым от ужаса ртом, садится в санки, закрывает глаза и, простившись навеки с землёй, трогается с места... «Жжжж...» — жужжат полозья. Слышит ли Наденька те слова, я не знаю... Я вижу только, как она поднимается из саней изнеможенная, слабая. И видно по её лицу, она и сама не знает, слышала она что-нибудь или нет. Страх, пока она катила вниз, отнял у неё способность слышать, различать звуки, понимать...

Но вот наступает весенний месяц март... Солнце становится ласковее. Наша ледяная гора темнеет, теря-

ет свой блеск и тает наконец. Мы перестаём кататься. Бедной Наденьке больше уж негде слышать тех слов, да и некому произносить их, так как ветра не слышно, а я собираюсь в Петербург — надолго, должно быть, навсегда.

Как-то перед отъездом, дня за два, в сумерки сижу я в садике, а от двора, в котором живёт Наденька, садик этот отделён высоким забором с гвоздями... Ещё достаточно холодно, под навозом ещё снег, деревья мертвы, но уже пахнет весной и, укладываясь на ночлег, шумно кричат грачи. Я подхожу к забору и долго смотрю в щель. Я вижу, как Наденька выходит на крылечко и устремляет печальный, тоскующий взор на небо... Весенний ветер дует ей прямо в бледное, унылое лицо... Он напоминает ей о том ветре, который ревел нам тогда на горе, когда она слышала те четыре слова, и лицо у неё становится грустным, грустным, по щеке ползёт слеза... И бедная девочка протягивает обе руки, как бы прося этот ветер принести ей ещё раз те слова. И я, дождавшись ветра, говорю вполголоса:

— Я люблю вас, Надя!

Боже мой, что делается с Наденькой! Она вскрикивает, улыбается во всё лицо и протягивает навстречу ветру руки, радостная, счастливая, такая красивая.

А я иду укладываться...

Это было уже давно. Теперь Наденька уже замужем; её выдали, или она сама вышла — это всё равно, за секретаря дворянской опеки, и теперь у неё уже трое детей. То, как мы вместе когда-то ходили на каток и как ветер доносил до неё слова «Я вас люблю, Наденька», не забыто; для неё теперь это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминание в жизни...

А мне теперь, когда я стал старше, уже непонятно, зачем я говорил те слова, для чего шутил...

1886

Летнее утро. В воздухе тишина; только поскрипывает на берегу кузнечик да где-то робко мурлыкает орличка. На небе неподвижно стоят перистые облака, похожие на рассыпанный снег... Около строящейся купальни, под зелёными ветвями ивняка, барахтается в воде плотник Герасим, высокий, тощий мужик с рыжей курчавой головой и с лицом, поросшим волосами. Он пыхтит, отдувается и, сильно мигая глазами, старается достать что-то из-под корней ивняка. Лицо его покрыто потом. На сажень от Герасима, по горло в воде, стоит плотник Любим, молодой горбатый мужик с треугольным лицом и с узкими, китайскими глазками. Как Герасим, так и Любим, оба в рубахах и портах. Оба посинели от холода, потому что уж больше часа сидят в воде...

— Да что ты всё рукой тычешь? — кричит горбатый Любим, дрожа как в лихорадке. — Голова ты садовая! Ты держи его, держи, а то уйдёт, анафема! Держи, говорю!

— Не уйдёт... Куда ему уйтить? Он под корягу забился... — говорит Герасим охрипшим, глухим басом, идущим не из гортани, а из глубины живота. — Скользкий, шут, и ухватить не за что.

— Ты за зебры хватай, за зебры!

— Не видать жабров-то... Постой, ухватил за что-то... За губу ухватил... Кусается, шут!

— Не тащи за губу, не тащи — выпустишь! За зебры хватай его, за зебры хватай! Опять почал рукой тыкать! Да и беспонятный же мужик, прости Царица Небесная! Хватай!

— «Хватай»... — дразнит Герасим. — Командер какой нашёлся... Шёл бы да и хватал бы сам, горбатый чёрт... Чего стоишь?

— Ухватил бы я, коли б можно было... Нешто при моей низкой комплекции можно под берегом стоять? Там глыбоко!

— Ничего, что глыбоко... Ты вплавь...

Горбач взмахивает руками, подплывает к Герасиму и хватается за ветки. При первой же попытке стать на ноги он погружается с головой и пускает пузыри.

— Говорил же, что глыбоко! — говорит он, сердито вращая белками. — На шею тебе сяду, что ли?

— А ты на корягу стань... Коряг много, словно лестница...

Горбач нащупывает пяткой корягу и, крепко ухватившись сразу за несколько веток, становится на неё... Совладавши с равновесием и укрепившись на новой позиции, он изгибается и, стараясь не набрать в рот воды, начинает правой рукой шарить между корягами. Путаясь в водорослях, скользя по мху, покрывающему коряги, рука его насакивает на колючие клешни рака...

— Тебя ещё тут, чёрта, не видали! — говорит Любим и со злобой выбрасывает на берег рака. <http://kurokam.ru>

Наконец рука его нащупывает руку Герасима и, спускаясь по ней, доходит до чего-то склизкого, холодного.

— Во-от он!.. — улыбается Любим. — Зда-аровый, шут... Оттопырь-ка пальцы, я его сичас... за зебры... Постой, не толкай локтем... я его сичас... сичас, дай только взяться... Далече, шут, под корягу забился, не за что и ухватиться... Не доберёшься до головы... Пузо одно только и слышать... Убей мне на шее комара — жжёт! Я сичас... под зебры его... Заходи сбоку, пхай его, пхай! Шпыняй его пальцем!

Горбач, надув щёки, притаив дыхание, вытаращивает глаза и, по-видимому, уже залезает пальцами «под зебры», но тут ветки, за которые цепляется его левая рука, обрываются, и он, потеряв равновесие, — бултых в воду! Словно испуганные, бегут от берега волнистые круги, и на месте падения вскакивают пузыри. Горбач выплывает и, фыркая, хватается за ветки.

— Утонешь ещё, чёрт, отвечать за тебя придётся!.. — хрипит Герасим. — Вылазь, ну ты к лешему! Я сам вытащу!

Начинается ругань... А солнце печёт и печёт. Тени становятся короче и уходят в самих себя, как рога улитки... Высокая трава, пригретая солнцем, начинает испускать из себя густой, приторно-медовый запах. Уж скоро полдень, а Герасим и Любим всё ещё барахтаются под ивняком. Хриплый бас и озябший, визгливый тенор неугомонно нарушают тишину летнего дня.

— Тащи его за зебры, тащи! Пстой, я его выпихну! Да куда суёшься-то с кулачищем? Ты пальцем, а не кулаком — рыло! Заходи сбоку! Слева заходи, слева, а то вправо колдобина! Угодишь к лешему на ужин! Тяни за губу!

Слышится хлопанье бича... По отлогому берегу к водою лениво плетётся стадо, гонимое пастухом Ефимом. Пастух, дряхлый старик с одним глазом и покривившимся ртом, идёт, понуря голову, и глядит себе под ноги. Первыми подходят к воде овцы, за ними лошади, за лошадьми коровы.

— Потолкай его из-под низу! — слышит он голос Любима. — Просунь палец! Да ты глухой, чё-ёрт, что ли? Тьфу!

— Кого это вы, братцы? — кричит Ефим.

— Налима! Никак не вытащим! Под корягу забился! Заходи сбоку! Заходи, заходи!

Ефим минуту щурит свой глаз на рыболовов, затем снимает лапти, сбрасывает с плеч мешочек и снимает рубаху. Сбросить порты не хватает у него терпения, и он, перекрестясь, балансируя худыми, тёмными руками, лезет в портах в воду... Шагов пятьдесят он проходит по илистому дну, но затем пускается вплавь.

— Пстой, ребяташки! — кричит он. — Пстой! Не вытаскивайте его зря, упустите. Надо умеючи!..

Ефим присоединяется к плотникам, и все трое, толкая друг друга локтями и коленями, пыхтя и ругаясь, толкуются на одном месте... Горбатый Любим захлёбывается, и воздух оглашается резким, судорожным кашлем.

— Где пастух? — слышится с берега крик. — Ефи-им! Пастух! Где ты? Стадо в сад полезло! Гони, гони из саду! Гони! Да где ж он, старый разбойник?

Слышатся мужские голоса, затем женский... Из-за решётки барского сада показывается барин Андрей Андреич в халате из персидской шали и с газетой в руке... Он смотрит вопросительно по направлению криков, несущихся с реки, и потом быстро семенит к купальне...

— Что здесь? Кто орёт? — спрашивает он строго, увидав сквозь ветви ивняка три мокрые головы рыболовов. — Что вы здесь копошитесь?

— Ры... рыбку ловим... — лепечет Ефим, не поднимая головы.

— А вот я тебе задам рыбку! Стадо в сад полезло, а он рыбку!.. Когда же купальня будет готова, черти? Два дня как работаете, а где ваша работа?

— Бу... будет готова... — кряхтит Герасим. — Лето велико, успеешь ещё, вашескорodie, помыться... Пфррр... Никкак вот тут с налимом не управимся... Забрался под корягу и словно в норе: ни туда ни сюда...

— Налим? — спрашивает барин, и глаза его подёргиваются лаком. — Так тащите его скорей!

— Ужо дашь полтинничек... Удружим ежели... Здоровенный налим, что твоя купчиха... Стоит, вашескорodie, полтинник... за труды... Не мни его, Любим, не мни, а то замучишь! Подпирай снизу! Тащи-ка корягу кверху, добрый человек... как тебя? Кверху, а не книзу, дьявол! Не болтайте ногами!

Проходит пять минут, десять... Барину становится невтерпеж.

— Василий! — кричит он, повернувшись к усадьбе. — Васька! Позовите ко мне Василия!

Прибегает кучер Василий. Он что-то жуёт и тяжело дышит.

— Полезай в воду, — приказывает ему барин, — помоги им вытащить налима... Налима не вытасят!

Василий быстро раздевается и лезет в воду.

— Я сейчас... — бормочет он. — Где налим? Я сейчас... Мы это мигом! А ты бы ушёл, Ефим! Нечего тебе тут, старому человеку, не в своё дело мешаться! Который тут налим? Я его сейчас... Вот он! Пустите руки!

— Да чего пустите руки? Сами знаем: пустите руки! А ты вытащи!

— Да нешто его так вытащишь? Надо за голову!

— А голова под корягой! Знамо дело, дурак!

— Ну, не лай, а то влетит! Сволочь!

— При господине барине и такие слова... — лепечет Ефим. — Не вытащите вы, братцы! Уж больно ловко он засел туда!

— Погодите, я сейчас... — говорит барин и начинает торопливо раздеваться. — Четыре вас, дурака, и налива вытащить не можете!

Раздевшись, Андрей Андреич даёт себе остынуть и лезет в воду. Но и его вмешательство не ведёт ни к чему.

— Подрубить корягу надо! — решает наконец Любим. — Герасим, сходи за топором! Топор подайте!

— Пальцев-то себе не отрубите! — говорит барин, когда слышатся подводные удары топора о корягу. — Ефим, пошёл вон отсюда! Пойдите, я налива вытащу... Вы не тово...

Коряга подрублена. Её слегка надламывают, и Андрей Андреич, к великому своему удовольствию, чувствует, как его пальцы лезут налиму под жабры.

— Тащу, братцы! Не толпитесь... стойте... тащу!

На поверхности показывается большая налимья голова и за нею чёрное, аршинное тело. Налим тяжело ворочает хвостом и старается вырваться.

— Шалишь... Дудки, брат. Попался? Ага!

По всем лицам разливается медовая улыбка. Минута проходит в молчаливом созерцании.

— Знатный налим! — лепечет Ефим, почёсывая под ключицами. — Чай, фунтов десять будет...

— Нда... — соглашается барин. — Печёнка-то так и отдувается. Так и прёт её из нутра. А... ах!

Налим вдруг неожиданно делает резкое движение хвостом вверх, и рыболовы слышат сильный плеск... Все растопыряют руки, но уже поздно; налим — поминай как звали.

1885

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флёрдоранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь! Ах ты, Господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат — как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казённую книжку папироской прожёг, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да Бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведён столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось уже статский? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чиновничество!

— Помилуйте... Что вы-с.... — захихикал тонкий, ещё более съёживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Иллюстрация к рассказу А.П. Чехова «Толстый и тонкий».
Художник Б.М. Калаушин

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «Хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

1883

Вопросы и задания

?

1. Какие качества характеров проявляются у персонажей в каждом из рассказов?
2. Соответствуют ли образы героев рассказа А.П. Чехова «Толстый и тонкий» иллюстрации художника Б.М. Калаушина? Какой момент сюжета выбран художником?

3. А.П. Чехов — мастер короткой, отточенной фразы. «Длинный подбородок жены стал ещё длиннее». Найдите в каждом из рассказов примеры подобного типа.

4. Охарактеризуйте лексический состав каждого из трёх произведений. В каких рассказах употреблена просторечная лексика и какую роль она играет в тексте? В каком рассказе она присутствует чаще, чем в других? Какую цель преследует автор?

5. Над чем иронизирует писатель в каждом из рассказов?

6*. Составьте словарные статьи *юмор* и *сатира*. В них должна быть видна разница между этими понятиями. Покажите эту разницу на примере прочитанных рассказов Чехова.

Для вас, любознательные

В первой редакции рассказа «тонкий» раболепствовал, унижался, так как «толстый» оказывался его прямым начальником и распекал за опоздание на службу. Затем Чехов переработал рассказ. Теперь «толстый» изображён нейтрально, главным объектом осмеяния стал маленький чиновник, который подличает и пресмыкается, когда его к этому никто не принуждает.

Как вы думаете, в чём смысл этого изменения?

Живое слово

1. Подумайте, что расскажет дома о встрече с бывшим одноклассником толстый? Напишите этот рассказ от его лица.

2. Расскажите какую-нибудь забавную историю, свидетелем которой вы были или которую слышали от других людей. Не забудьте об уроках юмора А.П. Чехова.

3. Нарисуйте устно портрет одного из персонажей (по любому рассказу писателя). Обязательно обратите внимание на детали, которые помогают читателю ярче представить образ литературного героя.

После уроков

1. Подготовьте инсценировку одного из рассказов А.П. Чехова.
2. Составьте по полюбившимся вам рассказам писателя вопросы и задания для литературной викторины «Чехов смеётся». Проведите викторину.

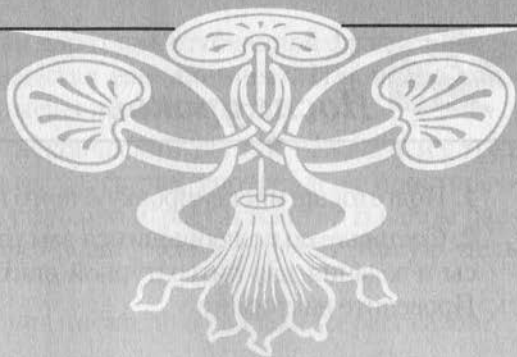

Советуем прочитать

И.А. Бунин в своей книге упоминает названия журналов, в которых печатался А.П. Чехов: «Будильник», «Зритель», «Осколки». Попробуйте разыскать материал об одном из этих журналов и составьте о нём небольшую словарную статью. Материал вы сможете найти в «Краткой литературной энциклопедии», а также в Интернете (тема «А.П. Чехов в журналах «Зритель», «Осколки», «Будильник»).

Из русской литературы XX века

Русская литература XX века в полной мере отразила противоречия, которые происходили в обществе, в жизни страны и мира.

Размышляя о сложных, порой трагических событиях, русские писатели учили своих читателей больше всего беречь самое главное, что есть в природе и обществе и что бесценно — человеческую жизнь. Особенно пронзительно, точно и ёмко прозвучала эта мысль в поэме В. Маяковского «Война и мир»:

Слышите!
Каждый,
Ненужный даже,
должен жить;
нельзя,
нельзя ж его
в могилы траншей и блиндажей
вкопать заживо —
убийцы!

Человек, его судьба, труд и быт, переживания, отношение к Родине — таков далеко не полный перечень тем литературы этого периода, прозвучавших в поэзии, прозе, драматургии.

Тяжёлым испытанием стала для народа Великая Отечественная война. Борьба Советского Союза с фашизмом объединила всех настоящих патриотов Отечества. Русская литература с особой силой выразила чувства всех, кто жил, боролся и победил.

Победа была бы невозможна без веры в неё, без готовности пожертвовать собой за будущее Родины и её народа. Вот как об этом сказала А.А. Ахматова:

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

И ещё одно важное событие произошло в XX столетии, в самом его конце. Мы осознали, что вся русская литература: и та, что создавалась в России, и та, что пришла из-за рубежа, и та, что достаточно быстро оказывалась у читателя, и та, что шла к нему долгие десятилетия, — вся эта литература — наше национальное достояние, которое следует свято беречь. А сберегается книга тогда, когда у неё есть искренний и истинный, заинтересованный читатель.

ИВАН
АЛЕКСЕЕВИЧ
БУНИН
1870—1953

Бунин был очень счастливым писателем. С одинаковой зоркостью он видел всё — и среднерусское лето, и пасмурную зиму, и «скудные, свинцовые, спокойные дни поздней осени».

Ещё в гимназии я начал зачитываться Буниным. В то время я мало знал о нём. Кое-что я узнал из автобиографической заметки, написанной самим Буниным для «Словаря писателей» Венгерова. Там было сказано, что Бунин провёл своё детство в деревне, где-то между Ельцом и городком Ефремовом (в тогдашней Тульской губернии), а потом учился в Елецкой гимназии.

В прозе и поэзии Бунина явственно присутствует ощущение жизни как длительного и в основе своей прекрасного пути от рождения человека до его смерти.

Бунин говорил, что, начиная писать о чём бы то ни было, прежде всего он должен «найти звук»... «Найти звук» — это найти ритм прозы и найти основное её звучание... Даже в детстве Бунин остро чувствовал этот ритм. Ещё мальчиком он заметил в прологе к пушкинскому «Руслану» кругообразное лёгкое движение стихов...

И днём — и ночью — кот — учёный — всё ходит — по цепи — кругом.

В области русского языка Бунин был мастером непревзойдённым. Из необъятного числа русских слов он безошибочно выбирал для каждого своего рассказа слова наи-

более живописные, наиболее сильные, связанные какой-то незримой и почти таинственной связью с повествованием и единственно для этого повествования необходимые.

Каждый рассказ и каждое стихотворение Бунина подобны магниту, который притягивает из самых разных мест все драгоценные частицы, нужные для этого рассказа.

Если бы сейчас существовал сказочник, подобный Христиану Андерсену, то он, может быть, написал бы сказку о том, как слетаются к писателю, обладающему волшебным магнитом, всякие неожиданные вещи, — вплоть до солнечного луча в кустарнике, покрытом инеем, лохмотьев туч и сизых траурных риз, а писатель располагает их в своём каком-то особом порядке, обрызгивает живой водой, и вот — в мире уже живёт новое произведение — поэма, стихи или повесть, — и ничто не сможет убить его. Оно бессмертно, пока жив на земле человек.

Всю жизнь Бунин ждал счастья, писал о человеческом счастье, искал пути к нему. Он нашёл его в своей поэзии, прозе, в любви к жизни и своей родине и сказал великие слова о том, что счастье дано только знающим.

Бунина надо читать, читать самому и навсегда отказаться от жалких попыток рассказывать обыденными, не бунинскими словами о том, что написано им с классической силой и чёткостью.

К.Г. Паустовский

Вопросы и задания

1. Назовите известные вам произведения И.А. Бунина.
2. На что советует обратить внимание К.Г. Паустовский при чтении бунинских произведений?
3. Прочитайте произведения Бунина, учитывая советы Паустовского, обращая внимание на ритм, выбор слов, описание героев и их поступков, определяя отношение автора к героям.

ЛАПТИ

Пятый день несло непроглядной выюгой. В белом от снега и холодном хуторском доме стоял бледный сумрак и было большое горе: был тяжело болен ребёнок. И в жару, в бреду он часто плакал и всё просил дать ему какие-то красные лапти. И мать, не отходившая от постели, где он лежал, тоже плакала горькими слезами, — от страха и от своей беспомощности. Что сделать, чем помочь? Муж в отъезде, лошади плохие, а до больницы, до доктора тридцать вёрст, да и не поедет никакой доктор в такую страсть...

Стукнуло в прихожей, — Нефёд принес соломы на топку, свалил её на пол, отдуваясь, утираясь, дыша холодом и выужной свежестью, приотворил дверь, заглянул:

— Ну что, барыня, как? Не полегчало?

— Куда там, Нефёдушка! Верно, и не выживет! Всё какие-то красные лапти просит...

— Лапти? Что за лапти такие?

— А Господь его знает. Бредит, весь огнём горит...

Мотнул шапкой, задумался. Шапка, борода, старый полушубок, разбитые валенки — всё в снегу, всё обмёрзло... И вдруг твёрдо:

— Значит, надо добывать. Значит, душа желает. Надо добывать.

— Как добывать?

— В Новосёлки идти. В лавку. Покрасить фуксином нехитрое дело.

— Бог с тобой, до Новосёлок шесть вёрст! Где ж в такой ужас дойти!

Ещё подумал.

— Нет, пойду. Ничего, пойду. Доехать не доедешь, а пешком, может, ничего. Она будет мне в зад, пыль-то...

И, приотворив дверь, ушёл. А на кухне, ни слова не говоря, натянул зипун поверх полушубка, туго подпоясался

старой подпояской, взял в руки кнут и вышел вон, пошёл, утопая по сугробам, через двор, выбрался за ворота и потонул в белом, куда-то бешено несущемся степном море.

Пообедали, стало смеркаться, смерклось — Нефёда не было. Решили, что, значит, ночевать остался, если Бог до-нёс. Обыденкой в такую пору не вернёшься. Надо ждать завтра не раньше обеда. Но оттого, что его всё-таки не было, ночь была ещё страшнее. Весь дом гудел, ужасала одна мысль, что теперь там, в поле, в бездне снежного урагана и мрака. Сальная свеча пылала дрожащим хмурым пламенем. Мать поставила её на пол, за отвал кровати. Ребёнок лежал в тени, но стена казалась ему огненной и вся бежала причудливыми, несказанно великолепными и грозными видениями. А порой он как будто приходил в себя и тотчас же начинал горько и жалобно плакать, умоляя (и как будто вполне разумно) дать ему красные лапти:

— Мамочка, дай! Мамочка дорогая, ну что тебе стоит!

И мать кидалась на колени и била себя в грудь:

— Господи, помоги! Господи, защити!

А когда наконец рассвело, слышалось под окнами сквозь гул и грохот вьюги уже совсем явственно, совсем не так, как всю ночь мерещилось, что кто-то подъехал, что раздаются чьи-то глухие голоса, а затем торопливый, зловещий стук в окно.

Это были новосельские мужики, привёзшие мёртвое тело, — белого, мёрзлого, всего забитого снегом, навзничь лежавшего в розвальнях Нефёда. Мужики ехали из города, сами всю ночь плутали, а на рассвете свалились в какие-то дуга, потонули вместе с лошастью в страшный снег и совсем было отчаялись, решили пропадать, как вдруг увидали торчащие из снега чьи-то ноги в валенках. Кинулись разгребать снег, подняли тело — оказывается, знакомый человек...

Тем только и спаслись — поняли, что, значит, эти дуга хуторские, протасовские, и что на горе, в двух шагах, жильё...

За пазухой Нефёда лежали новенькие ребячьи лапти и пузырёк с фуксином.

1924

1. Кто главный герой рассказа? Как вы относитесь к его поступку?
2. Как бы вы сформулировали тему рассказа «Лапти»?
3. Определите значение слов *зитун*, *фуксин*.

* * *

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах сваялася трава,
И, под дождём осенним тлея,
Чернеет тёмная листва.

Иллюстрация к стихотворению «Не видно птиц. Покорно чахнет...».
Художник Л.Д. Бирюков. 1980-е гг.

И.А. Бунин. Фотография

А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж — и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сёл и деревень.

И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном однотонным
Гудит-поёт в стволы ружья.

1889

Вопросы и задания

1. Какое время года изображено в стихотворении?
2. Как состояние природы отражается на настроении автора? Можно ли утверждать, что природа и лирический персонаж слиты, во всяком случае близки? Аргументируйте свой ответ.

3. Цвет может передавать настроение, причем чаще это бывает в тех случаях, когда сам цвет не назван, но его ощущение присутствует.

Какие цвета (оттенки цветов) напоминают вам строки поэта? Какое настроение создаётся этим цветообразом?

а) Покорно чахнет

Лес, опустевший и больной.

б) Глушь стала ниже и светлее,

В кустах сваялася трава,

И, под дождем осенним тлея,

Чернеет тёмная листва.

в) День холодный

Угрюм...

4. Определите, какие образно-выразительные средства использовал в каждом из этих случаев И.А. Бунин.

5. Каким размером написано стихотворение?

6. Настроение можно передать разными способами: поэт это сделал, используя систему изобразительных средств. А как вы восприняли созданное И.А. Буниным настроение? Попробуйте передать своё восприятие стихотворения линией. Что это будет: прямая, округлая, пунктирная линия? Объясните свой выбор.

7*. Из каких художественных деталей складывается главная мысль стихотворения — мысль о единстве лирического персонажа с миром природы?

Советуем прочитать

Домашнее прозвище И.А. Бунина — Князь. Именно так называется книга о Буине, написанная М. Роциным. Найдите и прочитайте её — вы почерпнёте много интересного и поучительного из рассказанного писателем.

**АЛЕКСАНДР
ИВАНОВИЧ
КУПРИН**

1870—1938

Александр Иванович Куприн писал книги, которые нужны людям и сегодня, будут нужны им вечно, как вечен язык, на котором они написаны. Его слово было точным, метким, неожиданно новым и всегда искренним. Сюжеты для своих произведений он брал из живой действительности, поэтому, когда его просили написать автобиографию, он говорил, что вся его проза автобиографична.

Родился писатель 26 августа 1870 года в обедневшей семье в г. Наровчат Пензенской губернии. Его отец, происходивший «из детей лекарских учеников», умер в тридцатисемилетнем возрасте, когда сыну Саше исполнился только один год. Мать Куприна принадлежала к древнему, некогда знатному роду татарских князей, давно разорившихся.

А.И. Куприн долгие годы жил в «больших казённых домах». С трёх до шести лет мальчик находился вместе с матерью во Вдовьем доме в Москве. Четыре года провёл в Разумовском сиротском пансионе. Летом 1880 года стал воспитанником 2-й Московской военной гимназии, вскоре переименованной в Кадетский корпус. Несмотря на тяжёлые годы детства и отрочества, А.И. Куприн сумел остаться человеком могучего жизнелюбия и высоких нравственных качеств. Любовью к человеку проникнуты его произведения о детях: «Белый пудель», «Слон», «Чудесный доктор», «Храбрые беглецы», «Тапёр». Куприн прошёл в детстве немало разнообразных жизненных

А.И. Куприн. Фотография. 1897 г.

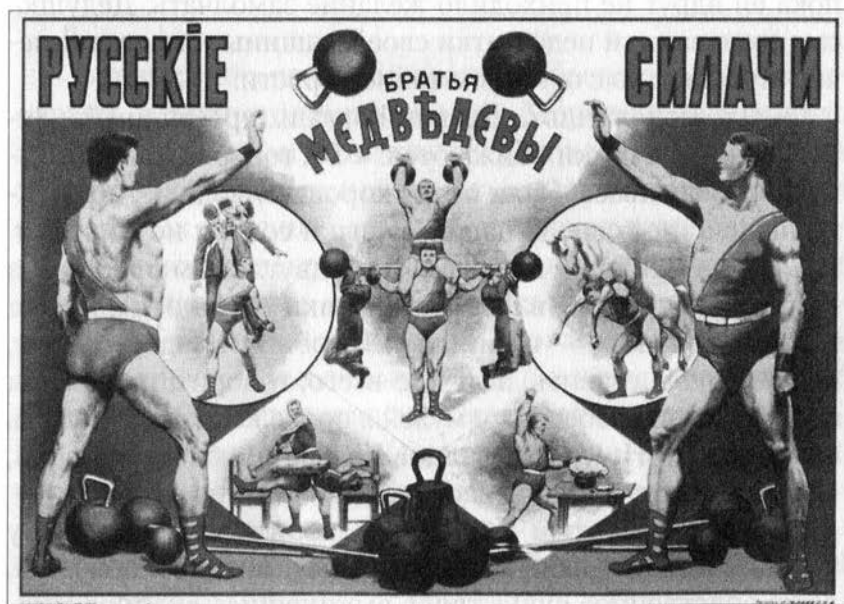
испытаний, но сумел сберечь в душе доброту и сострадание. Этими качествами он наделил своих героев.

Писатель испробовал десятки самых различных профессий: он служил офицером, газетным репортёром, чернорабочим, грузчиком, спортсменом-атлетом, ездовым в цирке, драматическим актёром, зубным техником, псаломщиком, учётчиком на заводе, продавцом в магазине, лесником и землемером, охотником, рыбаком и садоводом, управлял имением, разводил свиней и выращивал табак, спускался в угольную шахту и на морское дно, поднимался на воздушном шаре и летал на самолёте, работал редактором и критиком.

Он открыто защищал слабых, воспевал святую любовь и бескорыстную дружбу, учил быть лучше, красивее, благороднее даже в самых трудных житейских обстоятельствах. Литературный критик О. Михайлов писал о нём: «При мысли о Куприне хочется сказать: добрый талант. Все произведения писателя пропитаны этой бесконечной добротой или, говоря его же словами, любовью «ко всему живущему – к дереву, собаке, воде, земле, человеку, небу».

I

Узкими горными тропинками, от одного дачного посёлка до другого, пробиралась вдоль южного берега Крыма маленькая бродячая труппа¹. Впереди обыкновенно бежал, свесив набок длинный розовый язык, белый пудель Арто, остриженный наподобие льва. У перекрёстков он останавливался и, махая хвостом, вопросительно оглядывался назад. По каким-то ему одному известным признакам он всегда безошибочно узнавал дорогу и, весело болтая мохнатыми ушами, кидался галопом вперёд. За собакой шёл двенадцатилетний мальчик Сергей, который держал под левым локтем свёрнутый ковёр для акробатических

Дореволюционный цирковой плакат

¹ Бродячая труппа — странствующие артисты.

упражнений, а в правой нёс тесную и грязную клетку со щеглом, обученным вытаскивать из ящика разноцветные бумажки с предсказаниями на будущую жизнь. Наконец сзади плёлся старший член труппы — дедушка Мартын Лодыжкин, с шарманкой на скрюченной спине.

Шарманка была старинная, страдавшая хрипотой, кашлем и перенёсшая на своём веку не один десяток починок. Играла она две вещи: унылый немецкий вальс Лаунера¹ и галоп из «Путешествия в Китай» — обе бывшие в моде лет тридцать — сорок тому назад, но теперь всеми позабытые. Кроме того, были в шарманке две предательские трубы. У одной — дискантовой — пропал голос; она совсем не играла, и поэтому, когда до неё доходила очередь, то вся музыка начинала как бы заикаться, прихрамывать и спотыкаться. У другой трубы, издававшей низкий звук, не сразу открывался клапан: раз загудев, она тянула одну и ту же басовую ноту, заглушая и сбивая все другие звуки, до тех пор, пока ей вдруг не приходило желание замолчать. Дедушка сам признавал эти недостатки своей машины и иногда замечал шутливо, но с оттенком тайной грусти:

— Что поделаешь?.. Древний орган... простудный... Заиграешь — дачники обижаются: «Фу, говорят, гадость какая!» А ведь пьесы были очень хорошие, модные, но только нынешние господа нашей музыки совсем не обожают. Им сейчас «Гейшу» подавай, «Под двуглавым орлом», из «Продавца птиц» — вальс. Опять-таки трубы эти... Носил я орган к мастеру — и чинить не берётся. «Надо, говорит, новые трубы ставить, а лучше всего, говорит, продай ты свою кислую дребедень в музей... вроде как какой-нибудь памятник...» Ну, да уж ладно! Кормила она нас с тобой, Сергей, до сих пор, Бог даст и ещё покормит.

Дедушка Мартын Лодыжкин любил свою шарманку так, как можно любить только живое, близкое, пожалуй, даже родственное существо. Свыкнувшись с ней за мно-

¹ *Лаунер* (правильно *Ланнер*) *Йозеф* (1801—1843) — австрийский композитор.

гие годы тяжёлой бродячей жизни, он стал, наконец, видеть в ней что-то одухотворенное, почти сознательное. Случалось иногда, что ночью, во время ночлега где-нибудь на грязном постоялом дворе, шарманка, стоявшая на полу рядом с дедушкиным изголовьем, вдруг издавала слабый звук, печальный, одинокий и дрожащий, точно старческий вздох. Тогда Лодыжкин тихо гладил её по резному боку и шептал ласково:

— Что, брат? Жалуешься?.. А ты терпи...

Столько же, сколько шарманку, может быть даже немного больше, он любил своих младших спутников в вечных скитаниях: пуделя Арто и маленького Сергея. Мальчика он взял пять лет тому назад «напрокат» у забулдыги, вдового сапожника, обязавшись за это уплачивать по два рубля в месяц. Но сапожник вскоре умер, и Сергей остался навеки связанным с дедушкой и душою и мелкими житейскими интересами.

II

Тропинка шла вдоль высокого прибрежного обрыва, извиваясь в тени столетних маслин. Море иногда мелькало между деревьями, и тогда казалось, что, уходя вдаль, оно в то же время подымается вверх спокойной могучей стеной, и цвет его был ещё синее, ещё гуще в узорчатых прорезах, среди серебристо-зелёной листвы. В траве, в кустах кизила и дикого шиповника, в виноградниках и на деревьях — повсюду заливались цикады; воздух дрожал от их звенящего, однообразного, неумолчного крика. День выдался знойный, безветренный, и накалившаяся земля жгла подошвы ног.

Сергей, шедший, по обыкновению, впереди дедушки, остановился и ждал, пока старик не поравнялся с ним.

— Ты что, Серёжа? — спросил шарманщик.

— Жара, дедушка Лодыжкин... нет никакого терпения! Исккупаться бы...

Старик на ходу привычным движением плеча поправил на спине шарманку и вытер рукавом вспотевшее лицо.

— На что бы лучше! — вздохнул он, жадно поглядывая вниз, на прохладную синеву моря. — Только ведь после купанья ещё больше разморит. Мне один знакомый фельдшер говорил: соль эта самая на человека действует... значит, мол, расслабляет... Соль-то морская...

— Врал, может быть? — с сомнением заметил Сергей.

— Ну, вот, врал! Зачем ему врать? Человек солидный, непьющий... домишко у него в Севастополе. Да потом здесь и спуститься к морю негде. Подожди, дойдём ужотко до Мисхора, там и пополошем телеса свои грешные. Перед обедом оно лестно, искупаться-то... а потом, значит, поспать трошки... и отличное дело...

Арто, услышавший сзади себя разговор, повернулся и подбежал к людям. Его голубые добрые глаза щурились от жары и глядели умильно, а высунутый длинный язык вздрагивал от частого дыхания.

— Что, брат пёсик? Тепло? — спросил дедушка.

Собака напряжённо зевнула, завив язык трубочкой, затряслась всем телом и тонко взвизгнула.

— Н-да, братец ты мой, ничего не поделаешь... Сказано: в поте лица твоего, — продолжал наставительно Лодыжкин. — Положим, у тебя, примерно сказать, не лицо, а морда, а всё-таки... Ну, пошёл, пошёл вперед, нечего под ногами вертеться... А я, Серёжа, признаться сказать, люблю, когда эта самая теплынь. Орган вот только мешает, а то, кабы не работа, лёг бы где-нибудь на траве, в тени, пухом, значит, вверх, и полёживай себе. Для наших старых костей это самое солнце — первая вещь.

Тропинка спустилась вниз, соединившись с широкой, твёрдой, как камень, ослепительно белой дорогой. Здесь начинался старинный графский парк, в густой зелени которого были разбросаны красивые дачи, цветники, оранжереи и фонтаны. Лодыжкин хорошо знал эти места; каждый год обходил он их одно за другим во время виноградного сезона, когда весь Крым наполняется нарядной, богатой и весёлой публикой. Яркая роскошь южной природы не трогала старика, но зато многое восхища-

ло Сергея, бывшего здесь впервые. Магнолии с их твёрдыми и блестящими, точно лакированными, листьями и белыми, с большую тарелку величиной, цветами; беседки, сплошь затканые виноградом, свесившим вниз тяжёлые гроздья; огромные многовековые платаны с их светлой корой и могучими кронами; табачные плантации, ручьи и водопады, и повсюду — на клумбах, на изгородях, на стенах дач — яркие, великолепные душистые розы, — всё это не переставало поражать своей живой цветущей прелестью наивную душу мальчика. Он высказывал свои восторги вслух, ежеминутно теребя старика за рукав.

— Дедушка Лодыжкин, а дедушка, глянь-кось, в фонтане-то — золотые рыбы!.. Ей-богу, дедушка, золотые, умереть мне на месте! — кричал мальчик, прижимаясь лицом к решётке, огораживающей сад с большим бассейном посредине. — Дедушка, а персики! Вона сколько! На одном дереве!

— Иди-иди, дурашка, чего рот разинул! — подталкивал его шутливо старик. — погоди, вот дойдём мы до города Новороссийского и, значит, опять подадимся на юг. Там действительно места, — есть на что посмотреть. Сейчас, примерно сказать, пойдут тебе Сочи, Адлер, Туапсе, а там, братец ты мой, Сухум, Батум... Глаза раскосишь глядешши... Скажем, примерно — пальма. Удивление! Ствол у неё мохнатый, на манер войлока, а каждый лист такой большой, что нам с тобой обоим укрыться впору.

— Ей-богу? — радостно удивился Сергей.

— Постой, сам увидишь. Да мало ли там чего? Апельцын, например, или хоть, скажем, тот же лимон... Видал небось в лавочке?

— Ну?

— Просто так себе и растёт в воздухе. Без ничего, прямо на дереве, как у нас, значит, яблоко или груша... И народ там, братец, совсем диковинный: турки, персюки, черкесы разные, все в халатах и с кинжалами... Отчаянный народишка! А то бывают там, братец, эфиопы. Я их в Батуме много раз видел.

Иллюстрации к рассказу —
художник А. Слепков. 1980-е гг.

— Эфиопы? Знаю. Это которые с рогами, — уверенно сказал Сергей.

— Рогов, положим, у них нет, это враки. Но чёрные, как сапог, и даже блестят. Губищи у них красные, толстенные, а глазицы белые, а волосы курчавые, как на чёрном баране.

— Страшные, поди... эфиопы-то эти?

— Как тебе сказать? С непривычки оно точно... опасешься немного, ну, а потом видишь, что другие люди не боятся, и сам станешь посмелее... Много там, братец мой, всякой всячины. Придём — сам увидишь. Одно только плохо — лихорадка. Потому кругом болота, гниль, а притом же жарища. Тамошним-то жителям ничего, не действует на них, а пришлому человеку приходится плохо. Одначе будет нам с тобой, Сергей, языками трепать. Лезь-

ка в калитку. На этой даче господа живут очень хорошие... Ты меня спроси: уж я всё знаю!

Но день выдался для них неудачный. Из одних мест их прогоняли, едва заведя издали, в других, при первых же хриплых и гнусавых звуках шарманки, досадливо и нетерпеливо махали на них с балконов руками, в третьих прислуга заявляла, что «господа ещё не приехавши». На двух дачах им, правда, заплатили за представление, но очень мало. Впрочем, дедушка никакой низкой платой не гнушался. Выходя из ограды на дорогу, он с довольным видом побрякивал в кармане медяками и говорил добродушно:

— Две да пять, итого семь копеек... Что ж, брат Серёженька, и это деньги. Семь раз по семи, — вот он и полтинник набежал, значит, все мы трое сыты, и ночлег у нас есть, и старичку Лодыжкину по его слабости можно рюмочку пропустить, недугов многих ради... Эх, не понимают этого господ! Двугривенный дать ему жалко, а пятак стыдно... ну и велят идти прочь. А ты лучше дай хошь три копейки... Я ведь не обижаюсь, я ничего... зачем обижаться?

Вообще Лодыжкин был скромного нрава и, даже когда его гнали, не роптал. Но сегодня и его вывела из обычного благодушного спокойствия одна красивая, полная, с виду очень добрая дама, владелица прекрасной дачи, окружённой садом с цветами. Она внимательно слушала музыку, ещё внимательнее глядела на акробатические упражнения Сергея и на смешные «штучки» Арто, после этого долго и подробно расспрашивала мальчика о том, сколько ему лет и как его зовут, где он выучился гимнастике, кем ему приходится старик, чем занимались его родители и т. д.; потом приказала подождать и ушла в комнаты.

Она не появлялась минут десять, а то и четверть часа, и чем дальше тянулось время, тем более разрастались у артистов неопределённые, но заманчивые надежды. Дедушка даже шепнул мальчугану, прикрыв из осторожности рот ладонью, как щитком:

— Ну, Сергей, счастье наше, ты только слушай меня: я, брат, всё знаю. Может быть, из платья что-нибудь даст или из обуви. Это уж верно!..

Наконец барыня вышла на балкон, швырнула сверху в подставленную шляпу Сергея маленькую белую монетку и тотчас же скрылась. Монета оказалась старым, стёртым с обеих сторон и вдобавок дырявым гривенником. Дедушка долго с недоумением рассматривал её. Он уже вышел на дорогу и отошёл далеко от дачи, но всё ещё держал гривенник на ладони, как будто взвешивая его.

— Н-да-а... Ловко! — произнёс он, внезапно остановившись. — Могу сказать... А мы-то, три дурня, старались. Уж лучше бы она хоть пуговицу дала, что ли. Ту по крайности куда-нибудь пришить можно. А что я с этой дрянью буду делать? Барыня небось думает: всё равно старик кому-нибудь её ночью спустит, потихоньку, значит. Нет-с, очень ошибаетесь, сударыня... Старик Лодыжкин такой гадо-стью заниматься не станет. Да-с! Вот вам ваш драгоценный гривенник! Вот!

И он с негодованием и с гордостью бросил монету, которая, слабо звякнув, зарылась в белую дорожную пыль.

Таким образом старик с мальчиком и с собакой обошли весь дачный посёлок и уже собирались сойти к морю. По левую сторону оставалась ещё одна, последняя, дача. Её не было видно из-за высокой белой стены, над которой, с той стороны, возвышался плотный строй тонких запылённых кипарисов, похожих на длинные чёрно-серые веретёна. Только сквозь широкие чугунные ворота, похожие своей причудливой резьбой на кружево, можно было рассмотреть уголок свежего, точно зелёный яркий шёлк, газона, круглые цветочные клумбы и вдали, на заднем плане, крытую сквозную аллею, всю обвитую густым виноградом. Посредине газона стоял садовник, поливавший из длинного рукава розы. Он прикрыл пальцем отверстие трубы, и от этого в фонтане бесчисленных брызг солнце играло всеми цветами радуги.

Дедушка собирался было пройти мимо, но, заглянув в ворота, остановился в недоумении.

— Подожди-ка малость, Сергей, — окликнул он мальчика. — Никак, там люди шевелятся? Вот так история. Сколько лет здесь хожу, — и никогда ни души. А ну-ка, ва-ли, брат Сергей!

— «Дача Дружба», посторонним вход строго воспрещается», — прочитал Сергей надпись, искусно выбитую на одном из столбов, поддерживавших ворота.

— Дружба?.. — переспросил неграмотный дедушка. — Во-во! Это самое настоящее слово — дружба. Весь день у нас заколодило, а уж тут мы с тобой возьмём. Это я носом чую, на манер как охотничий пёс. Арто, иси, собачий сын! Вали смело, Серёжа. Ты меня всегда спрашивай: уж я всё знаю!

III

Дорожки сада были усыпаны ровным крупным гравием, хрустевшим под ногами, а с боков обставлены большими розовыми раковинами. На клумбах, над пёстрым ковром из разноцветных трав, возвышались диковинные яркие цветы, от которых сладко благоухал воздух. В водоёмах журчала и плескалась прозрачная вода; из красивых ваз, висевших в воздухе между деревьями, спускались гирляндами вниз выющиеся растения, а перед домом, на мраморных столбах, стояли два блестящие зеркальные шара, в которых странствующая труппа отразилась вверх ногами, в смешном, изогнутом и растянутом виде.

Перед балконом была большая утоптанная площадка. Сергей расстелил на ней свой коврик, а дедушка, установив шарманку на палке, уже приготовился вертеть ручку, как вдруг неожиданное и странное зрелище привлекло их внимание.

На террасу из внутренних комнат выскочил как бомба, издавая пронзительные крики, мальчик лет восьми или десяти. Он был в лёгком матросском костюмчике, с обнажёнными руками и голыми коленками. Белокурые волосы, все в крупных локонах, растрепались у него небрежно по плечам. Следом за мальчиком выбежало ещё шесть человек: две женщины в фартуках; старый толстый лакей во

фраке, без усов и без бороды, но с длинными седыми бакенбардами; сухопарая, рыжая, красноносая девица в синем клетчатом платье; молодая, болезненного вида, но очень красивая дама в кружевном голубом капоте, и наконец толстый лысый господин в чесунчовой паре и в золотых очках. Все они были сильно встревожены, махали руками, говорили громко и даже толкали друг друга. Сразу можно было догадаться, что причиной их беспокойства является мальчик в матросском костюме, так внезапно вылетевший на террасу.

Между тем виновник этой суматохи, ни на секунду не прекращая своего визга, с разбегу повалился животом на каменный пол, быстро перекатился на спину и с сильным ожесточением принялся дрыгать руками и ногами во все стороны. Взрослые засуетились вокруг него. Старый лакей во фраке прижимал с умоляющим видом обе руки к накрахмаленной рубашке, тряс своими длинными бакенбардами и говорил жалобно:

— Батюшка, барин!.. Николай Аполлонович!.. Не извольте огорчать маменьку-с — встаньте... Будьте столь добренькие — выкушайте-с. Микстурка очень сладенькая, один сироп-с. Извольте подняться...

Женщины в фартуках всплескивали руками и щебетали скоро-скоро, подобострастными и испуганными голосами. Красноносая девица кричала с трагическими жестами что-то очень внушительное, но совершенно непонятное, очевидно на иностранном языке. Рассудительным басом уговаривал мальчика господин в золотых очках; при этом он наклонял голову то на один, то на другой бок и степенно разводил руками. А красивая дама томно стонала, прижимая тонкий кружевной платок к глазам:

— Ах, Трилли, ах, Боже мой!.. Ангел мой, я умоляю тебя. Послушай же, мама тебя умоляет. Ну, прими же, прими лекарство; увидишь, тебе сразу-сразу станет легче: и животик пройдет и головка. Ну, сделай это для меня, моя радость! Ну, хочешь, Трилли, мама станет перед тобой на колени? Ну вот, смотри, я на коленях перед тобой. Хо-

чешь, я тебе подарю золотой? Два золотых? Пять золотых, Трилли? Хочешь живого ослика? Хочешь живую лошадку?.. Да скажите же ему что-нибудь, доктор!..

— Послушайте, Трилли, будьте же мужчиной, — загудел толстый господин в очках.

— Ай-яй-яй-я-а-а! — вопил мальчик, извиваясь по балкону и отчаянно болтая ногами.

Несмотря на своё крайнее волнение, он всё-таки норовил попадать каблуками в животы и в ноги возившихся вокруг него людей, которые от этого, впрочем, довольно ловко уклонялись.

Сергей, долго глядевший с любопытством и удивлением на эту сцену, тихонько толкнул старика в бок.

— Дедушка Лодыжкин, что же это такое с ним? — спросил он шёпотом. — Никак, драть его будут?

— Ну вот, драть... Такой сам всякого посекает. Просто — блажной мальчишка. Больной, должно быть.

— Шамашедчий? — догадался Сергей.

— А я почём знаю. Тише!..

— Ай-яй-а-а! Дряни! Дураки!.. — надрывался всё громче и громче мальчик.

— Начинай, Сергей. Я знаю! — распорядился вдруг Лодыжкин и с решительным видом завертел ручку шарманки.

По саду понеслись гнусавые, сиплые, фальшивые звуки старинного галопа. Все на балконе разом встрепнулись, даже мальчик замолчал на несколько секунд.

— Ах, Боже мой, они ещё больше расстроят бедного Трилли! — воскликнула плачевно дама в голубом капоте. — Ах, да прогоните же их, прогоните скорее! И эта грязная собака с ними. У собак всегда такие ужасные болезни. Что же вы стоите, Иван, точно монумент?

Она с усталым видом и с отвращением замахала платком на артистов, сухопарая красноносая девица сделала страшные глаза, кто-то угрожающе зашипел... Человек во фраке быстро и мягко скатился с балкона и с выражением ужаса на лице, широко растопылив в стороны руки, побежал к шарманщику.

— Эт-то что за безобразие! — захрипел он сдавленным, испуганным и в то же время начальственно-сердитым шёпотом. — Кто позволил? Кто пропустил? Марш! Вон!..

Шарманка, уныло пискнув, замолкла.

— Господин хороший, дозвоьте вам объяснить... — начал было деликатно дедушка.

— Никаких! Марш! — закричал с каким-то даже свистом в горле фрачный человек.

Его толстое лицо мигом побагровело, а глаза невероятно широко раскрылись, точно вдруг вылезли наружу, и заходили колесом. Это было настолько страшно, что дедушка невольно отступил на два шага назад.

— Собирайся, Сергей, — сказал он, поспешно вскидывая шарманку на спину. — Идём!

Но не успели они сделать и десяти шагов, как с балкона понеслись новые пронзительные крики:

— Ай-яй-яй! Мне! Хочу-у! А-а-а! Д-а-й! Позвать! Мне!

— Но, Трилли!.. Ах, Боже мой, Трилли! Ах, да воротите же их! — застонала нервная дама. — Фу, как вы все бестолковы!.. Иван, вы слышите, что вам говорят? Сейчас же позовите этих нищих!..

— Послушайте! Вы! Эй, как вас? Шарманщики! Вернитесь! — закричало с балкона несколько голосов.

Толстый лакей с разлетающимися в обе стороны бакенбардами, подпрыгивая, как большой резиновый мяч, бегом бросился вслед уходящим артистам.

— Пст!.. Музыканты! Слушайте-ка! Назад!.. Назад!.. — кричал он, задыхаясь и махая обеими руками. — Старичок почтенный, — схватил он, наконец, за рукав дедушку, — заворачивай оглобли! Господа будут ваш пантомим смотреть. Живо!..

— Н-ну, дела! — вздохнул, покрутив головой, дедушка, однако приблизился к балкону, снял шарманку, укрепил её перед собою на палке и заиграл галоп с того самого места, на котором его только что прервали.

Суэта на балконе затихла. Барыня с мальчиком и господин в золотых очках подошли к самым перилам; остальные почтительно оставались на заднем плане. Из глубины сада пришёл садовник в фартуке и стал неподалёку от дедушки. Откуда-то вылезший дворник поместился позади садовника. Это был огромный бородастый мужчина с мрачным, уколобым, рябым лицом. Одет он был в новую розовую рубашку, по которой шли косыми рядами крупные чёрные горошины.

Под хриплые, заикающиеся звуки галопа Сергей разостлал на земле коврик, быстро скинул с ног парусиновые панталоны (они были сшиты из старого мешка и сзади, на самом широком месте, украшались четырёхугольным заводским клеймом), сбросил с себя старую куртку и остался в стареньком нитяном трико, которое, несмотря на многочисленные заплаты, ловко охватывало его тонкую, но сильную и гибкую фигуру. У него уже выработались, путём подражания взрослым, приёмы заправского акробата. Вбега-
гая на коврик, он на ходу приложил руки к губам, а потом

широким театральным движением размахнул их в стороны, как бы посылая публике два стремительных поцелуя.

Дедушка одной рукой непрерывно вертел ручку шарманки, извлекая из неё дребезжащий, кашляющий мотив, а другой бросал мальчику разные предметы, которые тот искусно подхватывал на лету. Репертуар у Сергея был небольшой, но работал он хорошо, «чисто», как говорят акробаты, и с охотой. Он подкидывал вверх пустую пивную бутылку, так что она несколько раз перевёртывалась в воздухе, и вдруг, поймав её горлышком на край тарелки, несколько секунд держал её в равновесии; жонглировал четырьмя костяными шариками, а также двумя свечками, которые он одновременно ловил в подсвечники; потом играл сразу тремя различными предметами — веером, деревянной сигарой и дождевым зонтом. Все они летали у него по воздуху, не прикасаясь к земле, и вдруг сразу зонт оказался над головой, сигара — во рту, а веер кокетливо обмахивал лицо. В заключение Сергей сам несколько раз перекувырнулся на ковре,

сделал «лягушку», показал «американский узел» и походил на руках. Истошив весь запас своих «трюков», он опять бросил в публику два поцелуя и, тяжело дыща, подошёл к дедушке, чтобы заменить его у шарманки.

Теперь была очередь Арто. Пёс это отлично знал, и уже давно скакал в волнении всеми четырьмя лапами на дедушку, вылезавшего боком из лямки, и лаял на него отрывистым, нервным лаем. Почём знать, может быть, умный пудель хотел этим сказать, что, по его мнению, безрассудно заниматься акробатическими упражнениями, когда Реомюр показывает двадцать два градуса в тени? Но дедушка Лодыжкин с хитрым видом вытацил из-за спины тонкий кизилевый хлыстик. «Так я и знал!» — с досадой пролаял в последний раз Арто и лениво, непокорно поднялся на задние ноги, не сводя моргающих глаз с хозяина.

— Служить, Арто! Так, так, так... — проговорил старик, держа над головой пуделя хлыст. — Перевернись. Так. Перевернись... ещё, ещё... Танцуй, собачка, танцуй!.. Садись! Что-о? Не хочешь? Садись, тебе говорят. А-а... то-то! Смотри! Теперь поздоровайся с почтеннейшей публикой. Ну! Арто! — грозно возвысил голос Лодыжкин.

«Гав!» — брехнул с отвращением пудель. Потом поглядел, жалобно моргая глазами, на хозяина и добавил ещё два раза: «Гав, гав!»

«Нет, не понимает меня мой старик!» — слышалось в этом недовольном лае.

— Вот это — другое дело. Вежливость прежде всего. Ну, а теперь немножко попрыгаем, — продолжал старик, протягивая невысоко над землёю хлыст. — Алле! Нечего, брат, язык-то высовывать. Алле!.. Гоп! Прекрасно! А ну-ка ещё, нох ейн маль... Алле!.. Гоп! Алле! Гоп! Чудесно, собачка. Придём домой, я тебе морковки дам. А, ты морковку не кушаешь? Я и забыл совсем. Тогда возьми мою чилиндру и попроси у господ. Может быть, они тебе преподарят что-нибудь повкуснее.

Старик поднял собаку на задние лапы и всунул ей в рот свой древний засаленный картуз, который он с таким

тонким юмором называл «чилиндрой». Держа картуз в зубах и жеманно переступая приседающими ногами, Арто подошёл к террасе. В руках у болезненной дамы появился маленький перламутровый кошелёк. Все окружающие сочувственно улыбались.

— Что? Не говорил я тебе? — задорно шепнул дедушка, наклоняясь к Сергею. — Ты меня спроси: уж я, брат, всё знаю. Никак не меньше рубля.

В это время с террасы раздался такой отчаянный, резкий, почти нечеловеческий вопль, что растерявшийся Арто выронил изо рта шапку и вприпрыжку, с поджатым хвостом, боязливо оглядываясь назад, бросился к ногам своего хозяина.

— Хочу-у-а-а! — закатывался, топая ногами, кудрявый мальчик. — Мне! Хочу! Собаку-у-у! Трилли хочет соба-а-аку-у...

— Ах, Боже мой! Ах! Николай Аполлоныч!.. Батюшка барин!.. Успокойся, Трилли, умоляю тебя! — опять засуетились люди на балконе.

— Собаку! Подай собаку! Хочу! Дряни, черти, дураки! — выходил из себя мальчик.

— Но, ангел мой, не расстраивай себя! — залепетала над ним дама в голубом капоте. — Ты хочешь погладить собачку? Ну, хорошо, хорошо, моя радость, сейчас. Доктор, как вы полагаете, можно Трилли погладить эту собаку?

— Вообще говоря, я не советовал бы, — развёл тот руками, — но если надёжная дезинфекция, например борной кислотой или слабым раствором карболки, то-о... вообще...

— Соба-а-аку!

— Сейчас, моя прелесть, сейчас. Итак, доктор, мы прикажем вымыть её борной кислотой и тогда... Но, Трилли, не волнуйся же так! Старик, подведите, пожалуйста, вашу собаку сюда. Не бойтесь, вам заплатят. Слушайте, она у вас не больная? Я хочу спросить, она не бешеная? Или, может быть, у неё эхинококки?

— Не хочу погладить, не хочу! — ревел Трилли, пуская ртом и носом пузыри. — Хочу совсем! Дураки, черти! Совсем мне! Хочу сам играть... Навсегда!

— Послушайте, старик, подойдите сюда, — силилась перекричать его барыня. — Ах, Трилли, ты убьёшь маму своим криком. И зачем только пустили этих музыкантов! Да подойдите же ближе, ещё ближе... ещё, вам говорят!.. Вот так... Ах, не огорчайся же, Трилли, мама сделает всё, что хочешь. Умоляю тебя. Мисс, да успокойте же, наконец, ребёнка... Доктор, прошу вас... Сколько же ты хочешь, старик?

Дедушка снял картуз. Лицо его приняло утливое, сиротское выражение.

— Сколько вашей милости будет угодно, барыня, ваше высокопревосходительство... Мы люди маленькие, нам всякое даяние — благо... Чай, сами старичка не обидите...

— Ах, как вы бестолковы! Трилли, у тебя заболит горлышко. Ведь поймите, что собака ваша, а не моя. Ну, сколько? Десять? Пятнадцать? Двадцать?

— А-а-а! Хочу-у! Дайте собаку, дайте собаку, — взвизгивал мальчик, толкая лакея в круглый живот ногой.

— То есть... простите, ваше сиятельство, — замылся Лодыжкин. — Я — человек старый, глупый... Сразу-то мне не понять... к тому же и глуховат малость... то есть как это вы изволите говорить?... За собаку?..

— Ах, мой Бог!.. Вы, кажется, нарочно притворяетесь идиотом? — вскипела дама. — Няня, дайте поскорее Трилли воды! Я вас спрашиваю русским языком, за сколько вы хотите продать вашу собаку? Понимаете, вашу собаку, собаку...

— Собаку! Соба-аку! — залился громче прежнего мальчик.

Лодыжкин обиделся и надел на голову картуз.

— Собаками, барыня, не торгую-с, — сказал он холодно и с достоинством. — А этот пёс, сударыня, можно сказать, нас двоих, — он показал большим пальцем через плечо на Сергея, — нас двоих кормит, поит и одевает. И никак этого невозможно, что, например, продать.

Трилли между тем кричал с пронзительностью паровозного свистка. Ему подали стакан воды, но он яростно выплеснул его в лицо гувернантке.

— Да послушайте же, безумный старик!.. Нет вещи, которая бы не продавалась, — настаивала дама, стискивая свои виски ладонями. — Мисс, вытрите поскорей лицо и дайте мне мой мигренин. Может быть, ваша собака стоит сто рублей? Ну, двести? Триста? Да отвечайте же, истукан! Доктор, скажите ему что-нибудь, ради Бога!

— Собирайся, Сергей, — угрюмо проворчал Лодыжкин. — Исту-ка-н... Арто, иди сюда!..

— Э-э, постой-ка, любезный, — начальственным басом протянул толстый господин в золотых очках. — Ты бы лучше не ломался, мой милый, вот что тебе скажу. Собаке твоей десять рублей красная цена, да ещё вместе с тобой на придачу... Ты подумай, осёл, сколько тебе дают!

— Покорнейше вас благодарю, барин, а только... — Лодыжкин, кряхтя, вскинул шарманку за плечи. — Только никак это дело не выходит, чтобы, значит, продавать. Уж вы лучше где-нибудь другого кобелька поищите... Счастливого оставаться... Сергей, иди вперёд!

— А паспорт у тебя есть? — вдруг грозно взревел доктор. — Я вас знаю, каналы!

— Дворник! Семён! Гоните их! — закричала с искажённым от гнева лицом барыня.

Мрачный дворник в розовой рубахе со зловещим видом приблизился к артистам. На террасе поднялся страшный разноголосый гам: ревел благим матом Трилли, стонала его мать, скороговоркой причитали нянька с поднянькой, густым басом, точно рассерженный шмель, гудел доктор. Но дедушка и Сергей уж не имели времени посмотреть, чем всё это кончится. Предшествуемые изрядно струсившим пуделем, они почти бегом спешили к воротам. А следом за ними шёл дворник, подталкивая сзади, в шарманку, и говорил угрожающим голосом:

— Шляетесь здесь, лабарданцы! Благодарите ещё Бога, что по шее, старый хрен, не заработал. А в другой раз придёшь, так и знай, стесняться с тобой не стану, намну загривок и стащу к господину врьднику. Шантрапа!

Долгое время старик и мальчик шли молча, но вдруг, точно по уговору, взглянули друг на друга и рассмеялись: сначала захохотал Сергей, а потом, глядя на него, но с некоторым смущением, улыбнулся и Лодыжкин.

— Что, дедушка Лодыжкин? Ты всё знаешь? — поддразнил его лукаво Сергей.

— Да-а, брат. Обмишулились мы с тобой, — покачал головой старый шарманщик. — Язвительный, однако, мальчугашка... Как его, такого, вырастили, шут его возьми? Скажите на милость: двадцать пять человек вокруг него танцы танцуют. Ну уж, будь в моей власти, я бы ему прописал ижу. Подавай, говорит, собаку? Этак что же? Он и луну с неба захочет, так подавай ему и луну? Поди сюда, Арто, поди, моя собаченька. Ну, и денёк сегодня задался. Удивительно!

— На что лучше! — продолжал ехидничать Сергей. — Одна барыня платье подарила, другая целковый дала. Всё ты, дедушка Лодыжкин, наперёд знаешь.

— А ты помалкивай, огарок, — добродушно огрызнулся старик. — Как от дворника-то улепётывал, помнишь? Я думал, и не догнать мне тебя. Серьёзный мужчина — этот дворник.

Выйдя из парка, бродячая труппа спустилась крутой, сыпучей тропинкой к морю. Здесь горы, отступив немного назад, дали место неширокой плоской полосе, покрытой ровными, обточенными прибоем камнями, о которые теперь с тихим шелестом ласково плескалось море. Саженьях в двухстах от берега кувыркались в воде дельфины, показывая из неё на мгновение свои жирные, круглые спины. Вдали на горизонте, там, где голубой атлас моря окаймлялся тёмно-синей бархатной лентой, неподвижно стояли стройные, чуть-чуть розовые на солнце паруса рыбацких лодок.

— Тут и выкупаемся, дедушка Лодыжкин, — сказал решительно Сергей. На ходу он уже успел, прыгая то на одной, то на другой ноге, стащить с себя панталоны. — Давай я тебе пособлю орган снять.

Он быстро разделся, звонко хлопнул себя ладонями по голому, шоколадному от загара телу и бросился в воду, подымая вокруг себя бугры кипящей пены.

Дедушка раздевался не торопясь. Прикрыв глаза ладонью от солнца и шурясь, он с любовной усмешкой глядел на Сергея.

«Ничего себе растёт паренёк, — думал Лодыжкин, — даром что костлявый — вон все рёбра видать, а всё-таки будет парень крепкий».

— Эй, Серёжка! Ты больно далече-то не плавай. Морская свинья утащит.

— А я её за хвост! — крикнул издали Сергей.

Дедушка долго постоял на солнышке, шупая у себя под мышками. В воду он сошёл очень осторожно и, прежде чем окунуться, старательно мочил себе красное лысое темя и впалые бока. Тело у него было жёлтое, дряблое и бессильное, ноги — поразительно тонкие, а спина с выдавшимися острыми лопатками была сторблена от долголетнего таскания шарманки.

— Дедушка Лодыжкин, гляди! — крикнул Сергей.

Он перекувырнулся в воде, закинув себе ноги через голову. Дедушка, уже влезший в воду по пояс и приседавший в ней с блаженным кряхтением, крикнул тревожно:

— Ну, а ты не балуйся, поросёнок. Смотри! Я т-тебя!

Арто неистово лаял и скакал по берегу. Его беспокоило, что мальчик заплыл так далеко. «К чему показывать свою храбрость? — волновался пудель. — Есть земля — и ходи по земле. Гораздо спокойнее».

Он и сам залез было в воду по брюхо и два-три раза лакнул её языком. Но солёная вода ему не понравилась, а лёгкие волны, шуршавшие о прибрежный гравий, пугали его. Он выскочил на берег и опять принялся лаять на Сергея. «К чему эти дурацкие фокусы? Сидел бы у берега, рядом со стариком. Ах, сколько беспокойства с этим мальчишкой!»

— Эй, Серёжа, вылезай, что ли, в самом деле, будет тебе! — позвал старик.

— Сейчас, дедушка Лодыжкин, — отозвался мальчик. — Смотри, как я пароходом плыву. У-у-у-ух!

Он, наконец, подплыл к берегу, но прежде чем одеться, схватил на руки Арто и, вернувшись с ним в море, бросил его далеко в воду. Собака тотчас же поплыла назад, выставив наружу только одну морду со всплывшими наверх ушами, громко и обиженно фыркая. Выскочив на сушу, она затряслась всем телом, и тучи брызг полетели на старика и на Сергея.

— Постой-ка, Серёжа, никак это к нам? — сказал Лодыжкин, пристально глядя вверх, на гору.

По тропинке быстро спустился вниз, неразборчиво крича и махая руками, тот самый мрачный дворник в розовой рубашке с чёрными горошинами, который четверть часа назад гнал странствующую труппу с дачи.

— Что ему надо? — спросил с недоумением дедушка.

IV

Дворник продолжал кричать, сбегая вниз неловкой рысью, причём рукава его рубашки трепались по ветру, а пазуха надувалась, как парус.

— О-го-го!.. Подождите трошки!..

— А чтоб тебя намочило да не высушило, — сердито проворчал Лодыжкин. — Это он опять насчёт Артошки.

— Давай, дедушка, накладем ему! — храбро предложил Сергей.

— А ну тебя, отвяжись... И что это за люди, прости Господи!..

— Вы вот что... — начал запыхавшийся дворник ещё издали. — Продавайте, что ли, пса-то? Ну, никакого сладу с панычом. Ревёт, как теля. «Поддай да поддай собаку...» Барыня послала, купи, говорит, чего бы ни стоило.

— Довольно даже глупо это со стороны твоей барыни! — рассердился вдруг Лодыжкин, который здесь, на берегу, чувствовал себя гораздо увереннее, чем на чужой даче. — И опять, какая она мне такая барыня? Тебе, может быть, барыня, а мне двоюродное наплевать. И пожалуйста... я

тебя прошу... уйди ты от нас, Христа ради... и того... и не приставай.

Но дворник не унимался. Он сел на камни, рядом со стариком, и говорил, неуклюже тыча перед собой пальцами:

— Да пойми же ты, дурак человек...

— От дурака и слышу, — спокойно отрезал дедушка.

— Да постой... не к тому я это... Вот, право, репей какой... Ты подумай: ну, что тебе собака? Подобрал другого щенка, выучил стоять дыбки, вот тебе и снова пёс. Ну? Неправду, что ли, я говорю? А?

Дедушка внимательно завязывал ремень вокруг штанов. На настойчивые вопросы дворника он ответил с деланным равнодушием:

— Бреши дальше... Я потом сразу тебе отвечу.

— А тут, брат ты мой, сразу — цифра! — горячился дворник. — Двести, а не то триста целковых враз! Ну, обыкновенно, мне кое-что за труды... Ты подумай только: три сотенных! Ведь это сразу можно бакалейную открыть...

Говоря таким образом, дворник вытащил из кармана кусок колбасы и швырнул его пуделю. Арто поймал его на лету, проглотил в один приём и искательно завилял хвостом.

— Кончил? — коротко спросил Лодыжкин.

— Да тут долго и кончать нечего. Давай пса — и по рукам.

— Та-ак-с, — насмешливо протянул дедушка. — Продать, значит, собачку?

— Обыкновенно — продать. Чего вам ещё? Главное, паных у нас такой скаженный. Чего захотелось, так весь дом перебулгачит. Подавай — и всё тут. Это ещё без отца, а при отце... святители вы наши!.. все вверх ногами ходят. Барин у нас инженер, может быть, слышали, господин Обольянинов? По всей России железные дороги строят. Мельонер! А мальчишка-то у нас один. И озорует. Хочу поню живую — на тебе поню. Хочу лодку — на тебе всамделишную лодку. Как есть ни в чём, ни в чём отказу...

— А луну?

— То есть в каких это смыслах?

— Говорю, луну он ни разу с неба не захотел?

— Ну вот... тоже скажешь — луну! — сконфузился дворник. — Так как же, мил человек, лады у нас, что ли?

Дедушка, который успел уже в это время натянуть на себя коричневый, позеленевший на швах пиджак, гордо выпрямился, насколько ему позволяла вечно согнутая спина.

— Я тебе одно скажу, парень, — начал он не без торжественности. — Примерно, ежели бы у тебя был брат или, скажем, друг, который, значит, с самого сыздетства. Поймай, дружка, ты собаке колбасу даром не стравляй... сам лучше скушай... этим, брат, её не подкупишь. Говорю, ежели бы у тебя был самый что ни на есть верный друг... который сыздетства... То за сколько бы ты его примерно продал?

— Приравнял тоже!..

— Вот те и приравнял. Ты так и скажи своему барину, который железную дорогу строит, — возвысил голос дедушка. — Так и скажи: не всё, мол, продаётся, что покупается. Да! Ты собаку-то лучше не гладь, это ни к чему. Арто, иди сюда, собачий сын, я т-тебе! Сергей, собирайся.

— Дурак ты старый, — не вытерпел, наконец, дворник.

— Дурак, да отроду так, а ты хам, Иуда, продажная душа, — выругался Лодыжкин. — Увидишь свою генеральшу, кланяйся ей, скажи: от наших, мол, с любовью вашим низкий поклон. Свёртывай ковёр, Сергей! Э-эх, спина моя, спинушка! Пойдём.

— Значит, та-ак!.. — многозначительно протянул дворник.

— С тем и возьмите! — задорно ответил старик.

Артисты поплелись вдоль морского берега, опять вверх, по той же дороге. Оглянувшись случайно назад, Сергей увидел, что дворник следит за ними. Вид у него был задумчивый и угрюмый. Он сосредоточенно чесал всей пятернёй под съехавшей на глаза шапкой свой лохматый рыжий затылок.

У дедушки Лодыжкина был давным-давно примечен один уголок между Мисхором и Алушкой, книзу от нижней дороги, где отлично можно было позавтракать. Туда он и повёл своих спутников. Неподалёку от моста, перекинутого через бурливый и грязный горный поток, выбегала из-под земли, в тени кривых дубов и густого орешника, говорливая, холодная струйка воды. Она проделала в почве круглый неглубокий водоём, из которого сбегала в ручей тонкой змейкой, блестящей в траве, как живое серебро. Около этого родника по утрам и по вечерам всегда можно было застать набожных турок, пивших воду и творивших свои священные омовения.

— Грехи наши тяжкие, а запасы скудные, — сказал дедушка, садясь в прохладе под орешником. — Ну-ка, Серёжа, Господи благослови!

<http://kurekam.ru>

Он вынул из холщового мешка хлеб, десяток красных томатов, кусок бессарабского сыра «брынзы» и бутылку с прованским маслом. Соль была у него завязана в узелок тряпочки сомнительной чистоты. Перед едой старик долго крестился и что-то шептал. Потом он разломил краюху хлеба на три неровные части: одну, самую большую, он протянул Сергею (малый растёт — ему надо есть), другую, помельше, оставил для пуделя, самую маленькую взял себе.

— Во имя Отца и Сына. Очи всех на тя, Господи, уповают, — шептал он, суетливо распределяя порции и поливая их из бутылки маслом. — Вкушай, Серёжа!

Не торопясь, медленно, в молчании, как едят настоящие труженики, принялись трое за свой скромный обед. Слышно было только, как жевали три пары челюстей. Арто ел свою долю в сторонке, растянувшись на животе и положив на хлеб обе передние лапы. Дедушка и Сергей поочередно макали в соль спелые помидоры, из которых тек по их губам и рукам красный, как кровь, сок, и заедали их сыром и хлебом. Насытившись, они напились воды, подставляя под струю источника жестяную кружку. Вода была прозрачная, прекрасная на вкус и такая холодная, что от неё кружка да-

же запотела снаружи. Дневной жар и длинный путь изморили артистов, которые встали сегодня чуть свет. У дедушки слипались глаза. Сергей зевал и потягивался.

— Что, братику, разве нам лечь поспать на минуточку? — спросил дедушка. — Дай-ка я в последний раз водички попью. Ух, хорошо! — крикнул он, отнимая от кружки рот и тяжело переводя дыхание, между тем как светлые капли бежали с его усов и бороды. — Если бы я был царём, всё бы эту воду лил... с утра бы до ночи! Арто, иси, сюда! Ну вот, Бог напитал, никто не видал, а кто и видел, тот не обидел... Ох-ох-хонюшки-и!

Старик и мальчик легли рядом на траве, подмостив под головы свои старые пиджаки. Над их головами шумела тёмная листва корявых, раскидистых дубов. Сквозь неё синело чистое голубое небо. Ручей, сбегавший с камня на ка-

мень, журчал так однообразно и так вкрадчиво, точно заводил кого-то своим усыпительным лепетом. Дедушка некоторое время ворочался, кряхтел и говорил что-то, но Сергею казалось, что голос его звучит из какой-то мягкой и сонной дали, а слова были непонятны, как в сказке.

— Перво дело — куплю тебе костюм: розовое трико с золотом... туфли тоже розовые, атласные... В Киеве, в Харькове или, например, скажем, в городе Одессе — там, брат, во какие цирки!.. Фонарей видимо-невидимо... всё электричество горит... Народу, может быть, тысяч пять, а то и больше... почему я знаю? Фамилию мы тебе сочиним непременно итальянскую. Что такая за фамилия Естифеев или, скажем, Лодыжкин? Чепуха одна — нет никакого в ней воображения. А мы тебя в афише запустим — Антонио или, например, тоже хорошо — Энрико или Альфонзо...

Дальше мальчик ничего не слышал. Нежная и сладкая дремота овладела им, сковав и обессилив его тело. Заснул и дедушка, потерявший вдруг нить своих любимых послеобеденных мыслей о блестящем цирковом будущем Сергея. Один раз ему сквозь сон показалось, что Арто на кого-то рычит. На мгновение в его затуманенной голове скользнуло полусознательное и тревожное воспоминание о давешнем дворнике в розовой рубашке, но, разморённый сном, усталостью и жарой, он не смог встать, а только лениво, с закрытыми глазами, окликнул собаку:

— Арто... куда? Я т-тебя, бродяга!

Но мысли его тотчас же спутались и расплылись в тяжёлых и бесформенных видениях.

Разбудил дедушку голос Сергея. Мальчик бегал взад и вперёд по той стороне ручья, пронзительно свистал и кричал громко, с беспокойством и испугом:

— Арто, иси! Назад! Фью, фью, фью! Арто, назад!

— Ты что, Сергей, вопишь? — недовольно спросил Лодыжкин, с трудом расправляя затёкшую руку.

— Собаку мы проспали, вот что! — раздражённым голосом грубо ответил мальчик. — Пропала собачка.

Он резко свистнул и ещё раз закричал протяжно:

— Арто-о-о!

— Глупости ты выдумываешь!.. Вернётся, — сказал дедушка. Однако он быстро встал на ноги и стал кричать собаку сердитым, сиплым со сна, старческим фальцетом:

— Арто, сюда, собачий сын!

Он торопливо, мелкими, путающимися шажками перебежал через мост и поднялся вверх по шоссе, не переставая звать собаку. Перед ним лежало видное глазу на полверсты, ровное, ярко-белое полотно дороги, но на нём — ни одной фигуры, ни одной тени.

— Арто! Ар-то-шень-ка! — жалобно завыл старик. Но вдруг он остановился, нагнулся низко к дороге и присел на корточки.

— Да-а, вот оно какое дело-то! — произнёс старик упавшим голосом. — Сергей! Серёжа, поди-ка сюда.

— Ну, что там ещё? — грубо отозвался мальчик, подходя к Лодыжкину. — Вчерашний день нашёл?

— Серёжа... что это такое?.. Вот это, что это такое? Ты понимаешь? — еле слышно спрашивал старик.

Он глядел на мальчика жалкими, растерянными глазами, а его рука, показывавшая прямо в землю, ходила во все стороны.

На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, а рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап.

— Свёл ведь, подлец, собаку! — испуганно прошептал дедушка, все ещё сидя на корточках. — Никто, как он — дело ясное... Помнишь, давеча у моря-то он всё колбасой прикармливал.

— Дело ясное, — мрачно и со злобой повторил Сергей.

Широко раскрытые глаза дедушки вдруг наполнились крупными слезами и быстро замигали. Он закрыл их руками.

— Что же нам теперь делать, Серёженька? А? Делать-то нам что теперь? — спрашивал старик, качаясь взад и вперёд и беспомощно всхлипывая.

— Что делать, что делать! — сердито передразнил его Сергей. — Вставай, дедушка Лодыжкин, пойдём!..

— Пойдём, — уныло и покорно повторил старик, подымаясь с земли. — Ну что ж, пойдём, Серёженька!

Вышедший из терпения Сергей закричал на старика, как на маленького:

— Будет тебе, старик, дурака-то валять. Где это видано всамделе, чтобы чужих собак заманивать? Чего ты глазами на меня хлопаешь? Неправду я говорю? Прямо придём и скажем: «Подавай назад собаку!» А нет — к мировому, вот и весь сказ.

— К мировому... да... конечно... Это верно, к мировому... — с бессмысленной, горькой улыбкой повторял Лодыжкин. Но глаза его неловко и конфузливо забежали. — К мировому... да... Только вот что, Серёженька... не выходит это дело... чтобы к мировому...

— Как это не выходит? Закон один для всех. Чего им в зубы смотреть? — нетерпеливо перебил мальчик.

— А ты, Серёжа, не того... не сердись на меня. Собаку-то нам с тобой не вернут. — Дедушка таинственно понизил голос. — Насчёт пачпорта я опасаюсь. Слышал, что давеча господин говорил? Спрашивает: «А пачпорт у тебя есть?» Вот она какая история. А у меня, — дедушка сделал испуганное лицо и зашептал еле слышно, — у меня, Серёжа, пачпорт-то чужой.

— Как чужой?

— То-то вот — чужой. Свой я потерял в Таганроге, а может быть, украли его у меня. Года два я потом крутился: прятался, взятки давал, писал прошения... Наконец вижу, нет никакой моей возможности, живу точно заяц — всякого опасаюсь. Покою вовсе не стало. А тут в Одессе, в ночлежке, подвернулся один грек. «Это, говорит, сущие пустяки. Клади, говорит, старик, на стол двадцать пять рублей, а я тебя навеки пачпортом обеспечу». Раскинул я умом туда-сюда. Эх, думаю, пропадай моя голова. Давай, говорю. И с тех пор, милый мой, вот я и живу по чужому пачпорту.

— Ах, дедушка, дедушка! — глубоко, со слезами в груди вздохнул Сергей. — Собаку мне уж больно жалко... Собака-то уж хороша очень...

— Серёженька, родной мой! — протянул к нему старик дрожащие руки. — Да будь только у меня пачпорт настоящий, разве бы я поглядел, что они генералы? За горло бы взял!.. «Как так? Позвольте! Какое имеете полное право чужих собак красть? Какой такой закон на это есть?» А теперь нам крышка, Серёжа. Приду я в полицию — первое дело: «Подавай пачпорт! Это ты самарский мещанин Мартын Лодыжкин?» — «Я, вашескродие». А я, братец, и не Лодыжкин вовсе и не мещанин, а крестьянин, Иван Дудкин. А кто таков этот Лодыжкин — один Бог его ведает. Почём я знаю, может, воришка какой или беглый каторжник? Или, может быть, даже убивец? Нет, Серёжа, ничего мы тут не сделаем... Ничего, Серёжа...

Голос у дедушки оборвался и захлебнулся. Слёзы опять потекли по глубоким, коричневым от загара, морщинам. Сергей, который слушал ослабевшего старика молча, с плотно сжатыми бровями, бледный от волнения, вдруг взял его под мышки и стал поднимать.

— Пойдём, дедушка, — сказал он повелительно и ласково в то же время. — К чёрту пачпорт, пойдём! Не ночевать же нам на большой дороге.

— Милый ты мой, родной, — приговаривал, трясаясь всем телом, старик. — Собачка-то уж очень затейная... Артошенька-то наш... Другой такой не будет у нас...

— Ладно, ладно... Вставай, — распоряжался Сергей. — Дай я тебя от пыли-то очисти. Совсем ты у меня раскис, дедушка.

В этот день артисты больше не работали. Несмотря на свой юный возраст, Сергей хорошо понимал всё роковое значение этого страшного слова «пачпорт». Поэтому он не настаивал на дальнейших розысках Арто, ни на мировом, ни на других решительных мерах. Но, пока он шёл рядом с дедушкой до ночлега, с лица его не сходило новое, упрямое и сосредоточенное выражение, точно он задумал про себя что-то чрезвычайно серьёзное и большое.

Не сговариваясь, но, очевидно, по одному и тому же тайному побуждению, они нарочно сделали значительный крюк, чтобы ещё раз пройти мимо «Дружбы». Перед воротами они задержались немного, в смутной надежде увидеть Арто или хотя услышать издали его лай.

Но резные ворота великолепной дачи были плотно закрыты, и в тенистом саду под стройными печальными кипарисами стояла важная, невозмутимая, душистая тишина.

— Гос-спо-да! — шипящим голосом произнёс старик, вкладывая в это слово всю едкую горечь, переполнившую его сердце.

— Будет тебе, пойдём, — сурово приказал мальчик и потянул своего спутника за рукав.

— Серёженька, может, убежит от них ещё Артошка-то? — вдруг опять всхлипнул дедушка. — А? Как ты думаешь, милый?

Но мальчик не ответил старику. Он шёл впереди большими, твёрдыми шагами. Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, а тонкие брови сердито сдвинулись к переносью.

VI

Молча дошли они до Алупки. Дедушка всю дорогу кричал и вздыхал, Сергей же сохранял на лице злое, решительное выражение. Они остановились на ночлег в грязной турецкой кофейной, носившей блестящее название «Ылдыз», что значит по-турецки «звезда». Вместе с ними ночевали греки — каменотёсы, землекопы — турки, несколько человек русских рабочих, перебивавшихся подённым трудом, а также несколько тёмных, подозрительных бродяг, которых так много шатается по югу России. Все они, как только кофейная закрылась в определённый час, разлеглись на скамьях, стоящих вдоль стен, и прямо на полу, причём те, что были поопытнее, положили, из излишней предосторожности, себе под голову всё, что у них было наиболее ценного из вещей и из платья.

Было далеко за полночь, когда Сергей, лежавший на полу рядом с дедушкой, осторожно поднялся и стал бесшумно одеваться. Сквозь широкие окна лился в комнату бледный свет месяца, стелился косым, дрожащим переплётом по полу и, падая на спящих вповалку людей, придавал их лицам страдальческое и мёртвое выражение.

— Ты куда носью ходишь, мальцук? — сонно окликнул Сергея у дверей хозяин кофейной, молодой турок Ибрагим.

— Пропусти. Надо! — сурово, деловым тоном ответил Сергей. — Да вставай, что ли, турецкая лопатка!

Зевая, почёсываясь и укоризненно причмокивая языком, Ибрагим отпер двери. Узкие улицы татарского базара были погружены в густую тёмно-синюю тень, которая покрывала зубчатым узором всю мостовую и касалась подножий домов другой, освещённой стороны, резко белевшей в лунном свете своими низкими стенами. На дальних окраинах местечка лаяли собаки. Откуда-то, с верхнего шоссе, доносился звонкий и дробный топот лошади, бежавшей иноходью.

Миновав белую с зелёным куполом, в виде луковицы, мечеть, окружённую молчаливой толпой тёмных кипарисов, мальчик спустился по тесному кривому переулку на большую дорогу. Для лёгкости Сергей не взял с собой верхней одежды, оставшись в одном трико. Месяц светил ему в спину, и тень мальчика бежала впереди его чёрным, странным, укороченным силуэтом. По обоим бокам шоссе притаился тёмный курчавый кустарник. Какая-то птичка кричала в нём однообразно, через ровные промежутки, тонким, нежным голосом: «Сплю!.. Сплю!..» И казалось, что она покорно сторожит в ночной тишине какую-то печальную тайну и бессильно борется со сном и усталостью и тихо, без надежды, жалуется кому-то: «Сплю, сплю!..» А над тёмными кустами и над синеватыми шапками дальних лесов возвышался, упираясь своими двумя зубцами в небо, Ай-Петри — такой лёгкий, резкий, воздушный, как будто он был вырезан из гигантского куса серебряного картона.

Сергею было немного жутко среди этого величавого безмолвия, в котором так отчётливо и дерзко раздавались его шаги, но в то же время в сердце его разливалась какая-то щекочущая, головокружительная отвага. На одном повороте вдруг открылось море. Огромное, спокойное, оно тихо и торжественно зыбилось. От горизонта к берегу тянулась узкая, дрожащая серебряная дорожка; среди моря она пропадала, — лишь кое-где изредка вспыхивали её блеёстки, — и вдруг у самой земли широко расплёскивалась живым, сверкающим металлом, опоясывая берег.

Беззвучно проскользнул Сергей в деревянную калитку, ведущую в парк. Там, под густыми деревьями, было совсем темно. Издали слышался шум неугомонного ручья и чувствовалось его сырое, холодное дыхание. Отчётливо застучала под ногами деревянная настилка моста. Вода под ним была чёрная и страшная. Вот, наконец, и высокие чугунные ворота, узорчатые, точно кружево, и обвитые ползучими стеблями глициний. Лунный свет, прорезавшись сквозь чащу деревьев, скользил по резьбе ворот слабыми фосфорическими пятнами. По ту сторону был мрак и чутко-пугливая тишина.

Было несколько мгновений, в течение которых Сергей испытывал в душе колебание, почти страх. Но он поборол в себе эти томительные чувства и прошептал:

— А всё-таки я полезу! Всё равно!

Взобраться ему было нетрудно. Изящные чугунные завитки, составляющие рисунок ворот, служили верными точками опоры для цепких рук и маленьких мускулистых ног. Над воротами на большой высоте перекинулась со столба на столб широкая каменная арка. Сергей ощупью взлез на неё, потом, лёжа на животе, спустил ноги вниз, на другую сторону, и стал понемногу сталкивать туда же всё туловище, не переставая искать ногами какого-нибудь выступа. Таким образом он уже совсем перевесился через арку, держась за её край только пальцами вытянутых рук, но его ноги всё ещё не встречали опоры. Он не мог сообщить тогда, что арка над воротами выступала внутрь го-

раздо дальше, чем кнаружи, и по мере того как затекали его руки и как тяжелее свисало вниз обессиленное тело, ужас всё сильнее проникал в его душу.

Наконец он не выдержал. Его пальцы, цеплявшиеся за острый угол, разжались, и он стремительно полетел вниз.

Он слышал, как заскрежетал под ним крупный гравий, и почувствовал острую боль в коленях. Несколько секунд он стоял на четвереньках, оглушённый падением. Ему казалось, что сейчас проснутся все обитатели дачи, прибежит мрачный дворник в розовой рубашке, подымет крик, суматоха... Но, как и прежде, в саду была глубокая, важная тишина. Только какой-то низкий, монотонный, жужжащий звук разносился по всему саду:

«Жжу... жжу... жжу...»

«Ах, ведь это шумит у меня в ушах!» — догадался Сергей. Он поднялся на ноги; всё было страшно, таинственно, сказочно-красиво в саду, точно наполненном ароматными снами. На клумбах тихо шатались, с неясной тревогой наклоняясь друг к другу, словно перешёптываясь и подглядывая, едва видимые в темноте цветы. Стройные, тёмные, пахучие кипарисы медленно кивали своими острыми верхушками с задумчивым и укоряющим выражением. А за ручьём, в чаще кустов, маленькая усталая птичка боролась со сном и с покорной жалобой повторяла:

«Сплю!.. Сплю!.. Сплю!..»

Ночью, среди перепутавшихся на дорожках теней, Сергей не узнал места. Он долго бродил по скрипучему гравию, пока не вышел к дому.

Никогда в жизни мальчик не испытывал такого мучительного ощущения полной беспомощности, заброшенности и одиночества, как теперь. Огромный дом казался ему наполненным беспощадными притаившимися врагами, которые тайно, с злобной усмешкой следили из тёмных окон за каждым движением маленького, слабого мальчика. Молча и нетерпеливо ждали враги какого-то сигнала, ждали чьего-то гневного, оглушительно грозного приказания.

— Только не в доме... в доме её не может быть! — прошептал, как сквозь сон, мальчик. — В доме она быть станет, надоест...

Он обошёл дачу кругом. С задней стороны, на широком дворе, было расположено несколько построек, более простых и незатейливых с виду, очевидно предназначенных для прислуги. Здесь, так же как и в большом доме, ни в одном окне не было видно огня; только месяц отражался в тёмных стёклах мёртвым неровным блеском. «Не уйти мне отсюда, никогда не уйти!..» — с тоской подумал Сергей. Вспомнился ему на миг дедушка, старая шарманка, ночлеги в кофейных, завтраки у прохладных источников. «Ничего, ничего этого больше не будет!» — печально повторил про себя Сергей. Но чем безнадежнее становились его мысли, тем более страх уступал в его душе место какому-то тупому и спокойно-злобному отчаянию.

Тонкий, словно стонущий визг вдруг коснулся его уха. Мальчик остановился, не дыша, с напряжёнными мускулами, вытянувшись на цыпочках. Звук повторился. Казалось, он исходил из каменного подвала, около которого Сергей стоял и который сообщался с наружным воздухом рядом грубых маленьких четырехугольных отверстий без стёкол. Ступая по какой-то цветочной куртине, мальчик подошёл к стене, приложил лицо к одной из отдушин и свистнул. Тихий, сторожкий шум послышался где-то внизу, но тотчас же затих.

— Арто! Артошка! — позвал Сергей дрожащим шёпотом.

Неистовый, срывающийся лай сразу наполнил весь сад, отозвавшись во всех его уголках. В этом лае вместе с радостным приветом смешивались и жалоба, и злость, и чувство физической боли. Слышно было, как собака изо всех сил рвалась в тёмном подвале, силясь от чего-то освободиться.

— Арто! Собакушка!.. Артошенька!.. — вторил ей плачущим голосом мальчик.

— Цыц, окаянная! — раздался снизу зверский, басовый крик. — У, каторжная!

Что-то стукнуло в подвале. Собака залилась длинным прерывистым воем.

— Не смей бить! Не смей бить собаку, проклятый! — закричал в исступлении Сергей, царапая ногтями каменную стену.

Всё, что произошло потом, Сергей помнил смутно, точно в каком-то бурном горячечном бреду. Дверь подвала широко с грохотом распахнулась, и из неё выбежал дворник. В одном нижнем белье, босой, бородатый, бледный от яркого света луны, светившей прямо ему в лицо, он показался Сергею великаном, разъярённым сказочным чудовищем.

— Кто здесь бродит? Застрелю! — загрохотал, точно гром, его голос по саду. — Воры! Грабят!

Но в ту же минуту из темноты раскрытой двери, как белый прыгающий комок, выскочил с лаем Арто. На шее у него болтался обрывок верёвки.

Впрочем, мальчику было не до собаки. Грозный вид дворника охватил его сверхъестественным страхом, связал его ноги, парализовал всё его маленькое тонкое тело. Но, к счастью, этот столбняк продолжался недолго. Почти бессознательно Сергей испустил пронзительный, долгий, отчаянный вопль и наугад, не видя дороги, не помня себя от испуга, пустился бежать прочь от подвала.

Он мчался, как птица, крепко и часто ударяя о землю ногами, которые внезапно сделались крепкими, точно две стальные пружины. Рядом с ним скакал, заливаясь радостным лаем, Арто. Сзади тяжело грохотал по песку дворник, яростно рычащий какие-то ругательства.

С размаху Сергей наскочил на ворота, но мгновенно не подумал, а скорее инстинктивно почувствовал, что здесь дороги нет. Между каменной стеной и растущими вдоль неё кипарисами была узкая тёмная лазейка. Не раздумывая, подчиняясь одному чувству страха, Сергей, нагнувшись, юркнул в неё и побежал вдоль стены. Острые иглы кипарисов, густо и едко пахнувших смолой, хлестали его по лицу. Он спотыкался о корни, падал, разбивая себе в кровь руки, но тотчас же вставал, не замечая даже боли, и

опять бежал вперёд, согнувшись почти вдвое, не слыша своего крика. Арто кинулся следом за ним.

Так бежал он по узкому коридору, образованному с одной стороны — высокой стеной, с другой — тесным строем кипарисов, бежал, точно маленький обезумевший от ужаса зверёк, попавший в бесконечную западню. Во рту у него пересохло, и каждое дыхание кололо в груди тысячью иголок. Топот дворника доносился то справа, то слева, и потерявший голову мальчик бросался то вперёд, то назад, несколько раз пробегая мимо ворот и опять ныряя в тёмную, тесную лазейку.

Наконец Сергей выбился из сил. Сквозь дикий ужас им стала постепенно овладевать холодная, вялая тоска, тупое равнодушие ко всякой опасности. Он сел под дерево, прижался к его стволу изнемогшим от усталости телом и зажмурил глаза. Всё ближе и ближе хрустел песок под грузными шагами врага. Арто тихо повизгивал, уткнув морду в колени Сергея.

В двух шагах от мальчика зашумели ветви, раздвигаемые руками. Сергей бессознательно поднял глаза кверху и вдруг, охваченный невероятною радостью, вскочил одним толчком на ноги. Он только теперь заметил, что стена напротив того места, где он сидел, была очень низкая, не более полутора аршин. Правда, верх её был утыкан вмазанными в извёстку бутылочными осколками, но Сергей не задумался над этим. Мигом схватил он поперёк туловища Арто и поставил его передними лапами на стену. Умный пёс отлично понял его. Он быстро вскарабкался на стену, замахал хвостом и победно залаял.

Следом за ним очутился на стене и Сергей, как раз в то время, когда из расступившихся ветвей кипарисов выглянула большая тёмная фигура. Два гибких, ловких тела — собаки и мальчика — быстро и мягко прыгнули вниз на дорогу. Вслед им понеслась, подобно грязному потоку, скверная, свирепая ругань.

Был ли дворник менее проворным, чем два друга, устал ли он от круженья по саду, или просто не надеялся

догнать беглецов, но он не преследовал их больше. Тем не менее они долго ещё бежали без отдыха, — оба сильные, ловкие, точно окрылённые радостью избавления. К пуделю скоро вернулось его обычное легкомыслие. Сергей ещё оглядывался боязливо назад, а Арто уже скакал на него, восторженно болтая ушами и обрывком верёвки, и всё изловчался лизнуть его с разбега в самые губы.

Мальчик пришёл в себя только у источника, у того самого, где накануне днём они с дедушкой завтракали. Припавши вместе ртами к холодному водоёму, собака и человек долго и жадно глотали свежую, вкусную воду. Они отталкивали друг друга, приподнимали на минуту кверху головы, чтобы перевести дух, причём с губ звонко капала вода, и опять с новой жаждой приникали к водоёму, не будучи в силах от него оторваться. И когда они, наконец, отвалились от источника и пошли дальше, то вода плескалась и булькала

в их переполненных животах. Опасность миновала, все ужасы этой ночи прошли без следа, и им обоим весело и легко было идти по белой дороге, ярко освещённой луной, между тёмными кустарниками, от которых уже тянуло утренней сыростью и сладким запахом освежённого листа.

В кофейной «Ылдыз» Ибрагим встретил мальчика с укоризненным шёпотом:

— И сто ти сё сляеся, малыцук? Сто ти сё сляеся? Вай-вай-вай, нехоросо...

Сергей не хотел будить дедушку, но это сделал за него Арто. Он в одно мгновение отыскал старика среди груды валявшихся на полу тел и, прежде чем тот успел опомниться, облизал ему с радостным визгом щёки, глаза, нос и рот. Дедушка проснулся, увидел на шее пуделя верёвку, увидел лежащего рядом с собой покрытого пылью мальчика и понял всё. Он обратился было к Сергею за разъяснениями, но не мог ничего добиться. Мальчик уже спал, разметав в стороны руки и широко раскрыв рот.

1903

Вопросы и задания

1. В каких деталях проявляется отношение дедушки к своему музыкальному инструменту, о котором рассказчик замечает: «Дедушка Мартын Лодыжкин любил свою шарманку так, как можно любить только живое, близкое, пожалуй, даже родственное существо»?
2. Действие в первой и второй частях рассказа развивается спокойно, неспешно. Какие описания замедляют ход повествования? Зачем автор использует этот приём?
3. Что значительно изменяет характер действия рассказа в третьей главе?
4. Как вы можете охарактеризовать сына барыни? Обратите внимание на его имя, поведение, манеру обращения с другими людьми. Постарайтесь дать ему характеристику, употребляя имена прилагательные.

5. Прочитайте диалог, происходящий в эпизоде «Слуги во-круг маленького барина», по ролям.
6. Перескажите историю с похищением и возвращением Арто.
7. На какие размышления натолкнул вас рассказ А.И. Ку-прина?
8. Продолжите рассуждение: «Рассказ А.И. Куприна «Бе-лый пудель» учит читателей...»

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

А.И. КУПРИНА

1. Найдите в тексте просторечные слова. Кому они принад-лежат? Для чего эту лексику активно вводит в речь персонажа А.И. Куприн?

2. Определите по контекстам значение данных слов: *шар-манка, галоп, пьеса*.

3. Что вы можете рассказать о характере героев: дедушки и мальчика Серёжи на основе прочитанного в первой и второй ча-сти? В каком слове (эпизод с гривенником) проявилось одно из важных качеств характера дедушки? Назовите его.

4. В каком эпизоде третьей части рассказа Серёжа проти-вопоставлен Трилли? Найдите и прочитайте слова, в которых это противопоставление наиболее очевидно. Сформулируйте вывод.

Советуем прочитать

В 1979 году в издательстве «Художественная литература» вторым изданием вышла книга дочери писателя Ксении Александровны Куприной «Куприн — мой отец». На стра-ницах книги вы найдёте очень важные и интересные сведения о семье писателя, его детстве, отношениях с близ-кими людьми.

История написания рассказа «Белый пудель».

Летом 1903 года Куприн с женой и маленькой дочкой жил в Мисхоре. Вспоминая об этом, М.К. Куприна-Иорданская писала: «В послеобеденное время, около двух часов, заходили к нам на дачу иногда бродячие артисты — старик с шарманкой, лет тринадцати мальчик Серёжа, акробат, и с ними дрессированный белый пудель. Как только раздавались звуки шарманки, к нашей даче стягивались зрители — турки-каменщики, работавшие на соседней даче, няньки с детьми с других дач и просто случайные прохожие.

После представления старик получал деньги, и Александр Иванович звал их обедать на террасу около кухни. Но они брали миски с едой и располагались под деревьями на берегу Салгирки. Старик был неразговорчив и старался говорить о себе как можно меньше. Зато Серёжа охотно делился своими планами. В длинных путешествиях по Крыму они доходили до Одессы. Там удалось Серёже однажды побывать в цирке, и с тех пор он мечтал выучиться и стать настоящим акробатом. Рассказал он Александру Ивановичу и о том, как одна богатая барыня непременно требовала, чтобы ей продали пуделя, который очень понравился её мальчику.

— Но разве можно нам остаться без пуделя? Дедушка отказался отдать собаку. Барыня очень обозлилась на нас. Мы боялись, что она донесёт в полицию да ещё скажет, что мы что-нибудь у неё украли, — рассказывал мальчик. — Поэтому мы ушли скорее из города».

Эта история послужила Куприну темой для рассказа «Белый пудель».

Сопоставьте историю, рассказанную М.К. Куприной-Иорданской, с текстом произведения. Какие изменения произошли в процессе работы над рассказом?

Чего достиг писатель, сохранив почти без изменения услышанную от мальчика Серёжи историю про белого пуделя?

Двенадцатилетняя Тиночка Руднева влетела, как разрывная бомба, в комнату, где её старшие сёстры одевались с помощью двух горничных к сегодняшнему вечеру. Взволнованная, запыхавшаяся, с разлетевшимися кудряшками на лбу, вся розовая от быстрого бега, она была в эту минуту похожа на хорошенького мальчишку.

— Mesdames, а где же тапёр? Я спрашивала у всех в доме, и никто ничего не знает. Тот говорит — мне не приказывали, тот говорит — это не моё дело... У нас постоянно, постоянно так, — горячилась Тиночка, топая каблуком о пол. — Всегда что-нибудь перепутают, забудут и потом начинают сваливать друг на друга...

Самая старшая из сестёр, Лидия Аркадьевна, стояла перед трюмо. Повернувшись боком к зеркалу и изогнув назад свою прекрасную обнажённую шею, она, слегка прищуривая близорукие глаза, закалывала в волосы чайную розу. Она не выносила никакого шума и относилась к «мелюзге» с холодным и вежливым презрением. Взглянув на отражение Тины в зеркале, она заметила с неудовольствием:

— Больше всего в доме беспорядка делаешь, конечно, ты, — сколько раз я тебя просила, чтобы ты не вбегала, как сумасшедшая, в комнаты.

Тина насмешливо присела и показала зеркалу язык. Потом она обернулась к другой сестре, Татьяне Аркадьевне, около которой возилась на полу модистка, подмётывающая на живую нитку низ голубой юбки, и затараторила:

— Ну, понятно, что от нашей Несмеяны-царевны ничего, кроме наставлений, не услышишь. Танечка, голубушка, как бы ты там всё это устроила. Меня никто не слушается, только смеются, когда я говорю... Танечка, пойдём, пожалуйста, а то ведь скоро шесть часов, через час и ёлку будем зажигать...

Тина только в этом году была допущена к устройству ёлки. Не далее как на прошлое Рождество её в это время запирали с младшей сестрой Катей и с её сверстницами в детскую, уверяя, что в зале нет никакой ёлки, а что «просто только пришли полотёры». Поэтому понятно, что теперь, когда Тина получила особые привилегии, равнявшие её некоторым образом со старшими сёстрами, она волновалась больше всех, хлопотала и бегала задесятерых, попадаясь ежеминутно кому-нибудь под ноги, и только усиливала общую суету, царившую обыкновенно на праздниках в рудневском доме.

Семья Рудневых принадлежала к одной из самых безалаберных, гостеприимных и шумных московских семей, обитающих испокон века в окрестностях Пресни, Новинского и Конюшков и создавших когда-то Москве её репутацию хлебосольного города. Дом Рудневых — большой ветхий дом доекатерининской постройки, со львами на воротах, с широким подъездным двором и с массивными белыми колоннами у парадного, — круглый год с утра до поздней ночи кишел народом. Приезжали без всякого предупреждения, «сюрпризом», какие-то соседи по наровчатскому или инсарскому имению, какие-то дальние родственники, которых до сих пор никто в глаза не видал и не слышал об их существовании, — и гостили по месяцам. К Аркаше и Мите десятками ходили товарищи, менявшие с годами свою оболочку, сначала гимназистами и кадетами, потом юнкерами и студентами и, наконец, безусыми офицерами или щеголеватыми, преувеличенно серьёзными помощниками присяжных поверенных. Девочки постоянно навещали подруги всевозможных возрастов, начиная от Катиных сверстниц, приводивших с собою в гости своих кукол, и кончая приятельницами Лидии, которые говорили о Марксе и об аграрной системе и вместе с Лидией стремились на Высшие женские курсы. На праздниках, когда вся эта весёлая, задорная молодёжь собиралась в громадном рудневском доме, вместе с нею надолго водворялась атмосфера какой-то общей наивной, поэтической и шаловливой влюблённости.

Эти дни бывали днями полной анархии, приводившей в отчаяние прислугу. Все условные понятия о времени, разграниченном, «как у людей», чаем, завтраком, обедом и ужином, смешивались в шумной и беспорядочной суете. В то время когда одни кончали обедать, другие только что начинали пить утренний чай, а третьи целый день пропадали на катке в Зоологическом саду, куда забирали с собой горю бутербродов. Со стола никогда не убрали, и буфет стоял открытым с утра до вечера. Несмотря на это, случалось, что молодёжь, проголодавшись совсем в неуказанное время, после коньков или поездки на балаганы, отправляла на кухню депутацию к Акинфычу с просьбой приготовить «что-нибудь вкусненькое». Старый пьяница, но глубокий знаток своего дела, Акинфыч сначала обыкновенно долго не соглашался и ворчал на депутацию. Тогда в ход пускалась тонкая лесть: говорили, что теперь уже перевелись в Москве хорошие повара, что только у стариков и сохранилось ещё неприкосновенным уважение к святости кулинарного искусства и так далее. Кончалось тем, что задетый за живое Акинфыч сдавался и, пробуя на большом пальце острие ножа, говорил с напускной суровостью:

— Ладно уж, ладно... будет петь-то... Сколько вас там, галчата?

Ирина Алексеевна Руднева — хозяйка дома — почти никогда не выходила из своих комнат, кроме особенно торжественных, официальных случаев. Урождённая княжна Ознобишина, последний отпрыск знатного и богатого рода, она раз навсегда решила, что общество её мужа и детей слишком «мескинно»¹ и «брютально»², и потому равнодушно «иньорировала»³ его, развлекаясь визитами к архиереям и поддержанием знакомства с такими же, как она сама, окаменелыми потомками родов, уходящих в седую древность. Впрочем, мужа своего Ирина Алексеевна не

¹ Пошло (от *фр. mesquin*).

² Грубо (от *фр. brutal*).

³ Игнорировала (от *фр. ignorer*).

уставала даже и теперь тайно, но мучительно ревновать. И она, вероятно, имела для этого основания, так как Аркадий Николаевич, известный всей Москве гурман, игрок и щедрый покровитель балетного искусства, до сих пор ещё, несмотря на свои пятьдесят с лишком лет, не утратил заслуженной репутации дамского угодника, поклонника и покорителя. Даже и теперь его можно было назвать красавцем, когда он, опоздав на десять минут к началу действия и обращая на себя общее внимание, входил в зрительную залу Большого театра — элегантный и самоуверенный, с гордо поставленной на осанистом туловище, породистой, слегка седеющей головой.

Аркадий Николаевич редко показывался домой, потому что обедал он постоянно в Английском клубе, а по вечерам ездил туда же играть в карты, если в театре не шёл интересный балет. В качестве главы дома он занимался исключительно тем, что закладывал и перезакладывал то одно, то другое недвижимое имущество, не заглядывая в будущее с беспечностью избалованного судьбой грансенъора. Привыкнув с утра до вечера вращаться в большом обществе, он любил, чтобы и в доме у него было шумно и оживлённо. Изредка ему нравилось сюрпризом устроить для своей молодёжи неожиданное развлечение и самому принять в нём участие. Это случалось большею частью на другой день после крупного выигрыша в клубе.

— Молодые республиканцы! — говорил он, входя в гостиную и сияя своим свежим видом и очаровательной улыбкой. — Вы, кажется, скоро все заснёте от ваших серьёзных разговоров. Кто хочет ехать со мной за город? Дорога прекрасная: солнце, снег и морозец. Страдающих зубной болью и мировой скорбью прошу оставаться дома под надзором нашей почтеннейшей Олимпиады Савичны...

Посылали за тройками к Ечкину, скакали сломя голову за Тверскую заставу, обедали в «Мавритании» или в «Стрельне» и возвращались домой поздно вечером, к большому неудовольствию Ирины Алексеевны, смотревшей

брезгливо на эти «эскапады»¹ дурного тона». Но молодёжь нигде так безумно не веселилась, как именно в этих эскападах, под предводительством Аркадия Николаевича.

Неизменное участие принимал ежегодно Аркадий Николаевич и в ёлке. Этот детский праздник почему-то доставлял ему своеобразное, наивное удовольствие. Никто из домашних не умел лучше его придумать каждому подарок по вкусу, и потому в затруднительных случаях старшие дети прибегали к его изобретательности.

— Папа, ну что мы подарим Коле Радомскому? — спрашивали Аркадия Николаевича дочери. — Он большой такой, гимназист последнего класса... нельзя же ему игрушку...

— Зачем же игрушку? — возражал Аркадий Николаевич. — Самое лучшее купите для него хорошенький портсигар. Юноша будет польщён таким солидным подарком. Теперь очень хорошенькие портсигары продаются у Лукутина. Да, кстати, наекните этому Коле, чтобы он не стеснялся при мне курить. А то давеча, когда я вошёл в гостиную, так он папироску в рукав спрятал...

Аркадий Николаевич любил, чтобы у него ёлка выходила на славу, и всегда приглашал к ней оркестр Рябова. Но в этом году² с музыкой произошёл целый ряд роковых недоразумений. К Рябову почему-то послали очень поздно; оркестр его, разделяемый на праздниках на три части, оказался уже разобранным. Маэстро в силу давнего знакомства с домом Рудневых обещал, однако, как-нибудь устроить это дело, надеясь, что в другом доме переменят день ёлки, но по неизвестной причине замедлил ответом, и когда бросились искать в другие места, то во всей Москве не оказалось ни одного оркестра. Аркадий Николаевич рассердился и велел отыскать хорошего тапёра, но кому отдал это приказание, он и сам теперь не

¹ Проказы (от *фр. escapade*).

² Рассказ наш относится к 1885 г. Кстати заметим, что основная фабула его покоится на действительном факте, сообщённом автору в Москве М.А. З—вой, близко знавшей семью, названную в рассказе вымышленной фамилией Рудневых. (*Примеч. А.И. Куприна.*)

помнил. Этот «кто-то», наверно, свалил данное ему поручение на другого, другой — на третьего, переврав, по обыкновению, его смысл, а третий в общей сумятице и совсем забыл о нём...

Между тем пылкая Тина успела уже взбудоражить весь дом. Почтенная экономка, толстая, добродушная Олимпиада Савична, говорила, что и взаправду барин ей наказывал распорядиться о тапёре, если не приедет музыка, и что она об этом тогда же сказала камердинеру Луке. Лука, в свою очередь, оправдывался тем, что его дело ходить около Аркадия Николаевича, а не бегать по городу за фортепьянщиками. На шум прибежала из барышнинных комнат горничная Дуняша, подвижная и ловкая, как обезьяна, кокетка и болтуня, считавшая долгом ввязываться непременно в каждое неприятное происшествие. Хотя её и никто не спрашивал, но она совалась к каждому с жаркими уверениями, что пускай её Бог разразит на этом месте, если она хоть краешком уха что-нибудь слышала о тапёре. Неизвестно, чем окончилась бы эта путаница, если бы на помощь не пришла Татьяна Аркадьевна, полная, весёлая блондинка, которую вся прислуга обожала за её ровный характер и удивительное умение улаживать внутренние междоусобицы.

— Одним словом, мы так не кончим до завтрашнего дня, — сказала она своим спокойным, слегка насмешливым, как у Аркадия Николаевича, голосом. — Как бы то ни было, Дуняша сейчас же отправится разыскивать тапёра. Покамест ты будешь одеваться, Дуняша, я тебе выпишу из газеты адреса. Постарайся найти поближе, чтобы не задерживать ёлки, потому что сию минуту начнут съезжаться. Деньги на извозчика возьми у Олимпиады Савичны...

Едва она успела это произнести, как у дверей передней громко затрещал звонок. Тина уже бежала туда стремглав, навстречу целой толпе детишек, улыбающихся, румяных с мороза, запущённых снегом и внёсших за собою запах зимнего воздуха, крепкий и здоровый, как запах свежих яблоков. Оказалось, что две большие семьи — Лыковых и

Масловских — столкнулись случайно, одновременно подъехав к воротам. Передняя сразу наполнилась говором, смехом, топотом ног и звонкими поцелуями.

Звонки раздавались один за другим почти непрерывно. Приезжали всё новые и новые гости. Барышни Рудневые едва успевали справляться с ними. Взрослых приглашали в гостиную, а маленьких завлекали в детскую и в столовую, чтобы запереть их там предательским образом. В зале ещё не зажигали огня. Огромная ёлка стояла посередине, слабо рисуясь в полутьме своими фантастическими очертаниями и наполняя комнату смолистым ароматом. Там и здесь на ней тускло поблёскивала, отражая свет уличного фонаря, позолота цепей, орехов и картонажей.

Дуняша всё ещё не возвращалась, и подвижная, как ртуть, Тина сгорала от нетерпеливого беспокойства. Десять раз подбегала она к Тане, отводила её в сторону и шептала взволнованно:

— Танечка, голубушка, как же теперь нам быть?.. Ведь это же ни на что не похоже.

Таня сама начинала тревожиться. Она подошла к старшей сестре и сказала вполголоса:

— Я уж и не придумаю, что делать. Придётся попросить тётю Соню поиграть немного... А потом я её сама как-нибудь заменю.

— Благодарю покорно, — насмешливо возразила Лидия. — Тётя Соня будет потом нас целый год своим одолжением донимать. А ты так хорошо играешь, что уж лучше совсем без музыки танцевать.

В эту минуту к Татьяне Аркадьевне подошёл, неслышно ступая своими замшевыми подошвами, Лука.

— Барышня, Дуняша просит вас на секунду выйти к ним.

— Ну что, привезла? — спросили в один голос все три сестры.

— Пожалуйте-с. Извольте-с посмотреть сами, — уклончиво ответил Лука. — Они в передней... Только что-то сомнительно-с... Пожалуйте.

В передней стояла Дуняша, ещё не снявшая шубки, закиданной комьями грязного снега. Сзади её копошилась в тёмном углу какая-то маленькая фигурка, разматывавшая жёлтый башлык, окутывавший её голову.

— Только, барышня, не браните меня, — зашептала Дуняша, наклоняясь к самому уху Татьяны Аркадьевны. — Разрази меня Бог — в пяти местах была и ни одного тапёра не застала. Вот нашла этого мальчика, да уж и сама не знаю, годится ли. Убей меня Бог, только один и остался. Божится, что играл на вечерах и на свадьбах, а я почему могу знать...

Между тем маленькая фигурка, освободившись от своего башлыка и пальто, оказалась бледным, очень худощавым мальчиком в подержанном мундирчике реального училища. Понимая, что речь идёт о нём, он в неловкой выжидательной позе держался в своём углу, не решаясь подойти ближе. Наблюдательная Таня, бросив на него украдкой несколько взглядов, сразу определила про себя, что этот мальчик застенчив, беден и самолюбив. Лицо у него было некрасивое, но выразительное и с очень тонкими чертами; несколько наивный вид ему придавали вихры тёмных волос, завивающихся «гнездышками» по обеим сторонам высокого лба, но большие серые глаза — слишком большие для такого худенького детского лица — смотрели умно, твёрдо и не по-детски серьёзно. По первому впечатлению мальчику можно было дать лет одиннадцать — двенадцать.

Татьяна сделала к нему несколько шагов и, сама стесняясь не меньше его, спросила нерешительно:

— Вы говорите, что вам уже приходилось... играть на вечерах?

— Да... я играл, — ответил он голосом, несколько сильным от мороза и от робости. — Вам, может быть, оттого кажется, что я такой маленький...

— Ах нет, вовсе не это... Вам ведь лет тринадцать, должно быть?

— Четырнадцать-с.

— Это, конечно, всё равно. Но я боюсь, что без привычки вам будет тяжело.

Мальчик откашлялся.

— О нет, не беспокойтесь... Я уже привык к этому. Мне случалось играть по целым вечерам, почти не переставая...

Таня вопросительно посмотрела на старшую сестру. Лидия Аркадьевна, отличавшаяся странным бессердечием по отношению ко всему загнанному, подвластному и приниженному, спросила со своей обычной презрительной миной:

— Вы умеете, молодой человек, играть кадрили?

Мальчик качнулся туловищем вперёд, что должно было означать поклон.

— Умею-с.

— И вальс умеете?

— Да-с.

— Может быть, и польку тоже?

Мальчик вдруг густо покраснел, но ответил сдержанным тоном:

— Да, и польку тоже.

— А лансье? — продолжала дразнить его Лидия.

— *Laissez donc, Lidie, vous êtes impossible*¹, — строго заметила Татьяна Аркадьевна.

Большие глаза мальчика вдруг блеснули гневом и насмешкой. Даже напряжённая неловкость его позы внезапно исчезла.

— Если вам угодно, *mademoiselle*, — резко повернулся он к Лидии, — то, кроме полек и кадрилей, я играю ещё все сонаты Бетховена, вальсы Шопена и рапсодии Листа.

— Воображаю! — деланно, точно актриса на сцене, уронила Лидия, задетая этим самоуверенным ответом.

Мальчик перевёл глаза на Таню, в которой он инстинктивно угадал заступницу, и теперь эти огромные глаза приняли умоляющее выражение.

— Пожалуйста, прошу вас... позвольте мне что-нибудь сыграть...

Чуткая Таня поняла, как больно затронула Лидия самолюбие мальчика, и ей стало жалко его. А Тина даже за-

¹ Перестаньте же, Лидия, вы невозможны (фр.).

прыгала на месте и захлопала в ладоши от радости, что эта противная гордячка Лидия сейчас получит щелчок.

— Конечно, Танечка, конечно, пускай сыграет, — упрасивала она сестру, и вдруг со своей обычной стремительностью, схватив за руку маленького пианиста, она потащила его в залу, повторяя: — Ничего, ничего... Вы сыграете, и она останется с носом... Ничего, ничего.

Неожиданное появление Тины, влѣкшей на буксире застенчиво улыбавшегося реалистика, произвело общее недоумение. Взрослые один за другим переходили в залу, где Тина, усадив мальчика на выдвижной табурет, уже успела зажечь свечи на великолепном шредеровском фортепиано.

Реалист взял наугад одну из толстых, переплетѣнных в шагренѣ нотных тетрадей и раскрыл её. Затем, обернувшись к дверям, в которых стояла Лидия, резко выделяясь своим белым атласным платьем на чѣрном фоне неосвещѣнной гостиной, он спросил:

— Угодно вам «Rapsodie Hongroise»¹ № 2 Листа?

Лидия пренебрежительно выдвинула вперед нижнюю губу и ничего не ответила. Мальчик бережно положил руки на клавиши, закрыл на мгновение глаза, и из-под его пальцев полились торжественные, величавые аккорды начала рапсодии. Странно было видеть и слышать, как этот маленький человечек, голова которого едва виднелась из-за пюпитра, извлекал из инструмента такие мощные, смелые, полные звуки. И лицо его как будто бы сразу преобразилось, просветлело и стало почти прекрасным; бледные губы слегка полуоткрылись, а глаза ещё больше увеличились и сделались глубокими, влажными и сияющими.

Зала понемногу наполнялась слушателями. Даже Аркадий Николаевич, любивший музыку и знавший в ней толк, вышел из своего кабинета. Подойдя к Тане, он спросил её на ухо:

— Где вы достали этого карапуза?

¹ «Венгерская рапсодия» (фр.).

— Это тапёр, папа, — ответила тихо Татьяна Аркадьевна. — Правда, отлично играет?

— Тапёр? Такой маленький? Неужели? — удивлялся Руднев. — Скажите пожалуйста, какой мастер! Но ведь это безбожно заставлять его играть танцы.

Когда Таня рассказала отцу о сцене, происшедшей в передней, Аркадий Николаевич покачал головой.

— Да, вот оно что... Ну, что ж делать, нельзя обижать мальчугана. Пускай поиграет, а потом мы что-нибудь придумаем.

Когда реалист окончил рапсодию, Аркадий Николаевич первый захлопал в ладоши. Другие также принялись аплодировать. Мальчик встал с высокого табурета, раскрасневшийся и взволнованный; он искал глазами Лидию, но её уже не было в зале.

— Прекрасно играете, голубчик. Большое удовольствие нам доставили, — ласково улыбался Аркадий Николаевич, подходя к музыканту и протягивая ему руку. — Только я боюсь, что вы... как вас величать-то, я не знаю.

— Азагаров, Юрий Азагаров.

— Боюсь я, милый Юрочка, не повредит ли вам играть целый вечер? Так вы, знаете ли, без всякого стеснения скажите, если устанете. У нас найдётся здесь кому побренчать. Ну, а теперь сыграйте-ка нам какой-нибудь марш побравурнее.

Под громкие звуки марша из «Фауста» были поспешно зажжены свечи на ёлке. Затем Аркадий Николаевич собственноручно распахнул настежь двери столовой, где толпа детишек, ошеломлённая внезапным ярким светом и ворвавшейся к ним музыкой, точно окаменела в наивно изумлённых, забавных позах. Сначала робко, один за другим, входили они в залу и с почтительным любопытством ходили кругом ёлки, задирая вверх свои милые мордочки. Но через несколько минут, когда подарки уже были розданы, зала наполнилась невообразимым гамом, писком и счастливым звонким детским хохотом. Дети точно опьянели от блеска ёлочных огней, от смолистого аромата, от громкой музыки

и от великолепных подарков. Старшим никак не удавалось собрать их в хоровод вокруг ёлки, потому что то один, то другой вырывался из круга и бежал к своим игрушкам, оставленным кому-нибудь на временное хранение.

Тина, которая после внимания, оказанного её отцом Азагарову, окончательно решила взять мальчика под своё покровительство, подбежала к нему с самой дружеской улыбкой.

— Пожалуйста, сыграйте нам польку.

Азагаров заиграл, и перед его глазами закружились белые, голубые и розовые платица, короткие юбочки, из-под которых быстро мелькали белые кружевные панталончики, русые и чёрные головки в шапочках из папиросной бумаги. Играя, он машинально прислушивался к равномерному шарканью множества ног под такт его музыки, как вдруг необычайное волнение, пробежавшее по всей зале, заставило его повернуть голову ко входным дверям.

Не переставая играть, он увидел, как в залу вошёл пожилой господин, к которому, точно по волшебству, приковались глаза всех присутствующих. Вошедший был немного выше среднего роста и довольно широк в кости, но не полн. Держался он с такой изящной, неуловимо небрежной и в то же время величавой простотой, которая свойственна только людям большого света. Сразу было видно, что этот человек привык чувствовать себя одинаково свободно и в маленькой гостиной, и перед тысячной толпой, и в залах королевских дворцов. Всего замечательнее было его лицо — одно из тех лиц, которые запечатлеваются в памяти на всю жизнь с первого взгляда: большой четырёхугольный лоб был изборождён суровыми, почти гневными морщинами; глаза, глубоко сидевшие в орбитах, с повисшими над ними складками верхних век, смотрели тяжело, утомлённо и недовольно; узкие бритые губы были энергичны и крепко сжаты, указывая на железную волю в характере незнакомца, а нижняя челюсть, сильно выдвинувшаяся вперёд и твёрдо обрисованная, придавала физиономии отпечаток властности и

упорства. Общее впечатление довершала длинная грива густых, небрежно заброшенных назад волос, делавшая эту характерную, гордую голову похожей на львиную...

Юрий Азагаров решил в уме, что новоприбывший гость, должно быть, очень важный господин, потому что даже чопорные пожилые дамы встретили его почтительными улыбками, когда он вошёл в залу, сопровождаемый сияющим Аркадием Николаевичем. Сделав несколько общих поклонов, незнакомец быстро прошёл вместе с Рудневым в кабинет, но Юрий слышал, как он говорил на ходу о чём-то просившему его хозяину:

— Пожалуйста, добрейший мой Аркадий Николаевич, не просите. Вы знаете, как мне больно вас огорчать отказом...

— Ну хоть что-нибудь, Антон Григорьевич. И для меня и для детей это будет навсегда историческим событием, — продолжал просить хозяин.

В это время Юрия попросили играть вальс, и он не услышал, что ответил тот, кого называли Антоном Григорьевичем. Он играл поочерёдно вальсы, польки и кадрили, но из его головы не выходило царственное лицо необыкновенного гостя. И тем более он был изумлён, почти испуган, когда почувствовал на себе чей-то взгляд, и, обернувшись вправо, он увидел, что Антон Григорьевич смотрит на него со скучающим и нетерпеливым видом и слушает, что ему говорит на ухо Руднев.

Юрий понял, что разговор идёт о нём, и отвернулся от них в смущении, близком к непонятному страху. Но тотчас же, в тот же самый момент, как ему казалось потом, когда он уже взрослым проверял свои тогдашние ощущения, над его ухом раздался равнодушно-повелительный голос Антона Григорьевича:

— Сыграйте, пожалуйста, ещё раз рапсодию № 2.

Он заиграл, сначала робко, неуверенно, гораздо хуже, чем он играл в первый раз, но понемногу к нему вернулись смелость и вдохновение. Присутствие *того*, властного и необыкновенного человека почему-то вдруг наполни-

А.Г. Рубинштейн. Художник И.Е. Репин. 1887 г.

Фрагмент портрета

ло его душу артистическим волнением и придало его пальцам исключительную гибкость и послушность. Он сам чувствовал, что никогда ещё не играл в своей жизни так хорошо, как в этот раз, и, должно быть, не скоро будет ещё так хорошо играть.

Юрий не видел, как постепенно прояснялось хмурое чело Антона Григорьевича и как смягчалось мало-помалу строгое выражение его губ, но когда он кончил при общих аплодисментах и обернулся в ту сторону, то уже не увидел этого привлекательного и странного человека. Зато к нему подходил с многозначительной улыбкой, таинственно подымая вверх брови, Аркадий Николаевич Руднев.

— Вот что, голубчик Азагаров, — заговорил почти шёпотом Аркадий Николаевич, — возьмите этот конвертик, спрячьте в карман и не потеряйте, — в нём деньги. А сами

идите сейчас же в переднюю и одевайтесь. Вас довезёт Антон Григорьевич.

— Но ведь я могу ещё хоть целый вечер играть, — возразил было мальчик.

— Тсс!.. — закрыл глаза Руднев. — Да неужели вы не узнали его? Неужели вы не догадались, кто это?

Юрий недоумевал, раскрывая всё больше и больше свои огромные глаза. Кто же это мог быть, этот удивительный человек?

— Голубчик, да ведь это Рубинштейн. Понимаете ли, Антон Григорьевич Рубинштейн! И я вас, дорогой мой, от души поздравляю и радуюсь, что у меня на ёлке вам совсем случайно выпал такой подарок. Он заинтересован вашей игрой...

Реалист в поношенном мундире давно уже известен теперь всей России как один из талантливейших композиторов, а необычайный гость с царственным лицом ещё раньше успокоился навсегда от своей бурной, мятежной жизни, жизни мученика и триумфатора. Но никогда и никому Азагаров не передавал тех священных слов, которые ему говорил, едучи с ним в санях, в эту морозную рождественскую ночь его великий учитель.

1900

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

А.И. КУПРИНА

В художественных произведениях, написанных в различные эпохи, иногда встречаются «тёмные» места — непонятные слова, описания событий далёкого прошлого, названия вышедших из употребления предметов и т. д. Внимательный читатель задаст себе вопрос: «Что это?» Ответ на этот вопрос (с помощью словарей, энциклопедий и справочников) и представляет собой исторический комментарий.

Так, например, встретив в рассказе такое предложение: «Между тем маленькая фигурка, освободившись от своего башлыка и пальто, оказалась бледным, очень худоща-

вым мальчиком в подержанном мундирчике реального училища», вы прежде всего обратите внимание на слово «башлык». Что же это такое? Поищем ответ в энциклопедии. Вот что мы узнали об этом: «В начале XIX века на Северном Кавказе возникли казачьи поселения. Казаки жили в непосредственной близости с горскими народами, и всё лучшее и наиболее практичное, что было в одежде кавказцев, перешло к казакам. Так на Руси появился башлык — большой тёплый капюшон, который шили из толстого верблюжьего сукна жёлтого цвета. Башлык, в отличие от современного капюшона, не пристёгивался к верхней одежде, а свободно набрасывался на спину, у него имелись два длинных конца, которые завязывались на груди, на шее или закреплялись на поясе. Башлык был удобен в холодную погоду, метель, ветер — он надёжно защищал шею и голову.

В 30-е годы XIX века мода на башлык пришла в российские города, достигла Петербурга. Его стали носить все: мужчины, женщины, дети. А спустя ещё 30 лет он стал обязательным элементом форменной одежды российской армии, сначала в частях казачества, а затем и в других войсках».

Вот у нас и получился исторический комментарий. А теперь сами попробуйте свои силы. В рассматриваемом предложении осталась ещё одна загадка. Разгадайте её с помощью исторического комментария.

Вопросы и задания

1. Почему рассказ назван «Тапёр»?
2. Расскажите о семье Рудневых и их доме. Каким предстаёт тапёр?
3. Кто такой Антон Григорьевич и какое впечатление он произвёл на тапёра? А тапёр на него?
4. Что можно сказать о душевном состоянии героя, о характере мальчика и хозяина по их поступкам?

5. Какой эпизод рассказа можно считать самым напряжённым? Почему?

6. Какова главная мысль рассказа?

7. Обратите внимание на слова, передающие «дух эпохи» XIX века. Из современной жизни эти выражения исчезли. Как можно сказать иначе: *задетый за живое, хлебосольный, испокон века, в общей сумятице*? В каких ситуациях эти выражения могут быть использованы?

Живое слово

1. Подготовьте выборочный пересказ на тему «Жизнь семьи Рудневых».

2. Найдите описание внешности Юрия Азагарова и детали, помогающие раскрыть его настроение.

3. Подготовьте творческий пересказ, предположив, о чём могли говорить, «едучи в санях в морозную рождественскую ночь», великий маэстро и начинающий музыкант.

Для вас, любознательные

Рассказ А.И. Куприна «Тапёр» относится к жанру рождественского рассказа.

Рождественский рассказ — повествование о событиях, происходящих накануне Рождества.

Как правило, в таких рассказах идёт речь о случае, ставшем «добрым волшебником»: чудесной встрече, сбывающейся мечте, исцелении, спасении от беды, человеческом участии, помощи, сочувствии. Во вступлении обычно описывается подготовка к празднику, затем изображается

самый таинственный и прекрасный праздник — Рождество. Чудо на страницах рассказа совершается не волшебниками, а самыми обыкновенными людьми, сопереживающими кому-то. Финал рождественского рассказа обычно благополучный, счастливый.

Минуты творчества

Представьте себя в роли издателя, который готовит серию книг для детей под общим названием «Праздник Рождества». Выберите из предложенного списка название одной из будущих книг:

«Праздник Рождества в России: традиции, с ним связанные»;

«Рождество в Англии, Германии, Франции (в стране изучаемого вами иностранного языка)»;

«Библейская легенда о Рождестве Иисуса Христа».

Распределив обязанности в творческой группе, сделайте:

— эскиз обложки;

— оглавление;

— обращение к читателю.

Подберите репродукции икон и картин художников, которые могли бы послужить иллюстрациями в вашей брошюре.

Подготовьте представление вашего сборника в форме устного журнала или рекламной акции.

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЕСЕНИН**
1895—1925

Стихи Есенина полны звуков, запахов, красок. Звенит девичий смех, раздаётся «белый перезвон» берёз, вызывают ивы, звенят удила, «со звонами» плачут глухари, заливаются бубенцы, слышится «дрёмная песня» рыбаков, шумят тростники, играет то тальянка, то ливенка. Спас пахнет яблоками и мёдом, ели льют запах ладана. Кругом — мягкая зелень полей, алый свет зари, голубеет небесный песок, кадит черёмуховый дым. У его героинь «красной рюшкою по белу сарафан на подоле», синие или украшенные шитьём платки, а герой — в белой свитке и алом кушаке. Полыхают зори, рощи кроют синим мраком, впрочем, мрак может быть и алым, на воде — жёлтые поводья месяца. Синее, голубое, алое, зелёное, рыжее, золотое — брызжет и переливается в стихах поэта.

Простая крестьянская изба, родные приокские просторы обретают почти сказочную красочность:

Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком — занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повеи.
Где-то мышь скребётся в затворённой клетки...

Любуясь особенностями деревенской жизни, картинами природы, Есенин стремится не просто донести до читателя свою радость от их видения, а передать, заразить его ощущением полноты и красоты жизни.

По А. Козловскому

ПО СТРАНИЦАМ ВОСПОМИНАНИЙ АЛЕКСАНДРЫ ЕСЕНИНОЙ «РОДНОЕ И БЛИЗКОЕ»

«Помню приезд Сергея в мае—июне 1917 года. Была тихая, тёплая лунная ночь. Дома, освещённые полной луной, казались какими-то обновлёнными, а на белой церковной колокольне чётко отпечатались густые узорчатые тени от ветвей берёз. Все спали. Не было видно ни одного освещённого окна, а мы ещё сидели за самоваром. Напившись чаю, Сергей вышел погулять и остановился у раскрытого окна. Он был в белой рубашке и серых брюках. С одной стороны его освещала керосиновая лампа, а с другой — луна. В барском саду пел соловей. В ночной тишине казалось, он совсем рядом. Захваченный чудесной песней, Сергей стал ему подсвистывать. Эта картина мне хорошо запомнилась».

«Сергей приезжал домой почти каждое лето, но воспоминания о нём у меня слились воедино.

Помню, как к его приезду (если он предупреждал) в доме у нас всё чистилось и мылось, всюду наводился порядок. Он был у нас дорогим гостем. В нашей тихой, однообразной жизни с его приездом сразу всё менялось. Даже сам приезд его был необычным, и не только для нас, а для всех односельчан. Сергей любил подъехать к дому на лихом извозчике, которые так и назывались «лихачи», а то и на паре, которая мчится, как вихрь, колёса брички едва касаются земли и оставляют позади себя тучу дорожной пыли. С его приездом в доме сразу нарушался обычный порядок: на полу — раскрытые чемоданы, на окнах появлялись книги, со стола долго не убирался самовар. Даже воздух в избе становился другим — насыщенным папиросным дымом, смешанным с одеколоном.

На следующий день происходило переселение. «Зал» (большая передняя комната) отводился Сергею для работы, а в амбаре он спал. В комнате матери, из которой выносили кровать, или в прихожей устраивали столовую.

В зале Сергей переставлял всё по-своему, и, хотя особенно переставлять было нечего, комната всё же как-то сразу преображалась. Снимали и выносили стеклянный верх посудного шкафа. Накрыв нижнюю часть шкафа пёстрым шёлковым покрывалом, Сергей устраивал что-то вроде комода. По-своему переставлял стол. На его столе, за которым он работал, лежали книги, бумага, карандаши (Сергей редко писал чернилами), стояла настольная лампа с зелёным абажуром, пепельница, появлялись букеты цветов. В его комнате всегда был идеальный порядок.

Остались в памяти некоторые песенки, которые он напевал, расхаживая по комнате, заложив руки в карманы брюк или скрестив их на груди. Он пел «Дремлют плакучие ивы», «Выхожу один я на дорогу», «Горные вершины», «Вечерний звон».

Помню, как Сергей ходил лёгкой, слегка покачивающейся походкой, немного наклонив свою кудрявую голову. Красивый, скромный, тихий, но вместе с тем очень жизнерадостный человек, он одним своим присутствием вносил в дом праздничное настроение».

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причёсывая языком,
И струился снежок подталый
Под тёплым её животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из её щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег.

1919

ПОРАЗМЫШЛЯЕМ О ПРОЧИТАННОМ

Жена поэта С.А. Толстая-Есенина вспоминала: «Случай подобно тому, какой описан в этом стихотворении, произошёл однажды в молодые годы Есенина, в его селе Константинове. Собака соседа Есенина оценилась, и хозяин убил всех щенят. Есенин сам рассказывал об этом, и мать его, Татьяна Фёдоровна, помнит этот случай и то, как под впечатлением от него Есенин написал стихи».

«Песнь о собаке» — одно из самых трагических произведений поэта о животных. Почти физически ощущаешь боль, переживаемую автором, так мастерски оно написано. Здесь каждая деталь, каждый звук, каждый стих соединяются в целостную картину.

Вот начало, где ещё ничего не предвещает трагического исхода. В сарае или ином подсобном помещении, где «златятся рогожи в ряд» (вероятно, хозяин сушит мешки из рогожи), происходит чудо: рождение «семерых щенят». В строфе важно слово «златятся». Оно и создаёт ощущение благополучия, привычной обстановки, где у собаки есть привычный угол — «ржаной закут». Благостное настроение усиливается во второй строфе: заботливо вылизывает собака всех семерых своих питомцев, отдаёт им своё тепло «И струился снежок подталый / Под тёплым её животом».

Тревога неожиданно врывается в эту почти идиллическую картину. Внезапно «Вышел хозяин *хмурый...*». Сразу же ещё один тревожный знак: «Семерых всех поклат в мешок». Выделенные глухие согласные — ещё не аллитерация, но обилие их в одной строке тоже сигнал.

Дальше происходит композиционный «слом». Начинается стремительное движение хозяина со щенятами в мешке и собаки. Посмотрите, как в этой строфе будут ощущаться звонкие звуки, звуки [л] и [р]:

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...

Обратите внимание на это многоточие — всё самое страшное произошло. И дальше — точно плач передан звуком:

И так долго, долго дрожала
Воды незамёрзшей гладь.

В третьей строфе протяжность происходящего подчёркивается пять раз повторенным гласным звуком [о]. В нём

не только протяжность, но и вопль, сдавленный крик: «о-о-о-о-о»!

В предпоследней строфе спокойная «синяя высь» резко противопоставлена скулению собаки. Но как она глядит в эту высь — *звонко*! Сколько пронзительной боли в этом «звонком» слове. Согласитесь, не так резко, страшно было бы здесь слово «глухо». Изменить ничего нельзя: месяц проплывает и уходит. И незачем уже жить. Последние два стиха также выразительны; противопоставление неожиданно и точно даёт ответ на вопрос кто есть кто: «глаза собачьи» — «золотые звёзды». Не о хозяине-убийце же говорить!

Есенин, который вообще потрясающе проникновенно декламировал свои произведения, это стихотворение читал особенно. Максим Горький вспоминал:

«Я просил его прочитать о собаке, у которой отняли и бросили в реку семерых щенят... Я сказал ему, что, на мой взгляд, он первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью пишет о животных.

— Да, я очень люблю всякое зверьё, — молвил Есенин задумчиво и тихо... Он пощупал голову обеими руками и начал читать «Песнь о собаке». И когда произнёс последние строки:

Покатались глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег, —

на его глазах сверкнула слеза.

После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком».

1. Какое впечатление произвело на вас стихотворение? Дайте развёрнутый ответ.
2. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения. Подумайте, с какой интонацией, в каком темпе вы будете читать каждую строку стихотворения. Отметьте паузы, понижение и повышение тона.
3. Какая мысль, заявленная в статье, актуальна и для стихотворения «Песнь о собаке», и в целом — для произведений поэта, посвящённых теме природы?
4. Самостоятельно подберите из произведений Есенина одно стихотворение о природе. Подготовьте его для чтения на поэтическом вечере.

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колёс на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнёт кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Татьяна Фёдоровна Есенина —
мать поэта. 1946 г.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольётся
Молоко твоих рыжих коров.
1917

Вопросы и задания

1. О чём мечтает поэт в стихотворении «Разбуди меня завтра рано...»? Дайте ответ строками стихотворения.
2. Каким настроением проникнуто прочитанное стихотворение?
3. Найдите в стихотворении художественно-выразительные средства.

С.А. Есенин. 1921 г.

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА С.А. ЕСЕНИНА

Мы уже говорили с вами о том, что одно и то же произведение разными людьми и в разных обстоятельствах может восприниматься по-разному. Стихотворение «Разбуди меня завтра рано...» — именно такой случай. С.А. Толстая-Есенина отмечала: «По словам Есенина, это стихотворение явилось первым его откликом на февральскую революцию». Конечно, образ «дорогого гостя», которого выходит в поле встречать лирический персонаж стихотворения, может восприниматься как образ революции. Но возможен и другой взгляд на это стихотворение.

Искать точный ответ на вопрос: какого «дорогого гостя» имеет в виду поэт? — наверное, бессмысленно. Но кое-какие предположения, если мы внимательно, медленно будем читать стихотворение, сделать можно.

Во многих стихотворениях С.А. Есенина переплетены несколько образов: родной природы, дома и творчества. Не является исключением и этот текст.

Прежде всего можно отметить особое отношение поэта к матери, которое проявляется в сдержанно-уважительном обращении: «моя терпеливая мать». Что скрывает эпитет «терпеливая»? Мать поэта — крестьянка, хозяйка. Труд крестьянский сложен, требует терпения, сил, забот. Но, думается, не только это подразумевает молодой поэт. Здесь, наверное, есть и другая мысль — мать терпеливо, с пониманием относится к некрестьянским «забавам» сына: сочинению стихов. И поэт словно убеждает мать: «не переживай, у меня всё получится...» В чём кроется эта уверенность?

В последней строчке первой строфы и появляется загадочный центральный образ — «дорогой гость». Кто он? Давайте выпишем слова, которые окружают этот образ. Он оставил «След широких колёс на лугу»; «Треплет ветер под облачной кущей / Золотую его дугу». Не правда ли, образ «золотой дуги» напоминает нам возникшую на небосводе радугу, которую пересекают (словно треплют) небольшие, гонимые ветром облака? «Дорогой гость» похож на сказочный персонаж — на игривой своей кобылице он мчится в «шапке-месяце». На этой первой половине стихотворения тема таинственного «дорогого гостя» исчерпывается, и поэт вновь возвращается к теме, возникшей в первых стихах первой строфы, — дома и собственного творчества:

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольётся
Молоко твоих рыжих коров.

Такая композиция (вспомним, что *композиция* — это построение художественного произведения) не случайна. Вначале идёт разговор о «дорогом госте», которого важно встретить поэту. Этот гость несёт на себе все приметы главной есенинской темы: природы, воспринимаемой по-крестьянски, природы величественно-красивой и таинственной. Но зачем поэту вставать так рано, чтобы увидеть виденное с первого дня рождения, впитанное с молоком матери? В том-то и дело, что это та и не та природа. Скорее, это даже не просто природа, а основа таланта поэта. Его «дорогой гость» — его талант. И талант этот всегда будет связан с милым краем («домом»), его природой и трудом близких поэту людей. На него, на песни, сочинённые поэтом, «прольётся / Молоко твоих рыжих коров».

Живое слово

Может быть, в вашем воображении возникнет другой образ, появится другое объяснение. Это было бы очень интересно. Изложите своё восприятие этого стихотворения.

Советуем прочитать

1. Уже в названии книги воспоминаний сестры С.А. Есенина Александры Есениной «Родное и близкое» отражено её главное содержание. Книга вышла в издательстве «Советская Россия» в 1968 году. Разыщите её и прочитайте.
2. С.А. Есенин посвятил сестре Шуре несколько стихотворений. Прочитайте их. О чём делится поэт со своей сестрой?

**МИХАИЛ
МИХАЙЛОВИЧ
ПРИШВИН**
1873—1954

Иные люди до конца своих дней не утрачивают дара восхищения миром. Никакие бури и трудности человеческого пути не могут повлиять на впечатлительность их нестареющей натуры. К таким людям принадлежал Михаил Михайлович Пришвин. Как ни на минуту не мог он отложить в сторону перо, так ни на миг не мог перестать радоваться жизни. Её богатства находил он повсюду, где бы ни побывал и что бы ни увидел. Пришвин был писателем в такой степени, что его невозможно представить себе без пера в руке, а в последние годы — не склонённым над пишущей машинкой.

Одна из ранних прекраснейших книг — «За волшебным колобком» — полна такого безграничного удивления перед красотами мира, что книгу эту до сих пор хочется читать медленно, так как она восхищает и богатством русского языка, и своей тонкою поэтичностью. Книги «В краю непуганых птиц», «Колобок» посвящены путешествию по Крайнему Северу России и Норвегии. «Вот у кого языку надо учиться — волшебник, знаете ли, в нашем деле», — говорил Горький о Пришвине.

Пришвин умел восхищаться и удивляться даже простым вещам, и в этом восхищении никогда не было ничего поддельного, искусственного. Он увлекался с молодым пылом то фотографией, то искусством водить автомаши-

ну. И можно было поразиться, как семидесятилетний старик, днём хорошо поработав за письменным столом, выходил студёным зимним вечером во двор, заводил машину и ездил на ней по ночным улицам Москвы, радуясь своему умению заводить мотор в зимних условиях и водить машину по обледенелым мостовым. Он никогда не устал учиться новому и каждый раз восхищался очередному для себя открытию.

Книги Пришвина отличает не только любовь к природе. Природу в русской литературе любили и живописали Сергей Аксаков и Тургенев. Но пример такого органического слияния с природой, как это чувствуешь в книгах Пришвина, не сразу подберёшь. Пришвин знал тайну слова. Он мог беседовать с листком или былинкой, и их ответ на его речь всегда казался закономерным и правдиво переданным.

В русской литературе не будет забыт своеобразный голос Пришвина, родная природа не обойдётся без поэтического рассказа о ней неутомимого её прославителя. Слушая музыку Чайковского «Времена года», мы как бы листаем книгу о нашей русской природе; читая книги Пришвина, мы, в свою очередь, как бы слышим музыку о всех временах года, а к этому человек никогда не перестанет возвращаться.

По В.Г. Лидину

Живое слово

Постарайтесь воссоздать устно портрет писателя, опираясь на рассказ В.Г. Лидина (из книги «Люди и встречи»).

М.М. Пришвин.
1940-е гг.

Дом-музей
М.М. Пришвина
(Московская обл,
Одинцовский р-н,
село Дунино, д. 2)

Фотоаппараты
М.М. Пришвина

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ

«Перелистывая страницы написанного Пришвиным, мы убеждаемся в одном: куда бы ни устремлялась мысль писателя, она неизменно возвращается к своему истоку — к основному вопросу, который питает все возникающие образы. Это вопрос взаимосвязи личности и общества и значения самой личности человека. <...>

Через многие годы, одно десятилетие за другим, проходит тема достоинства каждого человека, значительного и в то же время незаметного в сутолоке повседневности.

<...> Михаил Михайлович неоднократно говорил, что он «не умеет выдумывать». Как это понять? В моём понимании это значит, что ему не надо было расширять границы наблюдаемого им простого факта. Он лишь бесконечно усугублял его значение, оглядывал со всех сторон, приходя иногда к противоречивым оценкам. Потом ему открывалось целостное понимание... шёл дальше... Открывал новое...

В отношении природы он хотел оставаться ребёнком, обращённым с удивлением в неведомый таинственный мир. Это «осматривание» её, обнимание с разных сторон «чувством мысли»...

Долго, страстно и жадно метался он в поисках «края непуганых птиц» — так он называл для себя свою мечту о добре жизни, о прекрасном. Потом он понял очень простое: прекрасное, или, как он говорит, «небывалое», можно найти и в обычной жизни, надо только научиться видеть. Весь секрет, оказывается, во внимании. Человек, вооружённый таким пристальным вниманием, не бежит за мечтой, а останавливается прочно на месте — «становится на свой корень», и мир сам движется вокруг него. Вникая в смысл знакомых, казалось бы, предметов, человек постигает самую суть жизни, её разнообразие, её богатство и может об этом рассказать людям».

В.Д. Пришвина

Вопросы и задания

?

1. Как вы поняли слова В.Д. Пришвиной о том, что «куда бы ни устремлялась мысль писателя, она неизменно возвращается к своему истоку»?
2. Какие главные особенности Пришвина-писателя отмечали исследователи его творчества?
3. Как вы поняли слова писателя о том, что «прекрасное», «небывалое» можно найти и в обычной жизни, надо только научиться видеть?

В одном селе, возле Блудова болота, в районе города Переславль-Залесского, осиротели двое детей. Их мать умерла от болезни, отец погиб на Отечественной войне.

Мы жили в этом селе всего только через один дом от детей. И, конечно, мы тоже вместе с другими соседями старались помочь им, чем только могли. Они были очень милые. Настя была как золотая курочка на высоких ножках. Волосы у неё, ни тёмные, ни светлые, отливали золотом, веснушки по всему лицу были крупные, как золотые монетки, и частые, и тесно им было, и лезли они во все стороны. Только носик один был чистенький и глядел вверх.

Митраша был моложе сестры на два года. Ему было всего только десять лет с хвостиком. Он был коротенький, но очень плотный, лобастый, затылок широкий. Это был мальчик упрямый и сильный.

«Мужичок в мешочке», улыбаясь, называли его между собой учителя в школе.

«Мужичок в мешочке», как и Настя, был в золотых веснушках, а носик его, чистенький тоже, как у сестры, глядел вверх.

После родителей всё их крестьянское хозяйство досталось детям: изба пятистенная, корова Зорька, телушка Дочка, коза Дереза, безымённые овцы, куры, золотой петух Петя и поросёнок Хрен.

Вместе с этим богатством досталась, однако, детишкам бедным и большая забота о всех живых существах. Но с такой ли бедой справлялись наши дети в тяжкие годы Отечественной войны! Вначале, как мы уже говорили, к детям приходили помогать их дальние родственники и все мы, соседи. Но очень что-то скоро умненькие и дружные ребята сами всему научились и стали жить хорошо.

И какие это были умные детишки! Если только возможно было, они присоединялись к общественной работе. Их носики можно было видеть на колхозных полях, на лугах, на скотном дворе, на собраниях, в противотанковых рвах: носики такие задорные.

В этом селе мы, хотя и приезжие люди, знали хорошо жизнь каждого дома. И теперь можем сказать: не было ни одного дома, где бы жили и работали так дружно, как жили наши любимцы.

Точно так же, как и покойная мать, Настя вставала далеко до солнца, в предрассветный час, по трубе пастуха. С хворостиной в руке выгоняла она своё любимое стадо и катилась обратно в избу. Не ложась уже больше спать, она растопляла печь, чистила картошку, заправляла обед и так хлопотала по хозяйству до ночи.

Митраша выучился у отца делать деревянную посуду: бочонки, шайки, лохани. У него есть фуганок, ладило¹ длиной больше чем в два его роста. И этим ладиллом он подгоняет дощечки одну к другой, складывает и обдерживает² железными или деревянными обручами.

При корове двум детям не было такой нужды, чтобы продавать на рынок деревянную посуду, но добрые люди просят: кому — шайку на умывальник, кому нужен под капли бочонок, кому — кадушечку солить огурцы или грибы, или даже простую посудинку с зубчиками — домашний цветок посадить.

Сделает, и потом ему тоже оплатят добром. Но, кроме бондарства, на нём лежит и всё мужское хозяйство и общественное дело. Он бывает на всех собраниях, старается понять общественные заботы — и, наверное, что-то смекает.

Очень хорошо, что Настя постарше брата на два года, а то бы он непременно зазнался и в дружбе у них не было бы, как теперь, прекрасного равенства. Бывает, и теперь Митраша вспомнит, как отец наставлял его мать, и взду-

¹ *Ладило* — бондарный инструмент.

² *Обдерживает* — обхватывает, связывает.

мает, подражая отцу, тоже учить свою сестру Настю. Но сестрёнка мало слушается, стоит и улыбается... Тогда «Мужичок в мешочке» начинает злиться и хорохориться и всегда говорит, задрав нос:

— Вот ещё!

— Да что ты хорохоришься? — возражает сестра.

— Вот ещё! — сердится брат. — Ты, Настя, сама хорохоришься.

— Нет, это ты!

— Вот ещё!

Так, помучив строптивого брата, Настя оглаживает его по затылку. И как только маленькая ручка сестры коснётся широкого затылка брата, отцовский задор покидает хозяина.

— Давай-ка вместе полоть огурцы, или свёклу мотыжить, или картошку сажать.

* * *

Кислая и очень полезная для здоровья ягода клюква растёт в болотах летом, а собирают её поздней осенью. Но не все знают, что самая-самая хорошая клюква, сладкая, как у нас говорят, бывает, когда она перележит зиму под снегом.

Этой весной снег в густых ельниках ещё держался и в конце апреля, но в болотах всегда бывает много теплее: там в это время снега уже не было вовсе. Узнав об этом от людей, Митраша и Настя стали собираться за клюквой. Ещё до свету Настя задала корм всем своим животным. Митраша взял отцовское двустольное ружьё «Тулку», манки¹ на рябчиков и не забыл тоже и компас. Никогда, бывало, отец его, отправляясь в лес, не забудет этого компаса. Не раз Митраша спрашивал отца:

— Всю жизнь ты ходишь по лесу, и тебе лес известен весь, как ладонь. Зачем же тебе ещё нужна эта стрелка?

— Видишь, Дмитрий Павлович, — отвечал отец, — в лесу эта стрелка тебе добрей матери: бывает, небо закроется

¹ *Манки* (мапок) — свистки, издающие звуки, очень похожие на голоса птиц, которых приманивает охотник.

тучами, и по солнцу в лесу ты определиться не можешь, пойдёшь наугад — ошибёшься, заблудишься, заголодаешь. Вот тогда взгляни только на стрелку — и она укажет тебе, где твой дом. Пойдёшь прямо по стрелке домой, и тебя там покормят. Стрелка эта тебе верней друга: бывает, друг твой изменит тебе, а стрелка неизменно всегда, как её ни верти, всё на север глядит.

Осмотрев чудесную вещь, Митраша запер компас, чтобы стрелка в пути не дрожала. Он хорошо, по-отцовски, обернул вокруг ног портянки, вправил в сапоги, картузик надел такой старый, что козырёк его разделился надвое: верхняя корочка задралась выше солнца, а нижняя спускалась почти до самого носика. Оделся же Митраша в отцовскую старую куртку, вернее же в воротник, соединяющий полосы когда-то хорошей домотканой материи. На животике своём мальчик связал эти полосы кушаком, и отцовская куртка села на нём, как пальто, до самой земли. Ещё сын охотника заткнул за пояс топор, сумку с компасом повесил на правое плечо, двустольную «Тулку» — на левое и так сделался ужасно страшным для всех птиц и зверей.

Настя, начиная собираться, повесила себе через плечо на полотенце большую корзину.

— Зачем тебе полотенце? — спросил Митраша.

— А как же? — ответила Настя. — Ты разве не помнишь, как мама за грибами ходила?

— За грибами! Много ты понимаешь: грибов бывает много, так плечо режет.

— А клюквы, может быть, у нас ещё больше будет.

И только хотел сказать Митраша своё «вот ещё!», вспомнилось ему, как отец о клюкве сказал, ещё когда собирали его на войну.

— Ты это помнишь, — сказал Митраша сестре, — как отец нам говорил о клюкве, что есть палестинка¹ в лесу...

— Помню, — ответила Настя, — о клюкве говорил, что знает местечко и клюква там осыпучая, но что он о какой-

¹ Палестинкой называют в народе какое-нибудь отменно приятное местечко в лесу. (Примеч. авт.)

то палестинке говорил, я не знаю. Ещё помню, говорил про страшное место Слепую елань¹.

— Вот там, возле елани, и есть палестинка, — сказал Митраша. — Отец говорил: идите на Высокую гриву и после того держите на север и, когда перевалите через Звонкую борину, держите всё прямо на север и увидите — там придёт вам палестинка, вся красная, как кровь, от одной только клюквы. На палестинке ещё никто не бывал!

Митраша говорил это уже в дверях. Настя во время рассказа вспомнила: у неё от вчерашнего дня остался целый, нетронутый чугунок варёной картошки. Забыв о палестинке, она тихонечко шмыгнула к загнетке² и опрокинула в корзинку весь чугунок.

«Может быть, ещё и заблудимся, — подумала она. — Хлеба у нас взято довольно, есть бутылка молока, а картошка, может быть, тоже пригодится».

А брат в это время, думая, что сестра всё стоит за его спиной, рассказывал ей о чудесной палестинке и что, правда, на пути к ней Слепая елань, где много погибло и людей, и коров, и коней.

— Ну, так что это за палестинка? — спросила Настя.

— Так ты ничего не слыхала?! — схватился он.

И терпеливо повторил ей уже на ходу всё, что слышал от отца о не известной никому палестинке, где растёт сладкая клюква.

* * *

Лет двести тому назад ветер-сеятель принёс два семечка в Блудово болото: семя сосны и семя ели. Оба семечка легли в одну ямку возле большого плоского камня... С тех пор уже лет, может быть, двести эти ель и сосна вместе растут. Их корни с малолетства сплелись, их стволы тянулись вверх рядом к свету, стараясь обогнать друг друга. Деревья

¹ *Елань* — топкое место в болоте, всё равно что прорубь на льду. (Примеч. авт.)

² *Загнетка* — углубление в русской печи, куда сгребаются горячие угли.

разных пород боролись между собой корнями за питание, сучьями — за воздух и свет. Поднимаясь всё выше, толстая стволами, они впивались сухими сучьями в живые стволы и местами насквозь прокололи друг друга. Злой ветер, устроив деревьям такую несчастную жизнь, прилетал сюда иногда покачать их. И тогда деревья так стонали и выли на всё Блудово болото, как живые существа, что лисичка, свернувшаяся на моховой кочке в клубочек, поднимала вверх свою острую мордочку. До того близок был живым существам этот стон и вой сосны и ели, что одичавшая собака в Блудовом болоте, услышав его, выла от тоски по человеку, а волк выл от неизбывной злобы к нему.

Сюда, к Лежащему камню, пришли дети в то самое время, когда первые лучи солнца, пролетев над низенькими корявыми болотными ёлочками и берёзками, осветили Звонкую борину, и могучие стволы соснового бора стали как зажжённые свечи великого храма природы. Оттуда сюда, к этому плоскому камню, где сели отдохнуть дети, слабо долетало пение птиц, посвящённое восходу великого солнца.

Было совсем тихо в природе, и дети, озябшие, до того были тихи, что тетерев Косач не обратил на них никакого внимания. Он сел на самом верху, где сук сосны и сук ели сложились, как мостик между двумя деревьями. Устроившись на этом мостике, для него довольно широко, ближе к ели, Косач как будто стал расцветать в лучах восходящего солнца. На голове его гребешок загорелся огненным цветком. Синяя в глубине чёрного грудь его стала переливать из синего на зелёное. И особенно красив стал его радужный, раскинутый лирой хвост. Завидев солнце над болотными, жалкими ёлочками, он вдруг подпрыгнул на своём высоком мостике, показав своё белое, чистейшее бельё подхвостья, подкрылья, и крикнул:

— Чуф! Ши!

По-тетеревиному «чуф», скорее всего, значило «солнце», а «ши», вероятно, было у них наше «здравствуй».

В ответ на это первое чуфыканье Косача-токовика далеко по всему болоту раздалось такое же чуфыканье

с хлопанием крыльев, и вскоре со всех сторон сюда стали прилетать и садиться вблизи Лежащего камня десятки больших птиц, как две капли воды похожих на Косача.

Затаив дыхание, сидели дети на холодном камне, дожидаясь, когда и к ним придут лучи солнца и обогреют их хоть немного. И вот первый луч, скользя по верхушкам ближайших, очень маленьких ёлочек, наконец-то заиграл на щеках у детей.

Неподвижные, как изваяния¹, сидели на камне охотники за сладкой клюквой. Солнце, такое горячее и чистое, вышло против них над болотными ёлочками. Но случилось на небе в это время одно облако. Оно явилось, как холодная синяя стрелка, и пересекло собой пополам восходящее солнце. В то же время вдруг ветер рванул, ёлка нажала на сосну, и сосна простонала. Ветер рванул ещё раз, и тогда нажала сосна, и ель зарычала.

В это время, отдохнув на камне и согревшись в лучах солнца, Настя с Митрашей встали, чтобы продолжать дальше свой путь. Но у самого камня довольно широкая болотная тропа расходилась вилкой: одна, хорошая, плотная тропа, шла направо, другая, слабенькая, прямо.

Проверив по компасу направление троп, Митраша, указывая на слабую тропу, сказал:

— Нам надо по этой на север.

— Это не тропа! — ответила Настя.

— Вот ещё! — рассердился Митраша. — Люди шли, — значит, тропа. Нам надо идти на север. Идём, и не разговаривай больше.

Насте было обидно подчиниться младшему Митраше.

— Кра! — крикнула в это время ворона в гнезде.

И её самец мелкими шажками перебежал ближе к Косачу на полмостика.

Вторая круто-синяя стрелка пересекла солнце, и сверху стала надвигаться серая хмарь. Золотая Курочка собралась с силами и попробовала уговорить своего друга.

¹ Изваяние — статуя.

— Смотри, — сказала она, — какая плотная моя тропа, тут все люди ходят. Неужели мы умней всех?

— Пусть ходят все люди, — решительно ответил упрямый «Мужичок в мешочке». — Мы должны идти по стрелке, как отец нас учил, на север, к палестинке.

— Отец нам сказки рассказывал, он шутил с нами, — сказала Настя, — и, наверно, на севере вовсе и нет никакой палестинки. Очень даже будет глупо нам по стрелке идти: как раз не на палестинку, а в самую Слепую елань угодим.

— Ну ладно, — резко повернул Митраша, — я с тобой больше спорить не буду: ты иди по своей тропе, куда все бабы ходят за клюквой, я же пойду сам по себе, по своей тропке, на север.

И в самом деле пошёл туда, не подумав ни о корзине для клюквы, ни о пище.

Насте бы надо было об этом напомнить ему, но она так сама рассердилась, что, вся красная, как кумач, плюнула вслед ему и пошла за клюквой по общей тропе.

— Кра! — закричала ворона.

И самец, быстро перебежав по мостику остальной путь до Косача, со всей силой долбанул его. Как ошпаренный метнулся Косач к улетающим тетеревам, но разгневанный самец догнал его, вырвал, пустил по воздуху пучок белых и радужных пёрышек и погнал далеко.

Тогда серая хмарь плотно надвинулась и закрыла всё солнце с его живительными лучами. Злой ветер очень резко рванул. Сплетённые корнями деревья, прокалывая друг друга сучьями, на всё Блудово болото зарычали, завыли, застонали.

* * *

Деревья так жалобно стонали, что из полуобвалившейся картофельной ямы возле сторожки Антипыча вылезла его гончая собака Травка и точно так же, в тон деревьям, жалобно завывала. Зачем же надо было вылезать собаке так рано из тёплого, налёжанного подвала и жалобно выть, отвечая деревьям?

Среди звуков стога, рычания, ворчания, воя в это утро у деревьев иногда выходило так, будто где-то горько плакал в лесу потерянный или покинутый ребёнок.

Вот этот плач и не могла выносить Травка и, заслышав его, вылезала из ямы в ночь и в полночь. Этот плач сплетённых навеки деревьев не могла выносить собака: деревья животному напоминали о его собственном горе.

Уже целых два года прошло, как случилось ужасное несчастье в жизни Травки: умер обожаемый ею лесник, старый охотник Антипыч.

Мы с давних лет ездили к этому Антипычу на охоту, и старик, думается, сам позабыл, сколько ему было лет, всё жил, жил в своей лесной сторожке, и казалось — он никогда не умрёт.

— Сколько тебе лет, Антипыч? — спрашивали мы. — Восемьдесят?

— Мало, — отвечал он.

— Сто?

— Много.

— Антипыч, ну брось свои шутки, скажи нам по правде, сколько же тебе лет?

— По правде, — отвечал старик, — я вам скажу, если вы вперёд скажете мне, что есть правда, какая она, где живёт и как её найти.

Трудно было ответить нам.

— Ты, Антипыч, старше нас, — говорили мы, — и ты, наверно, сам лучше нас знаешь, где правда.

— Знаю, — усмехался Антипыч.

— Ну, скажи.

— Нет, пока жив я, сказать не могу, вы сами ищите. Ну, а как умирать буду, приезжайте, я вам тогда на ушко перешепну всю правду. Приезжайте!

— Хорошо, приедем. А вдруг не угадаем, когда надо, и ты без нас померёшь?

Дедушка прищурился по-своему, как он всегда щурился, когда хотел посмеяться и пошутить.

— Деточки, — сказал он, — вы не маленькие, пора бы самим знать, а вы всё спрашиваете. Ну, ладно уж, когда помирать соберусь и вас тут не будет, я Травке своей перешепчу. Травка! — позвал он.

В хату вошла большая рыжая собака с чёрным ремешком по всей спине. У неё под глазами были чёрные полосы с загибом вроде очков. И от этого глаза казались очень большими, и ими она спрашивала: «Зачем позвал меня, хозяин?»

Антипыч как-то особенно поглядел на неё, и собака сразу поняла человека: он звал её по приятельству, по дружбе, ни для чего, а просто так, пошутить, поиграть. Травка замала хвостом, стала снижаться на ногах все ниже, ниже и, когда подползла так к коленям старика, легла на спину и повернула вверх светлый живот с шестью парами чёрных сосков. Антипыч только руку протянул было, чтобы погладить её, она как вдруг вскочит и лапами на плечи — и чмок и чмок его: и в нос, и в щёки, и в самые губы.

— Ну, будет, будет, — сказал он, успокаивая собаку и вытирая лицо рукавом.

Погладил её по голове и сказал:

— Ну, будет, теперь ступай к себе.

Травка повернулась и вышла во двор.

— То-то, ребята, — сказал Антипыч, — вот Травка, собака гончая, с одного слова всё понимает, а вы, глупенькие, спрашиваете, где правда живёт. Ладно же, приезжайте. А упустите меня, Травке я всё перешепчу.

И вот умер Антипыч. Вскоре после этого началась Великая Отечественная война. Другого сторожа на место Антипыча не назначили и сторожку его бросили. Очень ветхий был домик, старше много самого Антипыча, и держался уже на подпорках. Как-то раз без хозяина ветер поиграл с домиком, и он сразу весь развалился, как разваливается карточный домик от одного дыхания младенца. В один год высокая трава иван-чай проросла через брёвнышки, и от всей избушки остался на лесной поляне холмик, покрытый красными цветами. А Травка переселилась в картофельную яму и стала жить в лесу, как и всякий зверь.

Сказка-быль проиллюстрирована
фотографиями М.М. Пришвина
1930-х гг.

Только очень трудно было Травке привыкать к дикой жизни. Она гоняла зверей для Антипыча, своего великого и милостивого хозяина, но не для себя. Много раз случилось ей на гону¹ поймать зайца. Подмяв его под себя, она ложилась и ждала, когда Антипыч придёт, и, часто вовсе голодная, не позволяла себе есть зайца. Даже если Антипыч почему-нибудь не приходил, она брала зайца в зубы, высоко задирала голову, чтобы он не болтался, и тащила домой. Так она и работала на Антипыча, но не на себя: хозяин любил её, кормил и берёг от волков. А теперь, когда умер Антипыч, ей нужно было, как и всякому дикому зверю, жить для себя. Случалось, не один раз на жарком гону она забывала, что гонит зайца только для того, чтобы

¹ На гонѹ — в погоне, в быстром беге.

поймать его и съесть. До того забывалась Травка на такой охоте, что, поймав зайца, тащила его к Антипычу, и тут иногда, услышав стон деревьев, взбиралась на холм, бывший когда-то избушкой, и выла, и выла...

К этому вою давно уже прислушивался волк, Серый помещик...

...В то утро, когда дети между собой поссорились и пошли по разным тропам, Серый лежал голодный и злой. Когда ветер замутил утро и завывли деревья возле Лежачего камня, он не выдержал и вылез из своего логова. Он стал над завалом, поднял голову, подобрал и так тощий живот, поставил единственное ухо на ветер, выпрямил половину хвоста и завыл.

Какой это жалобный вой. Но ты, прохожий человек, если услышишь и у тебя поднимется ответное чувство, не верь жалости: воет не собака, вернейший друг человека, — это волк, злейший враг его, самой злобой своей обречённый на гибель. Ты, прохожий, побереги свою жалость не для того, кто о себе воет, как волк, а для того, кто, как собака, потерявшая хозяина, воет, не зная, кому же теперь после него ей послужить.

* * *

Слепая елань, куда повела Митрашу стрелка компаса, было место погибельное, и тут на веках немало затянуло в болото людей и ещё больше скота. И уж, конечно, всем, кто идёт в Блудово болото, надо хорошо знать, что это такое Слепая елань.

Мы это так понимаем, что всё Блудово болото, со всеми огромными запасами горючего торфа, есть кладовая солнца. Да, вот именно так и есть, что горячее солнце было матерью каждой травинки, каждого цветочка, каждого болотного кустика и ягодки. Всем им солнцу отдавало своё тепло, и они, умирая, разлагаясь, в удобрении передавали его, как наследство, другим растениям, кустикам, ягодкам, цветкам и травинкам. Но в болотах вода не даёт родителям-растениям передавать всё своё добро детям.

Тысячи лет это добро под водой сохраняется, болото становится кладовой солнца, и потом вся эта кладовая солнца, как торф, достаётся человеку в наследство.

Блудово болото содержит огромные запасы горючего, но слой торфа не везде одинаковой толщины. Там, где сидели дети, у Лежачего камня, растения слой за слоем ложились друг на друга тысячи лет. Тут был старейший пласт торфа, но дальше, чем ближе к Слепой елани, слой становился всё моложе и тоньше.

Мало-помалу, по мере того как Митраша продвигался вперёд по указанию стрелки и тропы, кочки под его ногами становились не просто мягкими, как раньше, а полужидкими. Ступит ногой как будто на твёрдое, а нога уходит, и становится страшно: не совсем ли в пропасть уходит нога? Попадают какие-то вертлявые кочки, приходится выбирать место, куда ногу поставить. А потом и так пошло, что ступишь, а у тебя под ногой от этого вдруг, как в животе, заурчит и побежит куда-то под болотом.

Земля под ногой стала, как гамак, подвешенный над тинистой бездной. На этой подвижной земле, на тонком слое сплетённых между собой корнями и стеблями растений, стоят редкие, маленькие, корявые и заплесневелые ёлочки. Кислая болотная почва не даёт им расти, и им, таким маленьким, лет уже по сто, а то и побольше... Ёлочки-старушки не как деревья в бору все одинаковые: высокие, стройные, дерево к дереву, колонна к колонне, свеча к свече. Чем старше старушка на болоте, тем кажется чуднее. То вот одна голый сук подняла, как руку, чтобы обнять тебя на ходу, а у другой палка в руке, и она ждёт тебя, чтобы хлопнуть, третья присела зачем-то, четвёртая стоя вяжет чулок, — и так все: что ни ёлочка, то непременно на что-то похожа.

Слой под ногами у Митраши становился всё тоньше и тоньше, но растения, наверное, очень крепко сплелись и хорошо держали человека, и, качаясь и покачивая всё далеко вокруг, он всё шёл и шёл вперёд. Митраше оставалось только верить тому человеку, кто шёл впереди его и оставил даже тропу после себя.

Очень волновались старушки ёлки, пропуская между собой мальчика с длинным ружьём, в картузе с двумя козырьками. Бывает, одна вдруг поднимется, как будто хочет смельчака палкой ударить по голове, и закроет собой впереди всех других старушек. А потом опустится, и другая колдунья тянет к тропе костлявую руку. И ждѣшь — вот-вот, как в сказке, полянка покажется, и на ней избушка колдуньи с мѣртвыми головами на шестах...

Чѣрный ворон, стерегуший гнездо на борине, облетая по сторожевому кругу болото, заметил маленького охотника с двойным козырьком. Весной и у ворона тоже является особый крик, похожий на то, как если человек крикнет горлом и в нос: «Дрон-тон!» Есть непонятные и неуловимые нашим ухом оттенки в основном звуке, и оттого мы не можем понять разговор воронов, а только догадываемся, как глухонемые.

— Дрон-тон! — крикнул сторожевой ворон в том смысле, что какой-то маленький человек с двойным козырьком и ружьём близится к Слепой елани и что, может быть, скоро будет пожива.

— Дрон-тон! — ответила издали на гнезде ворон-самка.

И это значило у неё:

— Слышу и жду!

Сороки, состоящие с воронами в близком родстве, заметили перекличку воронов и застрекотали. И даже лисичка после неудачной охоты за мышами навестила уши на крик ворона.

Митраша всё это слышал, но ничуть не трусил, — что ему было трусить, если под его ногами тропа человеческая: шѣл такой же человек, как и он, значит, и он сам, Митраша, мог по ней смело идти. И, услышав ворона, он даже запел:

Ты не вейся, чѣрный ворон,

Над моею головой!

Пение подбодрило его ещё больше, и он даже смекнул, как ему сократить трудный путь по тропе. Поглядывая себе

под ноги, он заметил, что нога его, опускаясь в грязь, сейчас же собирает туда, в ямку, воду. Так и каждый человек, проходя по тропе, спускал воду из мха пониже, и оттого на осушенной бровке, рядом с ручейком тропы, по ту и другую сторону аллейкой вырастала высокая сладкая трава белоус. По этой, не жёлтого цвета, как всюду было теперь ранней весной, а скорее цвета белого, траве можно было далеко впереди себя понять, где проходит тропа человеческая. Вот Митраша увидел: его тропа круто заворачивает влево и туда идёт далеко и там совсем исчезает. Он проверил по компасу, стрелка глядела на север, тропа уходила на запад.

— Чьи вы? — закричал в это время чибис.

— Жив, жив! — ответил кулик.

— Дрон-тон! — ещё уверенней крикнул ворон.

И кругом в ёлочках затрещали сороки.

Оглядев местность, Митраша увидел прямо перед собой чистую, хорошую поляну, где кочки, постепенно снижаясь, переходили в совершенно ровное место. Но самое главное: он увидел, что совсем близко по той стороне поляны змеилась высокая трава белоус — неизменный спутник тропы человеческой. Узнавая по направлению белоуса тропу, идущую не прямо на север, Митраша подумал: «Зачем же я буду поворачивать налево, на кочки, если тропа вон, рукой подать, виднеется там, за полянкой?»

И он смело пошёл вперёд, пересекая чистую полянку...

— Эх вы! — бывало, говорил нам Антипыч, когда мы провалимся в болото, придём домой грязные, мокрые. — Ходите вы, ребята, одетые и обутые.

— А то как же?

— Ходили бы, — отвечал он, — голенькие и разутые.

— Зачем же голенькие и разутые?

А он то-то над нами покатывался.

Так мы ничего и не понимали, чему смеялся старик.

Теперь только, через много лет, приходят в голову слова Антипыча, и всё становится понятным: обращал к нам Антипыч эти слова, когда мы, ребяташки, задорно и уверенно посвистывая, говорили о том, чего ещё вовсе не испытали.

Антипыч, предлагая ходить нам голенькими и разутыми, только не договаривал: «Не зная броду, не лезьте в воду».

Так вот и Митраша. И благоразумная Настя предупредила его. И трава белоус показывала направление обхода елани. Нет! Не зная броду, оставил выбитую тропу человеческую и прямо полез в Слепую елань. А между тем тут-то вот именно, на этой полянке, вовсе прекращалось сплетение растений, тут была елань, то же самое, что зимой в пруду прорубь. В обыкновенной елани всегда бывает видна хоть чуть-чуть водица, прикрытая белыми прекрасными купавами, водяными лилиями. Вот за то эта елань называлась Слепою, что по виду её было невозможно узнать.

Митраша по елани шёл вначале лучше, чем даже раньше по болоту. Постепенно, однако, нога его стала утопать всё глубже и глубже, и становилось всё труднее и труднее вытаскивать её обратно. Тут лосю хорошо, у него страшная сила в длинной ноге, и, главное, он не задумывается и мчится одинаково и в лесу, и в болоте. Но Митраша, почуввав опасность, остановился и призадумался над своим положением. В один миг остановки он погрузился по колено, в другой миг ему стало выше колен. Он ещё мог бы, сделав усилие, вырваться из елани обратно. И надумал было он повернуться, положить ружьё на болото и, опираясь на него, выскочить. Но тут же, совсем недалеко от себя, впереди, увидел высокую белую траву на следу человеческом.

— Перескочу, — сказал он.

И рванулся.

Но было уже поздно. Сгорая, как раненый, — пропадать так уж пропадать, — на авось рванулся ещё, и ещё, и ещё. И почувствовал себя плотно схваченным со всех сторон по самую грудь. Теперь даже и сильно дыхнуть ему нельзя было, при малейшем движении его тянуло вниз. Он мог сделать только одно: положить плашмя ружьё на болото и, опираясь на него двумя руками, не шевелиться и успокоить поскорее дыхание. Так он и сделал: снял с себя ружьё, положил его перед собой, опёрся на него той и другой рукой.

Внезапный порыв ветра принёс ему пронзительный Настин крик:

— Митраша!

Он ей ответил.

Но ветер был с той стороны, где Настя, и уносил его крик в ту сторону Блудова болота, на запад, где без конца были только ёлочки. Одни сороки отзывались ему и, перелетая с ёлочки на ёлочку с обычным их тревожным стрекотаньем, мало-помалу окружили всю Слепую елань и, сидя на верхних пальчиках ёлок, тонкие, носатые, длиннохвостые, стали трещать, одни вроде:

— Дри-ти-ти!

Другие:

— Дра-та-та!

— Дрон-тон! — крикнул ворон сверху...

И очень умные на всякое поганое дело сороки смекнули о полном бессилии погружённого в болото маленького человечка. Они соскочили с верхних пальчиков ёлок на землю и с разных сторон начали прыжками своё сорочье наступление.

Маленький человечек с двойным козырьком кричать перестал. По его загорелому лицу, по щекам блестящими ручейками потекли слёзы.

* * *

Кто никогда не видал, как растёт клюква, тот может очень долго идти по болоту и не замечать, что он по клюкве идёт. Вот взять ягоду чернику, — та растёт, и её видишь: стебелёчек тоненький тянется вверх, по стебельку, как крылышки, в разные стороны зелёные маленькие листики, и у листиков сидят мелким горошком чернички, чёрные ягодки с синим пушком. Так же брусника, кровяно-красная ягода, листики тёмно-зелёные, плотные, не желтеют даже под снегом, и так много бывает ягоды, что место кажется кровью полито. Ещё растёт в болоте голубика кустиком, ягода голубая, более крупная, не пройдёшь, не заметив. В глухих местах, где живёт огромная птица глухарь, встречается костяника, красно-рубиновая ягода

кисточкой, и каждый рубинчик в зелёной оправе. Только у нас одна-единственная ягода клюква, особенно ранней весной, прячется в болотной кочке и почти невидима сверху. Только уж когда очень много её соберётся на одном месте, заметишь сверху и подумаешь: «Вот кто-то клюкву рассыпал». Наклонишься взять одну, попробовать, и тянешь вместе с одной ягодинкой зелёную ниточку со многими клюквинками. Захочешь — и можешь вытянуть себе из кочки целое ожерелье крупных кроваво-красных ягод...

Вначале Настя срывала с плети каждую ягодку отдельно, для каждой красненькой наклонялась к земле. Но скоро из-за одной ягодки наклоняться перестала: ей больше хотелось.

Она стала уже теперь догадываться, где не одну-две ягодки можно взять, а целую горсточку, и стала наклоняться только за горсточкой. Так она ссыпает горсточку за горсточкой, всё чаще и чаще, а хочется всё больше и больше.

Бывало, раньше дома часу не поработает Настенька, чтобы не вспомнился брат, чтобы не захотелось с ним перекликнуться. А вот теперь он ушёл неизвестно куда, а она и не помнит, что ведь хлеб-то у неё, что любимый брат там где-то, в тёмном болоте; голодный идёт. Да она и о себе самой забыла и помнит только о клюкве, и ей хочется всё больше и больше.

Из-за чего же ведь и весь сыр-бор загорелся у неё при споре с Митрашей: именно, что ей захотелось идти по набитой тропе. А теперь, следуя ощупью за клюквой, — куда клюква ведёт, туда и она, — Настя незаметно сошла с набитой тропы.

Было только один раз вроде пробуждения: она вдруг поняла, что где-то сошла с тропы. Повернула туда, где, показалось, проходила тропа, но там тропы не было. Она бросилась было в другую сторону, где маячили два дерева сухие с голыми сучьями, — там тоже тропы не было. Тут-то бы к случаю и вспомнить ей про компас, как о нём говорил Митраша, и своего-то брата, своего любимого, вспомнить, что он голодный идёт, и, вспомнив, перекликнуться с ним...

И только-только бы вспомнить, как вдруг Настенька увидела такое, что не всякой клюквеннице достается хоть раз в жизни своей увидеть...

В споре своём, по какой тропе идти, дети одного не знали: что большая тропа и малая, огибая Слепую елань, обе сходились на Сухой речке и там, за Сухой, больше уже не расходясь, в конце концов выводили на большую Переславскую дорогу. Большим полукругом Настина тропа огибала по суходолу¹ Слепую елань. Митрашина тропа шла напрямик возле самого края елани. Не сплосай он, не упустит из виду траву белоус на тропе человеческой, он давным-давно бы уже был на том месте, куда пришла только теперь Настя. И это место, спрятанное между кустиками можжевельника, и было как раз той самой палестинкой, куда Митраша стремился по компасу.

Приди сюда Митраша голодный и без корзины, что бы ему было тут делать, на этой палестинке кроваво-красного цвета! На палестинку пришла Настя с большой корзиной, с большим запасом продовольствия, забытым и покрытым кислой ягодой...

На самой середине палестинки не было клюквы. Тут выдался холмистой куртинкой² частый осинник, и в нём стоял рогатый великан лось. Посмотреть на него с одной стороны — покажется, он похож на быка, посмотреть с другой — лошадь и лошадь: и стройное тело, и стройные ноги сухие, и мурло с тонкими ноздрями. Но как выгнуто это мурло, какие глаза и какие рога! Смотришь и думаешь: а может быть, и нет ничего — ни быка, ни коня, а так складывается из осинника, если вот ясно видно, как толстые губы чудовища прищёпнулись к дереву и на нежной осинке остаётся узкая белая полоска: это чудовище так кормится. Да почти и на всех осинках виднеются такие загрызы. Нет, не видение в болоте эта громадина. Но как понять, что на осиновой корочке и

¹ *Суходол* — долина без воды или низина, не заливаемая водой.

² *Куртинка* — здесь: островок.

лепестках болотного трилистника может вырасти такое большое тело? Откуда же у человека при его могуществе берётся жадность даже к кислой ягоде клюкве?

Лось, обирая осинку, с высоты своей спокойно глядит на ползающую девочку, как на всякую ползающую тварь.

Ничего не видя, кроме своей клюквы, ползёт она и ползёт к большому чёрному пню. Еле передвигает за собой корзину, вся мокрая и грязная, прежняя Золотая Курочка на высоких ножках.

Лось её и за человека не считает: у неё все повадки обычных зверей, на каких он смотрит равнодушно, как мы на бездушные камни.

А большой чёрный пенё собирает в себе лучи солнца и сильно нагревается. Вот уже начинается вечереть, воздух и всё кругом охлаждается. Но пенё, чёрный и большой, ещё сохраняет тепло. На него выползли из болота и припали к теплу шесть маленьких ящериц; четыре бабочки-лимонницы, сложив крылышки, припали усиками; большие чёрные мухи прилетели ночевать. Длинная клюквенная плеть, цепляясь за стебельки трав и неровности, оплела чёрный тёплый пенё и, сделав на самом верху несколько оборотов, спустилась по ту сторону. Ядовитые змеи-гадюки в это время года стерегут тепло, и одна, громадная, в полметра длиной, вползла на пенё и свернулась колечком на клюкве.

А девочка тоже ползла по болоту, не поднимая вверх высоко головы. И так она приползла к горелому пню и дёрнула за самую плеть, где лежала змея. Гади́на подняла голову и зашипела. И Настя тоже подняла голову...

Тогда-то, наконец, Настя очнулась, вскочила, и лось, узнав в ней человека, прыгнул из осинника и, выбрасывая вперёд сильные длинные ноги-ходули, помчался легко по вязкому болоту, как мчится по сухой тропинке заяц-русак.

Испуганная лосем, Настенька изумлённо смотрела на змею: гадюка по-прежнему лежала, свернувшись колечком, в тёплом луче солнца. Насте представилось, будто это она сама осталась там, на пне, и теперь вышла из шкуры змеиной и стоит, не понимая, где она.

Совсем недалеко стояла и смотрела на неё большая рыжая собака с чёрным ремешком на спине. Собака эта была Травка, и Настя даже вспомнила её: Антипыч не раз приходил с ней в село.

Но кличку собаки вспомнить она не могла верно и крикнула ей:

— Муравка, Муравка, я дам тебе хлебца!

И потянулась к корзине за хлебом. Доверху корзина была наполнена, и под клюквой был хлеб.

Сколько же времени прошло, сколько клюквинок легло с утра до вечера, пока огромная корзина наполнилась? Где же был за это время брат голодный и как она забыла о нём, как она сама забыла себя и всё вокруг?

Она опять поглядела на пень, где лежала змея, и вдруг пронзительно закричала:

— Братец, Митраша!

И, рыдая, упала возле корзины, наполненной клюквой.

Вот этот пронзительный крик и долетел тогда до елани, и Митраша это слышал и ответил, но порыв ветра тогда унёс крик в другую сторону.

* * *

Тот сильный порыв ветра, когда крикнула бедная Настя, был ещё не последним перед тишиной вечерней зари. Солнце в это время проходило вниз через толстое облако и выбросило оттуда на землю золотые ножки своего трона.

Если так дальше стоять, то и собачьи лапы так засосёт, что и не вытащишь. Ждать больше нельзя.

И вдруг... Ни гром, ни молния, ни солнечный восход со всеми победными звуками, ни закат с журавлиным обещанием нового прекрасного дня — ничто, никакое чудо природы не могло быть больше того, что случилось сейчас для Травки в болоте: она услышала слово человеческое — и какое слово!

Антипыч, как большой, настоящий охотник, назвал свою собаку вначале, конечно, по-охотничьи — от слова травить, и наша Травка вначале у него называлась Затрав-

ка; но после охотничья кличка на языке оболталась, и вышло прекрасное имя Травка. В последний раз, когда приходил к нам Антипыч, собака его называлась ещё Затравка. И когда загорелся огонёк в глазах маленького человека, это значило, что Митраша вспомнил имя собаки. Потом омертвевшие, синееющие губы маленького человека стали наливать кровью, краснеть, зашевелились. Вот это движение губ Травка заметила и второй раз чуть-чуть вильнула хвостом. И тогда произошло настоящее чудо в понимании Травки. Точно так же, как старый Антипыч в самое старое время, новый молодой и маленький Антипыч сказал:

— Затравка!

Узнав Антипыча, Травка мгновенно легла.

— Ну, ну! — сказал Антипыч. — Иди ко мне, умница!

И Травка в ответ на слова человека тихонечко поползла.

Но маленький человек звал её и манил сейчас не совсем от чистого сердца, как думала, наверно, сама Травка. У маленького человека в словах не только дружба и радость была, как думала Травка, а тоже тайлся и хитрый план своего спасения. Если бы он мог пересказать ей понятно свой план, с какой радостью бросилась бы она его спасать. Но он не мог сделать себя для неё понятным и должен был обманывать её ласковым словом. Ему даже надо было, чтобы она его боялась, а то если бы она его не боялась, не чувствовала хорошего страха перед могуществом великого Антипыча и по-собачьи со всех ног бросилась бы ему на шею, то неминуемо болото бы затащило в свои недра человека и его друга — собаку. Маленький человек просто не мог быть сейчас великим человеком, какой мерещился Травке. Маленький человек принуждён был хитрить.

— Затравушка, милая Затравушка! — ласкал он её сладким голосом.

А сам думал: «Ну, ползи, только ползи!»

И собака, своей чистой душой подозревая что-то не совсем чистое в ясных словах Антипыча, ползла с остановками.

— Ну, голубушка, ещё, ещё!

А сам думал: «Ползи, только ползи».

И вот понемногу она подползла. Он мог бы уже и теперь, опираясь на распластанное на болоте ружьё, наклониться немного вперёд, протянуть руку, погладить по голове. Но маленький хитрый человек знал, что от одного его малейшего прикосновения собака с визгом радости бросится на него и утопит.

И маленький человек остановил в себе большое сердце. Он замер в точном расчёте движения, как боец в определяющем исход борьбы ударе: жить ему или умереть.

Вот ещё бы маленький ползок по земле, и Травка бы бросилась на шею человека, но в расчёте своём маленький человек не ошибся: мгновенно он выбросил свою правую руку вперёд и схватил большую, сильную собаку за левую заднюю ногу.

Так неужели же враг человека так мог обмануть?

Травка с безумной силой рванулась, и она бы вырвалась из руки маленького человека, если бы тот, уже достаточно выволоченный, не схватил её другой рукой за другую ногу. Мгновенно вслед за тем он лёг животом на ружьё, выпустил собаку и на четвереньках сам, как собачка, переставляя опору-ружьё всё вперёд и вперёд, подполз к тропе, где постоянно ходил человек и где от ног его по краям росла высокая трава белоус. Тут, на тропе, он поднялся, тут он отёр последние слёзы с лица, отряхнул грязь с лохмотьев своих и, как настоящий большой человек, властно приказал:

— Иди же теперь ко мне, моя Затравка!

Услыхав такой голос, такие слова, Травка бросила все свои колебания, — перед нею стоял прежний прекрасный Антипыч. С визгом радости, узнав хозяина, кинулась она ему на шею, и человек целовал своего друга и в нос, и в глаза, и в уши.

Не пора ли сказать теперь уж, как мы сами думаем о загадочных словах нашего старого лесника Антипыча, когда он обещал нам перешепнуть свою правду собаке,

если мы сами его не застанем живым? Мы думаем, Антипыч не совсем в шутку об этом сказал. Очень может быть, тот Антипыч, как Травка его понимает, или, по-нашему, весь человек в древнем прошлом его, перешепнул своему другу собаке какую-то свою большую человеческую правду, и мы думаем: эта правда есть правда вековой суровой борьбы людей за любовь.

* * *

Нам теперь остаётся уже немного досказать о всех событиях этого большого дня в Блудовом болоте. День, как ни долог был, ещё не совсем кончился, когда Митраша выбрался из елани с помощью Травки. После бурной радости от встречи с Антипычем деловая Травка сейчас же вспомнила свой прерванный гон по зайцу. И понятно: Травка — гончая собака, и дело её — гонять для себя, но для хозяина Антипыча поймать зайца — это всё её счастье. Узнав теперь в Митраше Антипыча, она продолжала свой прерванный круг и вскоре попала на выходной след русака и по этому свежему следу сразу пошла с голосом.

Голодный Митраша, еле живой, сразу понял, что всё спасение его будет в этом зайце, что если он убьёт зайца, то огонь добудет выстрелом и, как не раз бывало при отце, испечёт зайца в горячей золе. Осмотрев ружьё, переменяв подмокшие патроны, он вышел на круг и притаился в кусту можжевельника.

Ещё хорошо можно было видеть на ружье мушку, когда Травка завернула зайца от Лежачего камня на большую Настину тропу, выгнала на палестинку, направила его отсюда на куст можжевельника, где таился охотник. Но тут случилось, что Серый, услышав возобновлённый гон собаки, выбрал себе как раз тот самый куст можжевельника, где таился охотник, и два охотника, человек и злейший враг его, встретились... Увидев серую морду от себя в пяти каких-то шагах, Митраша забыл о зайце и выстрелил почти в упор.

Серый помещик окончил жизнь свою без всяких мучений.

Гон был, конечно, сбит этим выстрелом, но Травка дело своё продолжала. Самое главное, самое счастливое было не заяц, не волк, а что Настя, услышав близкий выстрел, закричала. Митраша узнал её голос, ответил, и она вмиг к нему прибежала. После того вскоре и Травка принесла русака своему новому молодому Антипычу, и друзья стали греться у костра, готовить себе еду и ночлег.

* * *

Настя и Митраша жили от нас через дом, и когда утром заревела у них на дворе голодная скотина, мы первые пришли посмотреть, не случилось ли какой беды у детей. Мы сразу поняли, что дети дома не ночевали и, скорее всего, заблудились в болоте. Собрались мало-помалу и другие соседи, стали думать, как нам выручить детей, если они ещё только живы. И только собрались было рассыпаться по болоту во все стороны — глядим, а охотники за сладкой клюквой идут из леса гуськом, и на плечах у них шест с тяжёлой корзиной, и рядом с ними Травка, собака Антипыча.

Они рассказали нам во всех подробностях обо всём, что с ними случилось в Блудовом болоте. И всему у нас поверили — неслыханный сбор клюквы был налицо. Но

не все могли поверить, что мальчик на одиннадцатом году жизни мог убить старого, хитрого волка. Однако несколько человек из них, кто поверил, с верёвкой и большими санками отправились на указанное место и вскоре привезли мёртвого Серого помещика. Тогда все в селе на время бросили свои дела и собрались, и даже не только из своего села, а даже из соседних деревень. Сколько тут было разговоров! И трудно сказать, на кого больше глядели — на волка или на охотника в картузе с двойным козырьком. Когда переводили глаза с волка, говорили:

— А вот дразнили: «Мужичок в мешочке»!

— Был мужичок, — отвечали другие, — да сплыл, кто смел, тот два съел: не мужичок, а герой.

И тогда, незаметно для всех, прежний «Мужичок в мешочке», правда, стал переменяться и за следующие два года войны вытянулся, и какой из него парень вышел — высокий, стройный! И стать бы ему непременно героем Отечественной войны, да вот только война-то кончилась.

А Золотая Курочка тоже всех удивила в селе. Никто её в жадности, как мы, не упрекал; напротив, все одобряли и что она благоразумно звала брата на торную тропу, и что так много набрала клюквы. Но когда из детдома эвакуированных ленинградских детей обратились в село за посильной помощью больным детям, Настя отдала им всю свою целебную ягоду. Тут-то вот мы, войдя в доверие к девочке, узнали от неё, как мучилась она про себя за свою жадность.

Нам остаётся теперь сказать ещё несколько слов о себе: кто мы такие и зачем попали в Блудово болото. Мы — разведчики болотных богатств. Ещё с первых дней Отечественной войны работали над подготовкой болота для добывания в нём горючего — торфа. И мы дознались, что торфа в этом болоте хватит для работы большой фабрики лет на сто. Вот какие богатства скрыты в наших болотах! А многие до сих пор только и знают об этих великих кладовых солнца, что в них будто бы черти живут; всё это вздор, и никаких нет в болоте чертей.

1945

«Кладовую солнца» М.М. Пришвин назвал «сказкой-былью». Как вы думаете, почему писатель дал такой подзаголовок? Что в ней сказочного, выдуманного? Вы не найдёте в повествовании внешних признаков ни волшебной, ни бытовой сказки. Сказка Пришвина — это окружающий человека мир, его природа. Сказка — это сам человек: Митрашка и Настя, старый лесник Антипыч. Сказка — это умение слышать голос природы, которая бывает не только доброй, открытой, но и опасной, если не умеешь её чувствовать и понимать.

Написана была «Кладовая солнца» в 1945 году, сразу после победы в Великой Отечественной войне. И это чувство внутренне согревает каждую строку произведения.

«Кладовая солнца» — это рассказ о детях, выдержавших испытания страшной войны. Дети — это будущее страны. Кто же они? Какие они? Прежде всего они «кладовая солнца» — свет и тепло жизни хранятся в их душах, поэтому сказка-быль пронизана надеждой на лучшее.

Вопросы и задания

1. Расскажите о судьбе Митраши и Насти. Чем стала для них война?
2. Почему можно утверждать, что дети не остались беззащитными? Какую роль в их жизни играют односельчане?
3. Какими деталями Пришвин подчёркивает силу характера детей, умение жить в новых и тяжёлых условиях?
Это очень важный вопрос. Обсудите его подробно, в деталях, найдите те места в рассказе, которые свидетельствуют о «хозяйственной» жилке Митраши и Насти.
4. Какой конфликт возникает между Митрашей и Настей ещё по дороге на Блудово болото?
5. Блудово болото встречает детей неприветливо, оно пугает их, предупреждает: здесь опасно!

Выпишите из текста слова и словосочетания, подтверждающие данный тезис.

6. Как реагировали на эти «знаки» Митраша и Настя? Настя настаивает: нужно идти «по... большой тропе, куда все люди идут». А Митраша? Почему он выбирает другую дорогу? Только ли из желания собрать побольше клюквы?

Здесь мы имеем дело со сказочным мотивом. Помните, в сказках перед героем возникает камень, где написано: «Налево пойдёшь...» И на дороге у детей — камень, за которым болотная тропа «расходилась вилкой: одна, хорошая, плотная тропа, шла направо, другая, слабенькая — прямо». И природа предупреждает об опасности: на солнце, которое восходит на небе, набегают тёмные облака. И на дружески-тёплые отношения детей набегают тень. Насте очень хочется идти по проторённой тропе. Ради этого она готова даже усомниться в правдивости слов отца: «Отец нам сказки рассказывал, он шутил с нами». Но мальчик твёрдо стоит на своём: он пойдёт по опасной, жиденькой, еле видной тропе.

7. Что Митраша предлагает Насте? Чем закончился этот конфликт между братом и сестрой? На чьей стороне в нём были ваши симпатии?

Совершенно особое место в пришвинской сказке занимает собака Травка. Это не просто «доброе, очеловеченное» дитя природы, приручённое животное. Образ Травки несёт в себе основную мысль сказки-были. Первоначально Пришвин хотел дать своему произведению другое название — «Друг человека». Травка в «Кладовой солнца» — это зеркало человека. Она отражает самые добрые, самые лучшие, самые достойные его качества.

8. Как и в чём «видела и понимала» своё счастье Травка?

Подробно, с введением фрагментов из текста, расскажите, как Травка спасла Настю и помогла Митраше.

9. Что понял Митраша? Сформулируйте и запишите вывод. Найдите его в тексте.

10. «Вот какие богатства скрыты в наших болотах!» — восклицает рассказчик. Только ли о торфе, о клюкве говорится в этой фразе? Как вы её поняли? Может ли она служить «главным выводом»? Обоснуйте свой ответ.

11*. Как вы поняли заключительные слова «Кладовой солнца»: «А многие до сих пор только и знают... что в них будто бы черти живут; всё это вздор, и никаких нет в болоте чертей»?

12. Составьте устный рассказ по иллюстрациям на с. 188 и 202.

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

М.М. ПРИШВИНА

Проверьте, насколько вы были внимательны к тексту. Ваша задача состоит в том, чтобы определить значимость приведённых из текста фрагментов. Как они помогают раскрыть основную идею произведения?

«Очень хорошо, что Настя постарше брата на два года, а то бы он непременно зазнался и в дружбе у них не было бы, как теперь, прекрасного равенства».

«Он хорошо, по-отцовски, обернул вокруг ног портянки, вправил в сапоги, картузик надел... Оделся же Митраша в отцовскую старую куртку... ещё сын охотника заткнул за пояс топор, сумку с компасом повесил на правое плечо, двуствольную «Тулку» — на левое и так сделался ужасно страшным для всех птиц и зверей».

«Первый человек прошёл эту приболотицу с топором в руке и вырубил проход для других людей. Под ногами человеческими после осели кочки, и тропа стала канавкой, по которой струилась вода».

НИКОЛАЙ
МИХАЙЛОВИЧ
РУБЦОВ
1936—1971

Николай Рубцов прожил короткую, но яркую жизнь. Война забрала отца, рано умерла мать. Будущий поэт воспитывался в детском доме на Вологодчине. Затем, после учёбы в школе и лесотехническом техникуме, служил на Северном флоте. После армии перепробовал несколько рабочих профессий, работал слесарем и кочегаром. Ещё в годы службы увлечение поэзией переросло в профессиональную потребность. Рубцов поступил в Литературный институт имени А.М. Горького в Москве.

Главной темой его творчества была судьба России. Он тонко чувствовал её людей, её неброскую природу. Не случайно одно из стихотворений названо точно и ёмко: «Тихая моя родина». Через отношение к этому самому дорогому для него понятию раскрывался человек, его духовный мир, его внутренняя сила, его человеческое достоинство.

Стихи Н. Рубцова о непреходящем, вечном. Прошли десятилетия после смерти поэта, но его строки по-прежнему живы, потому что в раскрытии этих вечных тем он нашёл свои образы и свои интонации, обрёл свой поэтический голос. Он верил, что в глухих и забытых русских деревнях, во «мгле заметенной» возродится жизнь и крестьянский характер (стихотворение «Зимняя песня»); он умел понимать и чувствовать землю отцов и дедов и без показной бравады говорил:

Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали...

Посвящение другу

«Смятенный вид родного края» болью отзывался в сердце поэта, но не приводил в смятение. Н. Рубцов знал: «звезда полей горит, не угасая» и над его родиной эта звезда не погаснет.

Он создал свой мир, который оказался нужен и близок тысячам читателей.

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней.
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

1964

Эскиз памятника Н.М. Рубцову в Вологде.
Скульптор В.М. Клыков. 1985 г.

Вопросы и задания

1. Внимательно перечитайте стихотворение. Оно называется «Звезда полей». О какой звезде идёт речь?
2. Как вы думаете, символом чего является «звезда полей» для автора?
3. В первых трёх строках центральный образ начинает первую строку. В четвёртой строфе он в несколько изменённом виде также присутствует, но уже в заключительном стихе: «Горит, горит звезда моих полей...» Как называется этот приём художественной выразительности? Чего достигает им автор?
4. Какие ещё образы повторяются в стихотворении Н. Рубцова?
5. «Звезда полей горит, не угасая, / Для всех тревожных жителей земли...» Как вы полагаете, кого имеет в виду поэт, кто это — «тревожные жители земли»?
6. Какова художественная идея стихотворения?
7. Выучите стихотворение наизусть. Подготовьтесь к выразительному чтению.

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

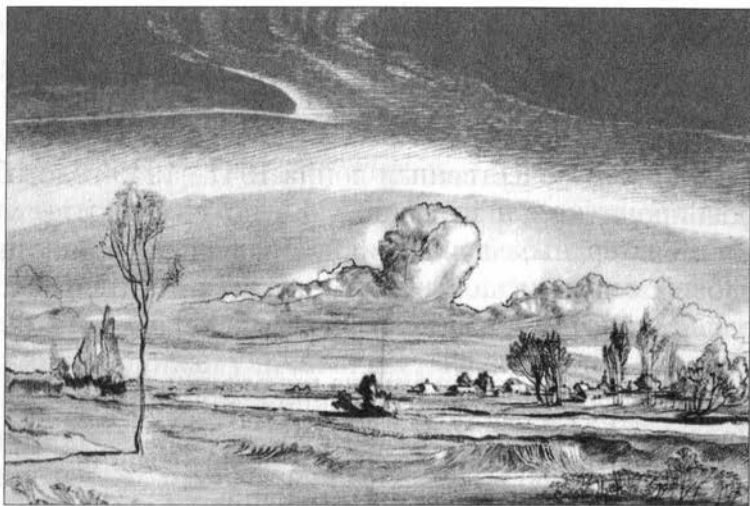
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зелёный простор.
Словно ворона весёлая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придёт уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

Художник Л.Д. Бирюков. 1970-е гг.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

1964

Вопросы и задания

1. Какому стихотворению, помещённому на страницах учебника, близко по тональности стихотворение Николая Рубцова?
2. Что и почему в малой родине дорого автору стихотворения?
3. Представьте, что вам предстоит проиллюстрировать стихотворение Н. Рубцова. Расскажите, что будет изображено на вашем рисунке. Запишите ключевые слова и словосочетания.
4. Что, по-вашему, значит любить природу?
5. В наши дни вопрос о выживании человека на Земле напрямую связан с состоянием природы. Какая здесь связь? Аргументируйте свой ответ.

Великая Отечественная война 1941—1945 годов была кровопролитной и страшной. Её до сих пор не могут забыть ветераны, её участники. Прошедшая войну на передовой медицинская сестра, а позже замечательная поэтесса Юлия Друнина писала:

Я только раз видала рукопашный,
Раз – наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

И сегодня, более полувека спустя после Победы, людям дорого всё, что напоминает о тех тяжёлых героических годах. Внуков и правнуков защитников Отечества волнуют те же чувства, которые переживали люди на фронте и в тылу, те же песни, которые пелись там, в окопах. Не потому ли и сейчас велик интерес ко всему, что связано с Великой Отечественной войной?!

Для вас, любознательные

В годы Великой Отечественной войны советские писатели получали от бойцов и тружеников тыла десятки писем с благодарностью за их творчество, помогающее в борьбе с фашизмом. Одним из таких примеров может служить письмо с фронта от офицера И.В. Козлова поэту М.В. Исаковскому.

«Товарищ Исаковский!

Простите меня за беспокойство, но вам, нашему поэту, я решил написать от всех красноармейцев подразделения.

Примите наш фронтовой привет и пожелание вам плодотворной работы на счастье народа. Мы плохие критики и знатоки искусства поэзии, но то впечатление и переживание, которое создаёт оно у нас, мы должны передать вам как поэту.

Сейчас, в дни тяжёлых и трудных боёв с немецким фашизмом, в минуты короткого отдыха, мы имеем возможность читать ваши стихи. Сегодня я читал ваше стихотворение «Прощальная». В землянке темно, только через бойницу проникал уличный свет, падая на чёрную закоптелую стену. Бойцы, сидя, шутили, вспоминали с любовью мирную жизнь, семью, родных. Стоило только начать чтение вашего произведения, как в землянке все утихли и минут пять после окончания все сидели молча, опустив низко головы.

Не было другой силы, которая могла бы так глубоко проникнуть в душу этих простых людей, призванных защищать семью и Родину. Я буду прав, если скажу, что у каждого смоленского, вяземского, орловского парня была своя любимая девушка Татьяна, и когда Татьяна говорит:

Далёкий мой, пора моя настала,
В последний раз я карандаш возьму..
Кому б моя записка ни попала,
Она тебе писалась одному, —

то поверьте, что никакое другое слово не может так поднять в атаку, как ваши слова. Горе, горе становится поперёк горла у каждого, и это горе может быть проглочено только тогда, когда каждый из нас убьёт фашиста-поработителя.

Ваши «Ой, туманы мои...» — широкое свободное стихотворение, внушает полную надежду на скорую победу. Смоленские туманы выходят из чистого озера с песчаным дном, вначале узкой полосой, затем широко расстилаются по низким местам, заполняя все неровности, и получается ровная чистая гладь — широкая, свободная. Так и партизанское движение из малого, единичного сливается в об-

щее, большое и грозное. А ваши слова простые, понятные, легко вкладывающие в душу смысл событий.

У нас есть гармошка и гармонист, но гармошка настолько потрёпана, что когда гармониста усаживают играть, группа бойцов замазывает мякишем хлеба щели в мехах, но так как это непрочно, то выбираем для игры лучшее. И каждый раз просим гармониста исполнить «И кто его знает...», «У колодца», «Катюшу». На остальных песнях гармошка уже расклеивается. Мы, конечно, на свою гармошку не обижаемся. Очень удобно разбирается на части, и по боевой тревоге один берёт в карман голоса, другой — планки, мех — в вещевой мешок. Только жаль, что азартное:

Эх, Андрюша, нам ли быть в печали,
Не прячь гармонь, играй на все лады... —

не подходит к нашей музыке, так как вся заклейка отлетает при игре птичьими крошками, а хлеб-то дорогой!

Зато мы называли на фронте орудие «Андрюшей», при стрельбе из которого действительно «пляшут горы и шумят зелёные сады». И когда бывает трудный момент, просим, чтобы наш любимый «Андрюша» заиграл снарядами так, чтобы горы заплясали, а немцы затряслись. В помощь «Андрюше» выезжает «Катюша» и заводит такую музыку, что в стане врагов полное умопомрачение.

О себе могу написать коротко. Воюем, товарищ Исаковский. Воюем честно с начала войны. Конечно, тяжело-вато и жить хочется, но ничего не поделаешь — война остаётся войной. Смотрю на бойцов, хорошие товарищи, на войне стали мужественнее. Любим друг друга, защищаем друг друга, помогаем друг другу.

Бывают и потери. Низко склоняем головы над павшими товарищами и идём дальше вперёд, к счастью, к победе, к жизни.

Простите за откровенность в письме, а что хорошее, то признаём чистосердечно и глубоко уважаем. С приветом,

И. Козлов, полевая почта».

В ПРИФРОНТОВОМ ЛЕСУ

Лиде

С берёз, неслышен, невесом,
Слетает жёлтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забыты,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днём
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чём-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведёт через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черёд, —
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрёт,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят каждый час,
А коль придётся в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не устрашит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черёд, пришла пора, —
Идём, друзья, идём!
За всё, чем жили мы вчера,
За всё, что завтра ждём;

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

1942

М.В. Исаковский

А.А. Ахматова

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

23 февраля 1942, Ташкент

ПОБЕДА

1

Славно начато славное дело
В грозном грохоте, в снежной пыли,
Где томится пречистое тело
Осквернённой врагами земли.
К нам оттуда родные берёзы
Тянут ветки и ждут и зовут,
И могучие деды-морозы
С нами сомкнутым строем идут.

2

Вспыхнул над молотом первый маяк,
 Других маяков предтеча, —
 Заплакал и шапку снял моряк,
 Что плавал в набитых смертью морях
 Вдоль смерти и смерти навстречу.

3

Победа у наших стоит дверей...
 Как гостью желанную встретим?
 Пусть женщины выше поднимут детей,
 Спасённых от тысячи тысяч смертей, —
 Так мы долгожданной ответим.

1942—1945

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ОРЛОВ

(1921—1977)

* * *

Его зарыли в шар земной,
 А был он лишь солдат,
 Всего, друзья, солдат простой,
 Без званий и наград.
 Ему как мавзолеей земля —
 На миллион веков,
 И Млечные Пути пылят
 Вокруг него с боков.
 На рыжих скатах тучи спят,
 Метелицы метут,
 Грома тяжёлые гремят,
 Ветра разбег берут.
 Давным-давно окончен бой...
 Руками всех друзей
 Положен парень в шар земной,
 Как будто в мавзолеей...

1944

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СИМОНОВ

(1915—1979)

* * *

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,

С.С. Орлов

К.М. Симонов

Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

Семеро спящих. Художник И.Л. Бруни. 1968 г.
Из серии «1941—1945»

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.

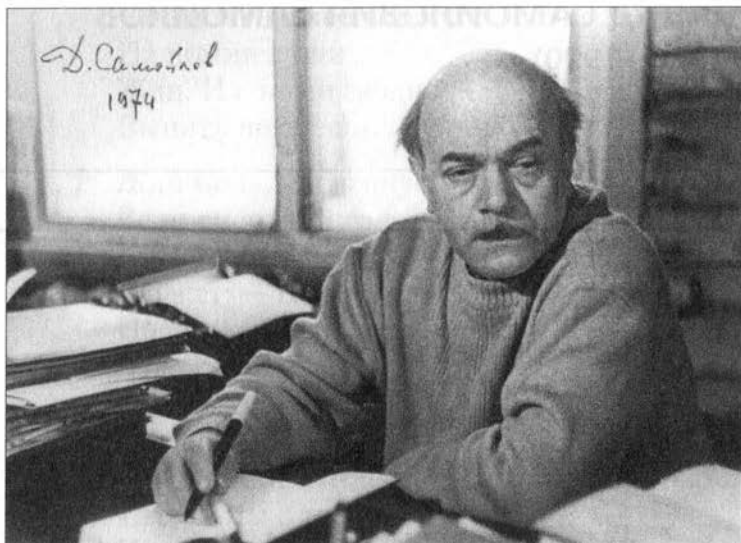
Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звёздочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, весёлый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И всё на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Д.С. Самойлов

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!..

1961

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

(1923—2003)

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времён тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Сегодня, предвечернею порою,
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определённым строем,
Как по полям людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?

Летит, летит по небу клин усталый —
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежутки малый —
Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликая
Всех вас, кого оставил на земле.

1965

Перевод с аварского Н. Гребнева

Вопросы и задания

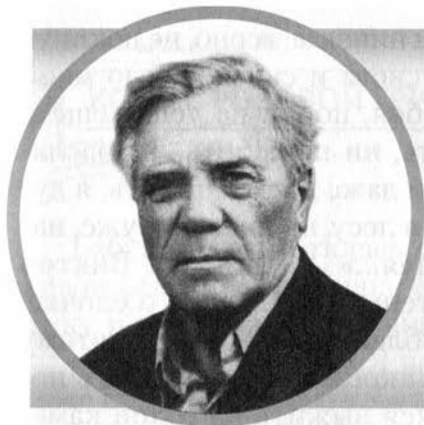
1. Какое стихотворение произвело на вас наибольшее впечатление? Что в нём вам особенно понравилось и запомнилось?
2. Какие средства художественной выразительности применены в этом стихотворении?
3. Знаете ли вы стихотворения о Великой Отечественной войне, кроме тех, которые приведены в учебнике? Прочитайте их в классе.

1. Напишите сочинение-миниатюру о ком-то из своих близких, запечатлённых на старой фотографии. Постарайтесь в своей работе передать не только историю жизни этого человека, но и отразить приметы времени.
2. Расспросите кого-нибудь из людей старшего поколения о событиях Великой Отечественной войны. Запишите рассказ очевидца в форме интервью.
3. Расскажите об одном из поэтов, в творчестве которого есть стихотворения о Великой Отечественной войне.

1. Подготовьтесь к конкурсу выразительного чтения «Строки, зовущие к Победе (Стихотворения о Великой Отечественной войне)». Проведите конкурс.
2. Какие «старые песни о главном» любимы в вашей семье? Составьте программу концерта: «Любимые песни нашей семьи» и проведите его.

ВИКТОР
ПЕТРОВИЧ
АСТАФЬЕВ
1924—2001

Виктор Петрович Астафьев всю жизнь был верен родной земле – далёкой сибирской деревне Овсянка Красноярского края, где родился в 1924 году. Здесь был его дом – в нём он жил и работал, принимал самых высоких гостей, которые хотели с ним встретиться. По этой деревенской улице его проводили в последний путь односельчане и многочисленные ценители его таланта, похоронили, как он завещал, рядом с могилой дочери на сельском кладбище.

В семь лет он лишился матери: Лидия Ильинична – мать будущего писателя – утонула в 1931 году в Енисее. И только заботами бабушки Екатерины Петровны было скрашено сиротское детство. Нужно было обладать выносливостью, силой духа, особым характером, чтобы преодолеть все удары судьбы и сохранить душевное здоровье, уметь радоваться жизни, не согнуться и не сломаться. Достаточно перечислить профессии, которые переменял Астафьев, чтобы понять, как жизнь испытывала его на прочность: составитель поездов, дежурный по вокзалу, литейщик, грузчик, ночной сторож, литературный сотрудник малотиражной газеты. А к этому надо добавить самое большое испытание – солдат Великой Отечественной войны: три года фронта, тяжёлое ранение, госпитали. «Когда мне становится невыносимо больно от воспомина-

ний, которые не покидают, да и никогда, верно, не покинут тех, кто прошёл войну, когда снова и снова передо мной встают те, кто пали на поле боя, порой не успев ещё и жизни-то как следует увидеть, ни полюбить, ни насладиться радостями мирскими и даже досыта поест, я думаю о ёлочке, которая растёт в лесу, на пне. Она уже, наверное, большая-пребольшая...» – писал Виктор Астафьев, рассказывая простенькую историю о ёлочке, которая растёт на прахе срубленного дерева и потому отличается особой жизнестойкостью среди хилых подружек, напрасно пытающихся выжить на голой каменистой почве. Этот рассказ-притча точно передаёт жизнестойкость человека, проживающего свою человеческую и писательскую жизнь, питаюсь болью воспоминаний о «срубленных» войной товарищах по окопам. Писатель чувствовал вину перед теми, кто недоучился, недолюбил, недожил. Его согревали надежды о вечности их жизни в памяти людей.

Особое место отводил Виктор Петрович Астафьев рассказам о детстве, о своих односельчанах. Вот что пишет об этом он сам: «...начал я помаленьку да полегоньку писать рассказы о своём детстве, о селе родном, о его обитателях, о дедушке и бабушке, ни с какой стороны не годных в литературные герои той поры. Первоначально цикл рассказов и назывался «Страницы детства». И чудесный эпиграф Кайсына Кулиева со сладкой грустью предварял его:

Мир детства, с ним навечно расставанье,
Назад ни тропок нету, ни следа,
Тот мир далёк, и лишь воспоминанья
Всё чаще возвращают нас туда.

Рассказы писались легко, быстро, радуя сердце...»

Виктора Петровича Астафьева современники называли последним писателем-классиком XX столетия.

КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ

Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что левонтьевские ребятишки собираются на увал¹ по землянику, и велела сходить с ними.

— Наберёшь туесок. Я повезу свои ягоды в город, твои тоже продам и куплю тебе пряник.

— Конём, баба?

— Конём, конём.

Пряник конём! Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые.

Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо. Но пряник — совсем другое дело.

Пряник можно засунуть под рубаху, бегать и слышать, как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса — потерял! — хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться, что тут он, конь-огонь!..

С таким конём сразу почёту сколько, внимания! Ребята левонтьевские к тебе и так и эдак ластятся, и в чиж-первому бить дают, и из рогатки стрельнуть, чтоб только им позволили потом откусить от коня либо лизнуть его.

Когда даёшь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусывать положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останется от коня хвост да грива.

Левонтий, сосед наш, работал на бадобах² вместе с Мишкой Коршуновым. Левонтий заготовливал лес на

¹ Увал — пологий холм, имеющий значительную протяжённость.

² Бадоба — длинные поленья.

бадоги, пилил его, колол и сдавал на известковый завод, что был супротив села, по другую сторону Енисея.

Один раз в десять дней — а может, и в пятнадцать, я точно не помню — Левонтий получал деньги, и тогда в доме Левонтьевых, где были одни ребяташки, и ничего больше, начинался пир горой.

Какая-то беспокойность, лихорадка, что ли, охватывала тогда не только левонтьевский дом, но и всех соседей. Ранним ещё утром к бабушке забегала Левонтьиха, тётка Васеня, запыхавшаяся, загнанная, с зажатыми в горсти рублями.

— Кума! — испуганно-радостным голосом восклицала она. — Долг-от я принесла! — и тут же кидалась прочь из избы, взметнув юбкою вихрь.

— Да постой ты, чумовая! — окликала её бабушка. — Сосчитать ведь надо!

Тетка Васеня покорно возвращалась, и пока бабушка считала деньги, она перебирала босыми ногами, ровно горячий конь, готовый рвануть, как только приотпустят вожжи.

Бабушка считала обстоятельно и долго, разглядывая каждый рубль. Сколько я помню, больше семи или десяти рублей из «запасу» на чёрный день бабушка никогда Левонтьихе не давала, потому как весь этот «запас», кажется, состоял из десяти. Но и при такой малой сумме заполошная¹ Васеня умудрялась обсчитаться на рубль, а то и на тройку.

— Ты как с деньгами-то обращаешься, чучело безглазое! — напускалась бабушка на соседку. — Мне рупь! Другому рупь! Это что же получится?

Но Васеня опять юбкой вихрь взметывала и укатывалась:

— Передала ведь!

Бабушка ещё долго поносила Левонтьиху, самого Левонтия, била себя руками по бёдрам, плевалась, а я подсаживался к окну и с тоской глядел на соседский дом.

Стоял он сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застеклёнными окнами — ни забор, ни ворота, ни сенцы, ни наличники, ни ставни.

¹ *Запoлoшная* — суетливая.

Весною левонтьевское семейство ковыряло маленько землю вокруг дома, возводило изгородь из жердей, хворостин, старых досок. Но зимой всё это постепенно исчезало в утробе русской печки, раскорячившейся посреди избы.

Танька левонтьевская так говаривала, шумя беззубым ртом, обо всём ихнем заведении:

— Зато как папа шурунёт нас — бегишь и не запнёшша!

Сам дядя Левонтий в тёплые вечера выходил на улицу в штанах, державшихся на единственной медной пуговице с двумя орлами, и в бязевой рубахе вовсе без пуговиц. Садился на истюканный топором чурбак, изображавший крыльцо, курил, смотрел, и если моя бабушка корила его в окно за безделье, перечисляла работу, которую он должен был, по её разумению, сделать в доме и вокруг дома, дядя Левонтий только благодушно почесывался:

— Я, Петровна, слободу люблю! — и обводил рукой вокруг себя. — Хорошо! Как на море! Ничто глаз не угнетат!

Дядя Левонтий плавал когда-то по морям, любил море, а я любил его. Главная цель моей жизни была — прорваться в дом Левонтия после его получки. Сделать это не так-то просто. Бабушка знает все мои повадки.

— Нечего куски выглядывать! — гремела она. — Нечего этих пролетарьев объедать, у них самих в кармане — вошь на аркане.

Но если мне удаётся ушмыгнуть из дома и попасть к левонтьевским, то уж всё: тут уж я окружён бываю редкостным вниманием, тут мне полный праздник.

— Выдь отсюда! — строго приказывал пьяненький дядя Левонтий кому-нибудь из своих парнишек. И пока кто-либо из них неохотно вылезал из-за стола, пояснял детям это действие уже обмякшим голосом: — Он сирота, а вы всё ж при родителях! — И, жалостно глянув на меня, тут же взрёвывал: — Мать-то ты хоть помнишь? — Я утвердительно кивал головой, и тогда дядя Левонтий горестно облакачивался на руку, кулачищем растирал по лицу слёзы, вспоминал: — Бадога с ней по один год кололи-и-и! — И совсем уж разрыдавшись: — Когда ни при-

дѣшь... ночь, полночь... «Прона... пропащая ты голова, Левонтий!» — скажет и... опохмели-и-ит...

Тут тётка Васеня, ребятишки дяди Левонтия и я вместе с ними ударились в рѣв, и до того становилось жалостно в избе, и такая доброта охватывала людей, что всё-всё высыпалось и вываливалось на стол, и все наперебой угощали меня и сами ели уж через силу.

Поздно вечером либо совсем уж ночью дядя Левонтий задавал один и тот же вопрос: «Что такое жисть?!» — после чего я хватал пряники, конфеты, ребятишки левонтьевские тоже хватали что попало под руки и разбегались кто куда. Последней ходу задавала Васеня. И бабушка моя «привечала» её до утра. Левонтий бил остатки стёкол в окнах, ругался, гремел, плакал.

На следующее утро он стеклил окна, ремонтировал скамейки, стол, затем, полный мрака и раскаяния, отправлялся на работу. Тётка Васеня дня через три-четыре опять ходила по соседям и уже не взмётывала юбкою вихрь. Она снова занимала денег, муки, картошек — чего придѣтся...

Вот с ребятишками дяди Левонтия и отправился я по землянику, чтобы трудом своим заработать пряник. Ребятишки несли бокалы с отбитыми краями, старые, наполовину изодранные на растопку берестяные туески, а у одного парнишки был ковшик без ручки. Левонтьевские орлы бросали друг в друга посудой, барахтались, раза два принимались драться, плакали, дразнились. По пути они заскочили в чей-то огород и, поскольку там ещё ничего не поспело, напластили беремя луку-батуна, наелись до зелёной слюны, а недоеденный побросали. Оставили всего несколько пёрышек на свистульки. В обкусанные перья они пищали всю дорогу, и под музыку мы скоро пришли в лес, на каменистый увал.

Тут все перестали пищать, рассыпались по увалу и начали брать землянику, только-только ещё поспевающую, белобокую, редкую и потому особенно радостную и дорогую.

Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького туеска стакана на два-три. Бабушка говаривала: главное, мол, в ягодах — закрыть дно посудыны. Вдохнул я

Иллюстрация к рассказу. Художник Е.А. Мешков. 1970-е гг.

с облегчением и стал собирать ягоды скорее, да и попадалось их выше по увалу больше и больше.

Левонтьевские ребяташки сначала ходили тихо. Лишь позвякивала крышка, привязанная к медному чайнику. Чайник этот был у старшего парнишки, и побрякивал он, чтобы мы слышали, что старшой тут, поблизости, и бояться нам нечего и незачем.

Вдруг крышка чайника забренчала нервно, послышалась возня.

— Ешь, да? Ешь, да? А домой чё? — спрашивал старшой и давал кому-то пинка после каждого вопроса.

— А-га-а-а-а! — запела Танька. — Санька тоже пожрал, так ничего-о-о-о...

Попало и Саньке. Он рассердился, бросил посудину и свалился в траву. Старшой брал, брал ягоды, и, видать, обидно ему сделалось. Берёт он, старшой, ягоды, для дома старается, а те вот жрут ягоды либо вовсе на траве валяются. Подскочил старшой и пнул Саньку ещё раз. Санька взвыл, кинулся на старшого. Зазвенел чайник, брызнули из него ягоды. Бьются братья Левонтьевы, катаются по земле, всю землянику раздавили.

После драки у старшого опустились руки. Принялся он собирать просыпанные, давленные ягоды — и в рот их, в рот.

— Значит, вам можно, а мне, значит, нельзя? Вам можно, а мне, значит, нельзя? — зловеще спрашивал он, пока не съел всё, что удалось собрать.

Вскоре братья Левонтьевы как-то незаметно помирились, перестали обзывать и решили сходить к Малой речке побрызгаться.

Мне тоже хотелось побрызгаться, но я не решался уйти с увала, потому как ещё не набрал полную посудину.

— Бабушки Петровны испугался! Эх ты! — закривлялся Санька.

— Зато мне бабушка пряник конём купит!

— Может, кобылой? — усмехнулся Санька. Он плюнул себе под ноги и что-то быстро смекнул: — Скажи уж лучше — боишься её, и ещё жадный!

— Я?!

— Ты!

— Жадный?

— Жадный!

— А хочешь, все ягоды съем? — Сказал я это и сразу покаялся: понял, что попал на уду.

Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, с красными окровавленными глазами, Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят.

— Слабо! — сказал он.

— Мне слабо? — хорохорился я, искоса глядя в туесок. Там было ягод уже выше середины. — Мне слабо? — по-

вторял я гаснущим голосом и, чтобы не спасовать, не струсить, не опозориться, решительно вытряхнул ягоды в траву: — Вот! Ешьте вместе со мной!

Навалилась левонтьевская орда, и ягоды вмиг исчезли. Мне досталось всего несколько малюсеньких ягодок. Жалко ягод. Грустно. Но я напустил на себя отчаянность, махнул на всё рукой. Всё равно уж теперь! Я мчался вместе с левонтьевскими ребятишками к речке и хвастался:

— Я ещё у бабушки калач украду!

Ребята поощряли меня: дескать, действуй, и не один калач носи. Может, ещё шанег¹ прихватишь либо пирог.

— Ладно!

Мы брызгались из речки студёной водой, бродили по ней и руками ловили подкаменщика. Санька ухватил эту мерзкую на вид рыбину, и мы растерзали её на берегу за некрасивый вид. Потом пуляли камнями в пролетающих птичек и подшибли стрижа. Мы отпаивали стрижа водой из речки, но он пускал в речку кровь, а воды проглотить не мог и умер, уронив головку. Мы похоронили стрижа на берегу, в гальке, и скоро забыли о нём, потому что занялись захватывающим, жутким делом: забегали в устье холодной пещеры, где жила (это в селе доподлинно знали) нечистая сила. Дальше всех в пещеру забежал Санька. Его и нечистая сила не брала!

— Это ещё чё! — хвалился Санька, воротившись из пещеры. — Я бы дальше побёг, вглубь побёг бы, да босой я, а там змеев гибель.

— Жмеев? — Танька отступила от устья пещеры и на всякий случай подтянула спадающие штанишки.

— Домовнику с домовым видел, — продолжал рассказывать Санька.

— Хлопуша! — срезал Саньку старшой. — Домовые на чердаке живут да под печкой.

Санька смешался было, однако тут же оспорил старшого:

— Да тама какой домовой-то? Домашний. А тут пещерный. В мохе весь, серый, дрожмя дрожит — студёно ему.

¹ Шаньгá — ватрушка, сочня или простая лепёшка.

А домовниха худая, глядит жалобливо и стонет. Да меня не подманишь, подойди только — схватит и слопает. Я ей камнем в глаз залимонил!..

Может, Санька и врал про домовых, но всё равно страшно было слушать, и чудилось мне — кто-то в пещере всё стонет, всё стонет. Первой деранула от этого худого места Танька, а следом за нею и все ребята с горы посыпались. Санька свистнул, заорал, поддавая нам жару...

Так интересно и весело провели мы весь день, и я совсем уж забыл про ягоды. Но настала пора возвращаться домой. Мы разобрали посуду, спрятанную под деревом.

— Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст! — заржал Санька. — Ягоды-то мы съели... Ха-ха! Нарочно съели! Ха-ха. Нам-то ништяк! Ха-ха. А тебе-то хо-хо!..

Я и сам знал, что им-то, левонтьевским, «ха-ха», а мне «хо-хо». Бабушка моя, Катерина Петровна, — не тётка Васенья.

Тихо плелся я за левонтьевскими ребятами из лесу. Они бежали впереди меня гурьбой и гнали по дороге ковшик без ручки. Ковшик звякал, подпрыгивая на камнях, и от него отскакивали остатки эмалировки.

— Знаешь чё? — поговорив с братанами, вернулся ко мне Санька. — Ты в туес травы натолкай, а сверху ягод — и готово дело! «Ой, дитятко моё! — принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька. — Пособил тебе Госпо-одь, сиротинке, пособил...» — И подмигнул мне бес Санька, и помчался дальше, вниз с увала.

А я остался.

Утихли голоса левонтьевских ребяташек внизу, за огородами, и мне сделалось жутко. Правда, село здесь слышно, и всё же тайга, пещера недалеко, а в ней домовниха с домовым и змеи кишмя кишат.

Повздыхал, повздыхал я, даже чуть было не всплакнул, и принялся рвать траву. Нарвал, натолкал в туесок, потом насобирав ягод, заложил ими траву, получилось земляники даже с «копной».

— Дитятко ты моё! — запричитала бабушка, когда я, замирая от страха, передал ей свою посудину. — Господь тебе, сиротинке, пособил!.. Уж куплю я тебе пряник, да самый большущий. И пересыпать ягодки твои не стану к своим, а прямо в этом туеске увезу...

Отлегло маленько.

Я думал, сейчас бабушка обнаружит моё мошенничество, даст мне что полагается, и уже приготовился к каре за содеянное злодейство.

Но обошлось. Всё обошлось. Бабушка унесла туесок в подвал, ещё раз похвалила меня, дала есть, и я подумал, что бояться мне пока нечего и жизнь не так уж худа.

Я поел и отправился на улицу играть, и там дёрнуло меня сообщить обо всём Саньке.

— А я расскажу Петровне! А я расскажу!..

— Не надо, Санька!

— Принеси калач, тогда не расскажу.

Я пробрался тайком в кладовку, вынул из ларя калач и принёс его Саньке под рубахой. Потом ещё принёс, потом ещё, пока Санька не нажрался.

«Бабушку надул. Калачи украл. Что только будет?» — терзался я ночью, ворочаясь на полатах. Сон не брал меня, как окончательно запутавшегося преступника.

— Ты чего там елозишь? — хрипло спросила из темноты бабушка. — В речке небось опять бродил? Ноги опять болят?

— Не-е, — откликнулся я, — сон приснился...

— Спи с Богом! Спи, не бойся. Жизнь страшнее снов, батюшко...

«А что, если разбудить её и всё-всё рассказать?»

Я прислушался. Снизу доносилось трудное дыхание бабушки. Жалко её будить: устала она, ей рано вставать. Нет уж, лучше я не буду спать до утра, скараулю бабушку, расскажу ей обо всём: и про туесок, и про домовнику с домовым, и про калачи, и про всё, про всё...

От этого решения мне стало легче, и я не заметил, как закрылись глаза. Возникла Санькина невытая рожа, а потом замелькала земляника, завалила она и Саньку, и всё на этом свете.

На полатях запахло сосняком, холодной таинственной пещерой...

Дедушка был на заимке¹, километрах в пяти от села, в устье речки Маны. Там у нас была посеяна полоска ржи, полоска овса и полоска картошек.

О колхозах тогда ещё только начинались разговоры, и селяне наши пока жили единолично. У дедушки на заимке я любил бывать. Спокойно у него там, обстоятельно как-то. Может, оттого, что дедушка никогда не шумел и даже работал неторопливо, но очень уёмисто и податливо. Ах, если бы заимка была ближе! Я бы ушёл, скрылся. Но пять километров для меня были тогда огромным, непреодолимым расстоянием. И Алёшки, моего брата, нет. Недавно приезжала тётка Августа и забрала Алёшку с собой на лесоучасток, где она работала.

Слонялся я, слонялся по пустой избе и ничего другого не смог придумать, как податься к левонтьевским.

— Уплыла Петровна? — усмехнулся Санька и цыкнул слюной в дырку меж передних зубов. У него в этой дырке мог поместиться ещё один зуб, и мы страшно завидовали этой Санькиной дырке. Как он в неё плевал!

Санька собирался на рыбалку и распутывал леску. Малые левонтьевские ходили возле скамеек, ползали, ковыляли на кривых ногах. Санька раздавал затрешины направо и налево, за то что малые лезли под руку и путали леску.

— Крючка нету, — сердито сказал он. — Проглотил, должно, который-то.

— Помрёт?

— Ништяк, — успокоил меня Санька. — У тебя много крючков, дал бы. Я б тебя на рыбалку взял.

— Идёт!

Я обрадовался и помчался домой; схватил удочки, хлеба, и мы подались к каменным бычкам, за поскотину², спускавшуюся прямо в Енисей ниже села.

¹ *За́ймка* — земельный участок вдали от села, освоенный (вспаханный) его владельцем.

² *Поско́тина* — пастбище, выгон.

Старшего левонтьевского сегодня не было. Его взял с собой на бадуги отец, и Санька командовал напропалую. Поскольку был он сегодня старшим и чувствовал большую ответственность, то уже не задибался почти и даже умирал «народ», если тот принимался драться.

У бычков Санька поставил удочки, наживил червяков, поплевал на них и закинул лески.

— Ша! — сказал Санька, и мы замерли.

Долго не клевало. Мы устали ждать, и Санька прогнал нас искать щавель, чеснок береговой и редьку дикую.

Левонтьевские ребята умели пропитаться «от земли» — всё ели, что Бог пошлёт, ничем не брезговали и оттого были краснокожие, сильные, ловкие, особенно за столом.

Пока мы собирали пригодную для жратвы зелень, Санька вытащил двух ершей, одного пескаря и белоглавого ельца.

Развели огонь на берегу. Санька вздел на палочки рыб и начал их жарить.

Рыбки были съедены почти сырые, без соли. Хлеб мой ребятишки ещё раньше смолотили и занялись кто чем: вытаскивали из норок стрижей, «блинали» каменными плиточками по воде, пробовали купаться, но вода была ещё холодная, и мы быстро выскочили из реки отогреться у костра. Отогрелись и повалились в ещё низкую траву.

День был ясный, летний. Сверху пекло. Возле поскотины клонились к земле рябенькие кукушкины слёзки. На длинных хрустких стеблях болтались из стороны в сторону синие колокольчики, и, наверное, только пчёлы слышали, как они звенели. Возле муравейника, на обогретой земле, лежали полосатые цветки-граммофончики, и в голубые их рупоры совали головы шмели. Они надолго замирали, выставив мохнатые зобы, — должно быть, заслушивались музыкой. Берёзовые листья блестели, осинник сомлел от жары. Боярка доцветала и сорила в воду. Сосняк был в синем куреве. Над Енисеем чуть мерцало. Сквозь это мерцание едва проглядывали красные жерла известковых печей, полыхающих по ту сторону реки. Леса на скалах стояли неподвижно, и же-

лезнодорожный мост в городе, видимый из нашего села в ясную погоду, колыхался тонким кружевцем, — и если долго смотреть на него, он истоньшался и кружевец рвалось.

Оттуда, из-за моста, должна приплыть бабушка. Что только будет?! И зачем я так сделал? Зачем послушался левонтьевских?

Вон как хорошо было жить! Ходи, бегай и ни о чём не думай. А теперь? Может, лодка опрокинется и бабушка утонет? Нет, уж лучше пусть не опрокидывается. Моя мать утонула. Чего хорошего? Я нынче сирота. Несчастный человек. И пожалеть меня некому. Левонтий только пьяный жалеет, и всё. А бабушка только кричит да нет-нет и поддаст — у неё не задержится. И дедушки нет. На заимке он, дедушка. Он бы не дал меня в обиду. Бабушка и на него кричит: «Потатчик! Своим всю жизнь потакал, теперь этому!..»

«Дедушка ты, дедушка, хоть бы ты в баню мыться приехал и взял меня с собой!»

— Ты чего нюнишь? — наклонился ко мне Санька с озабоченным видом.

— Ничего-о-о! — Голосом я давал понять, что это он, Санька, довел меня до такой жизни.

— Ништяк! — утешил меня Санька. — Не ходи домой, и всё! Заройся в сено и притаись. Петровна боится — вдруг ты утонешь. Вот она как запричитает: «Утону-у-ул мой дитятко, спокинул меня, сиротиночка...» — ты тут и вылезешь!

— Не буду так делать! И слушаться тебя не буду!..

— Ну, и лешак с тобой! Об тебе ж стараются... Во! Ключнуло! У тебя ключнуло!

Я свалился с яра¹, переполошив стрижей в дырках, и рванул удочку. Попался окунь. Потом ёрш. Подошла рыба, начался клёв. Мы наживляли червяков, закидывали.

— Не перешагивай через удилице! — суеверно орал Санька на совсем ошалевших от восторга малышей и таскал, таскал рыбёшек.

Малыши надевали их на ивовый прут и опускали в воду.

¹ Яр — здесь: крутой край оврага.

Вдруг за ближним каменным бычком защёлкали по дну кованые шесты, и из-за мыса показалась лодка. Трое мужиков разом выбрасывали из воды шесты. Сверкнув отшлифованными наконечниками, шесты разом падали в воду, и лодка, зарывшись по самые обводы в реку, рвалась вперёд, откидывая на стороны волны.

Взмах шестов, перекидка рук, толчок, — лодка вспрыгнула носом, ходко подалась вперёд. Она ближе, ближе... Вот уж кормовой дакнул шестом, и лодка кивнула в сторону от наших удочек. И тут я увидел сидящего на беседке ещё одного человека. Полушалок на голове, концы его пропущены под мышки, крест-накрест завязаны на спине. Под полушалком крашенная в бордовый цвет кофта. Вынималась эта кофта из сундука только по случаю поездки в город или по большим праздникам.

Да это ж бабушка!

Рванул я от удочек прямо к яру, подпрыгнул, ухватившись за траву, засунул большой палец ноги в стрижиную норку. Подлетел стриж, тюкнул меня по голове, и я упал на комья глины. Соскочил и ударился бежать по берегу, прочь от лодки.

— Ты куда?! Стой! Стой, говорю! — крикнула бабушка.

Я мчался во весь дух.

— Я-а-а-авишься, я-а-а-авишься домой, мошенник! — нёсся вслед мне голос бабушки.

А тут ещё мужики подстегнули.

— Держи его! — крикнули, и я не заметил, как оказался на верхнем конце села.

Теперь только я обнаружил, что наступил уже вечер и волей-неволей надо возвращаться домой. Но я не хотел домой и на всякий случай подался к двоюродному братишке Кешке, дяди Ваниному сыну, жившему здесь, на верхнем краю села.

Мне повезло. Возле дяди Ваниного дома играли в лапту. Я ввязался в игру и пробежал до темноты. Появилась тётя Феня, Кешкина мать, и спросила меня:

— Ты почему домой не идёшь? Бабушка потеряет тебя!

— Не-е, — ответил я как можно бодрей и беспечней. — Она в город уплыла. Может, ночует там.

Тётя Феня предложила мне поесть, и я с радостью смолотил всё, что она мне дала.

А тонкошейй молчун Кешка попил варёного молока, и мать сказала ему:

— Всё на молочке да на молочке. Гляди вон, как ест парнишка, и оттого крепок.

Я уже надеялся, что тётя Феня и ночевать меня оставит. Но она порасспрашивала, порасспрашивала меня обо всём, после чего взяла за руку и отвела домой.

В доме уже не было свету.

Тётя Феня постучала в окно. Бабушка крикнула: «Не заперто!» Мы вошли в тёмный и тихий дом, где только и слышалось многокрылое постукивание бабочек да жужжание бьющихся о стекло мух.

Тётя Феня оттеснила меня в сени и втокнула в пристроенную к сеням кладовку. Там была налажена постель из половиков и старого седла в головах — на случай, если днём кого-то сморит жара и ему захочется отдохнуть в холодке. Я зарылся в половик, притих, слушая. Тётя Феня и бабушка о чём-то разговаривали в избе. В кладовке пахло отрубями, пылью и сухой травой, натканной во все щели и под потолком. Травы эта всё чего-то пощёлкивала да потрескивала. Тоскливо было в кладовке. Тёмно была густа и шероховата, вся заполненная запахом и тайной жизнью.

Под полом одиноко и робко скреблась мышь, голодавшая из-за кота. И всё потрескивали сухие травы и цветы под потолком, открывали коробочки и сорили во тьму семечки.

На селе утверждалась тишина, прохлада и ночная жизнь. Убитые дневной жарой собаки приходили в себя, вылезали из-под сеней, крылец, из конур и пробовали голоса. У моста, что проложен через Малую речку, пиликала гармошка. На мосту у нас собирается молодёжь, пляшет там, поёт.

У дяди Левонтия спешно рубили дрова. Должно быть, дядя Левонтий принёс чего-то на вареву. У кого-то левонть-

евские «сбодали» жердь... Скорее всего, у нас. Есть им время сейчас промыслить — дрова далеко!..

Ушла тётя Феня и плотно прикрыла дверь в сенках. Воробей прошмыгнул по крыльцу кот. Под полом стихла мышь. Стало совсем темно и одиноко. В избе не скрипели половицы, не ходила бабушка. Устала, должно быть. Мне сделалось холодно. Я свернулся калачиком и стал дышать себе на грудь.

Проснулся я от солнечного луча, пробившегося в мутное окошко кладовой. В луче мошкой мельтешила пыль. Откуда-то наносило займой, пашней. Я огляделся, и сердце моё радостно подпрыгнуло: на меня был накинут дедушкин старенький полушубок. Дедушка приехал ночью! Красота!

На кухне бабушка громко, возмущённо рассказывала:

— ...Культурная дамочка, в шляпке. Говорит: «Я у вас эти вот ягодки все куплю». — «Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинка горемычный собирал...»

Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог разобрать, что говорила она дальше, потому что закрылся полушубком, забился в него, чтобы поместиться скорее. Но сделалось жарко, глухо, стало неважно дышать, и я открылся.

— Своих вечно потачил! — шумела бабушка. — Теперь этому! А он уже мошенничает! Чё потом из него будет? Каторжанец будет! Вечный арестант будет! Я вот ещё левонтьевских в оборот возьму! Это ихняя грамота!..

Убрался дед во двор от греха подальше. Бабушка вышла в сенки, заглянула в кладовку. Я крепко сомкнул веки.

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё-ё вижу!

Но я не сдавался. Забежала в дом бабушкина племянница, спросила, как бабушка сплавала в город. Бабушка сказала, что слава Богу, и тут же принялась рассказывать:

— Мой-то малой-то!.. Чего утворил!..

В это утро к нам приходило много людей, и всем бабушка говорила: «А мой-то малой-то!»

Бабушка ходила взад-вперёд, поила корову, выгоняла её к пастуху, делала разные свои дела и всякий раз, пробегающая мимо дверей кладовки, кричала:

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё-ё вижу!

Я знал, что она управится по дому и уйдёт. Всё равно уйдёт — поделиться новостями, почерпнутыми в городе, и узнать те новости, какие свершились без неё на селе. И каждому встречному бабушка будет твердить: «А мой-то малой-то!»

В кладовку завернул дедушка, вытянул из-под меня кожаные вожжи и подмигнул: ничего, дескать, не робей! Я заширкал носом.

Дед погладил меня по голове, и так долго копившиеся слёзы хлынули безудержно из моих глаз.

— Ну, что ты, что ты! — успокаивал меня дед, обирая большой жёсткой рукой слёзы с моего лица. — Чего же голодный-то лежишь? Попроси прощенья... Ступай, ступай, — легонько подтолкнул меня дед в спину.

Придерживая одной рукой штаны, я прижал другую локтем к глазам, ступая в избу, и заревел:

— Я больше... я больше... я больше... — И ничего дальше сказать не мог.

— Ладно уж, умойся да садись трескаты! — всё ещё не примиримо, но уже без грозы сказала бабушка.

Я покорно умылся, долго и очень тщательно утирался рушником, то и дело содрогаясь от всё ещё не прошедших всхлипов, и присел к столу. Дед возился на кухне, сматывал на руку вожжи, ещё что-то делал. Чувствуя его незримую и надёжную поддержку, я взял со стола краюху и стал есть всухомятку. Бабушка одним махом плеснула в бокал молока и со стуком поставила посудину передо мной.

— Ишь ведь, какой смирененький! Ишь ведь, какой тихонький! И молочка не попросит!..

Дед мне подморгнул: терпи. Я и без него знал: Боже упаси сейчас перечить бабушке или сделать чего не так, не по её усмотрению. Она должна разрядиться, должна высказать всё, что у неё накопилось, душу отвести должна.

Долго бабушка обличала меня и срамила. Я ещё раз в раскаянии заревел. Она ещё раз прикрикнула на меня.

Но вот выговори́лась бабушка. Ушёл куда-то дед. Я сидел, разглаживал заплатку на штанах, вытягивая из неё нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой...

Я зажмурился и снова открыл глаза, ещё раз зажмурился, ещё раз открыл. По скоблёному кухонному столу, как по огромной земле с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах скакал белый конь с розовой гривой.

— Бери, бери, чего смотришь? Глядишь, зато ещё когда обманешь бабушку...

Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло! А я всё не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой.

1968

Вопросы и задания

1. Расскажите о детстве героев рассказа В.П. Астафьева. Составьте план ответа.
2. Голод — постоянное чувство героя рассказа. Найдите и приведите несколько примеров того, как писатель говорит об этом: как о чём-то необычном, удивительном или обычном, почти бытовом? Вывод сформулируйте письменно.
3. В рассказе перед вами прошло несколько детских образов. Как к ним относится писатель? Можно ли утверждать, что к кому-либо из мальчиков он испытывает презрение, отвращение? Или ко всем относится одинаково? Попробуйте сами провести наблюдение и запишите вывод.
4. Почему мальчик вдруг решил предложить всем съесть землянику?
5. Какие чувства испытывает мальчишка после случившегося? Запишите ключевые слова. Приведите в качестве примера один-два наиболее ярких эпизода.
6. Каковы характеры взрослых — бабушки и деда, Левонтия и тётки Васени?
7. Как отреагировали бабушка и дедушка на поступок внука? Почему, несмотря на содеянное, он получил коня с розовой гривой?

8. Можно ли сказать, что герой рассказа не только многое пережил в связи со случившимся, но и многое понял? Почему он не мог «забыть бабушкиного пряника»?
9. О чём этот рассказ? Какова его основная идея?
10. Какой эпизод рассказа выбрал художник для иллюстрирования? Как вы думаете, чем обусловлен этот выбор?

Минуты творчества

Выберите один из эпизодов рассказа, сделайте к нему иллюстрацию или расскажите, что было бы изображено на рисунке.

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА В.П. АСТАФЬЕВА

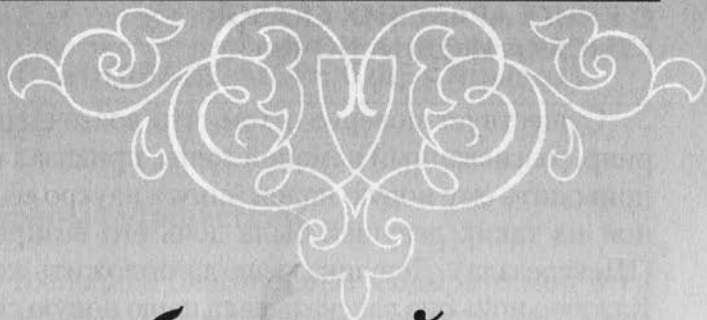
1. Приведите пример использования поговорки в рассказе. Что оттеняет, подчёркивает эта поговорка?
2. Как вы понимаете слова: *туесок, ништяк, студёная вода*? С какой целью автор вводит их в рассказ?
3. Главное место в крестьянской избе занимает русская печка. Вот как характеризует её в одной фразе В.П. Астафьев: «Но зимой всё это постепенно исчезало в утробе русской печки, раскорячившейся посреди избы». Расскажите об убранстве крестьянской избы и подробнее — о русской печке. Попробуйте выдержать стиль писателя.

Живое слово

1. Подготовьте пересказ текста или выборочный рассказ о главном герое.
2. Прочитайте фрагмент от слов: «День был ясный, летний...» до конца рассказа. Напишите сжатое изложение от третьего лица и озаглавьте его.

Из зарубежной литературы

Произведения зарубежной литературы, начиная с XVIII века, пользовались неизменным успехом в России. Они достаточно быстро переводились на русский язык, к ним как на языке подлинников, так и по переводам обращались многие русские писатели, очень часто используя сюжеты из переводной литературы в своих произведениях. По мотивам шедевров зарубежной литературы создавались живописные полотна, музыкальные произведения. До начала XIX столетия на сценах русских театров в основном игрались пьесы зарубежных авторов. Но постепенно благодаря писателям А.П. Сумарокову, Д.И. Фонвизину, В.А. Озерову, Я.Б. Княжнину, А.С. Грибоедову, А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю, А.Н. Островскому, А.К. Толстому, А.С. Сухово-Кобылину в театральный репертуар прочно входит русская драматургия.

Творчество зарубежных писателей, с произведениями которых вы познакомитесь, стало любимым для нескольких поколений читателей в России. Не является исключением и наше время. Книги арабских сказок «Тысяча и одна ночь», сказки братьев Гримм, рассказы О. Генри, Джека Лондона до сих пор издаются и переиздаются у нас в стране.

О КНИГЕ АРАБСКИХ СКАЗОК «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»

Существует поверье о том, что восточный царь Шах-рияр, разгневанный изменой жены, приказал каждую ночь приводить ему новую наложницу, а наутро её казнить. Одной из таких девушек была дочь его везира Шахразада (Шехерезада). Девушка решила положить конец казням. Каждую ночь она рассказывала царю новую сказку и не заканчивала её до самого утра. Царь, желая узнать, что будет дальше, откладывал казнь Шахразады. Такая ситуация повторялась в течение тысячи и одной ночи. Шахразада была помилована и стала любимой женой царя.

О том, когда и как сложилась книга «Тысячи и одной ночи», до сих пор ведут дискуссии учёные. Известен небольшой отрывок, который был найден в 1949 году и датирован IX веком, основной же состав сказок «Тысячи и одной ночи» исследователи датируют XVII—XIX веками, хотя сюжеты некоторых сказок книги восходят ещё к XV столетию. В том виде, в котором «Тысяча и одна ночь» издаётся сейчас, книга сложилась к XIX веку. Как видите, в сборнике предстали перед читателями произведения восточного фольклора разных эпох. Этим и объясняется различие героев, событий, формы повествования.

На русский язык «Тысяча и одна ночь» впервые переведена М.А. Салье в 1929—1939 годах. Сюжеты сказок отражены в музыке, живописи, киноискусстве. Русский композитор Н.А. Римский-Корсаков создал симфоническую сюиту «Шехерезада». В 1924 году в США вышел кинофильм «Багдадский вор», в 1958 году там же снято «Седьмое путешествие Синдбада», в 1967 году в СССР экранизирована сказка «Волшебная лампа Аладдина».

СКАЗКА О СИНДБАДЕ-МОРЕХОДЕ (отрывок)

Рассказ о первом путешествии

Знайте, о господа, о благородные люди, что мой отец был купцом, и был он из людей и купцов знатных, и имел большие деньги и обильные богатства, и умер, когда я был маленьким мальчиком, оставив мне деньги, и земли, и деревни. А выросши, я наложил на всё это руку и стал есть прекрасную пищу и пить прекрасные напитки. Я водил дружбу с юношами и наряжался, надевая прекрасные одежды, и расхаживал с друзьями и товарищами, и думал я, что всё это продлится постоянно и всегда будет мне полезно. И я провёл в таком положении некоторое время, а затем я очнулся от своей беспечности и вернулся к разуму и увидел, что деньги мои ушли, а положение изменилось, и исчезло всё, что у меня было.

И, придя в себя, я испугался и растерялся и стал думать об одном рассказе, который я раньше слышал от отца, — и был это рассказ о господине нашем Сулеймане, сыне Дауда (мир с ними обоими!), который говорил: «Есть три вещи лучше трёх других: день смерти лучше дня рождения, живой пёс лучше мёртвого льва, и могила лучше бедности». И я поднялся и собрал все бывшие у меня вещи и одежды и продал их, а потом я продал мои земли и всё, чем владели мои руки, и собрал три тысячи дирхемов.

И пришло мне на мысль отправиться в чужие страны, и вспомнил я слова кого-то из поэтов, который сказал:

По мере труда достигнуть высот возможно;
Кто ищет высот, не знает тот сна ночами.
Ныряет в море ищущий жемчужин,
Богатство, власть за то он получает.
Но ищет кто высот без утомленья,
Тот губит жизнь в бессмысленных стремленьях.

И тогда я решился и закупил себе товаров и вещей и всяких принадлежностей и кое-что из того, что было нужно для путешествия, и душа моя согласилась на путешествие по морю. И я сел на корабль и спустился в город Басру вместе с толпой купцов, и мы ехали морем дни и ночи и проходили мимо островов, переходя из моря в море и от суши к суше; и везде, где мы ни проходили, мы продавали и покупали и выменивали товары. И мы пустились ехать по морю и достигли одного острова, подобного саду из райских садов, и хозяин корабля пристал к этому острову и бросил якоря и спустил сходни, и все, кто был на корабле, сошли на этот остров. И они сделали себе жаровни и разожгли на них огонь и занялись разными делами, и некоторые из них стряпали, другие стирали, а третьи гуляли; и я был среди тех, кто гулял по острову. И путники собрались и стали есть, пить, веселиться и играть; и мы проводили так время, как вдруг хозяин корабля стал на край палубы и закричал во весь голос: «О, мирные путники, поспешите подняться на корабль и поторопитесь взойти на него! Оставьте ваши вещи и бегите, спасая душу. Убегайте, пока вы целы и не погибли. Остров, на котором вы находитесь, не остров, — это большая рыба, которая погрузилась в море, и нанесло на неё песку, и стала она как остров, и деревья растут на ней с древних времён. А когда вы зажгли на ней огонь, она почувствовала жар и зашевелилась, и она опустится сейчас с вами в море, и вы все потонете. Ищите же спасения вашей душе прежде гибели...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот тридцать девятая ночь

Когда же настала пятьсот тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что капитан корабля закричал путникам и сказал им: «Ищите спасения вашей душе прежде гибели и оставьте вещи!»

И путники услышали слова капитана и заторопились, и поспешили подняться на корабль, и оставили свои вещи и

Иллюстрация к книге сказок «Тысяча и одна ночь».
Художник М.Б. Патрушева. 1999–2000 гг.

пожитки, и котлы, и жаровни. И некоторые из них достигли корабля, а некоторые не достигли, и остров зашевелился и опустился на дно моря со всем, что на нём было, и сомкнулось над ним ревущее море, где бились волны. А я был среди тех, которые задержались на острове, и погрузился в море вместе с теми, кто погрузился, но Аллах великий спас меня и сохранил от потопления и послал мне большое деревянное корыто, из тех, в которых люди стирали. И я схватился за корыто и сел на него верхом, ради сладости жизни, и отталкивался ногами, как вёслами, и волны играли со мной, бросая меня направо и налево. А капитан распустил паруса и поплыл с теми, кто поднялся на корабль, не обращая внимания на утопающих; и я смотрел на этот корабль, пока он не скрылся из глаз, и тогда я убедился, что погибну.

И пришла ночь, и я был в таком положении и провёл таким образом один день и одну ночь, и ветер и волны помогли мне, и корыто пристало к высокому острову, на котором были деревья, свешивающиеся над морем. И я схватился за ветку высокого дерева и уцепился за неё, едва не погибнув, и, держась за эту ветку, вылез на остров. И я увидел, что но-

ги у меня затекли и укусы рыб оставили на голенях следы, но я не чувствовал этого, так сильны были моя горечь и утомление. И я лежал на острове, как мёртвый, и лишился чувств, и погрузился в оцепенение, и пробыл в таком состоянии до следующего дня. И поднялось надо мной солнце, и я проснулся на острове и увидел, что ноги у меня распухли, но пошёл, несмотря на то что со мной было, то ползая, то волочась на коленях; а на острове было много плодов и ручьёв с пресной водой, и я ел эти плоды.

И я провёл в таком положении несколько дней и ночей, и душа моя ожила, и вернулся ко мне дух мой, и мои движения окрепли. И я принялся думать и расхаживать по берегу острова, смотря среди деревьев на то, что создал Аллах великий, и сделал себе посох из сучьев этих деревьев, на который я опирался, и я долго жил таким образом. И однажды я шёл по берегу острова, и показалось мне издали какое-то существо. Я подумал, что это дикий зверь или животное из морских животных, и пошёл по направлению к нему, не переставая на него смотреть; и вдруг оказалось, что это конь, огромный на вид и привязанный на краю острова у берега моря.

И я приблизился к нему, и конь закричал великим криком, и я испугался и хотел повернуть назад; но вдруг вышел из-под земли человек и закричал на меня и пошёл за мной следом и спросил: «Кто ты, откуда ты пришёл и почему ты попал в это место?» — «О господин, — отвечал я ему, — знай, что я чужестранец, и я ехал на корабле и стал тонуть вместе с некоторыми из тех, кто был на нём, но Аллах послал мне деревянное корыто, и я сел в него, и оно плыло со мной, пока волны не выбросили меня на этот остров». И, услышав мои слова, этот человек схватил меня за руку и сказал: «Пойдём со мной»; и я пошёл с ним, и он опустил со мной в погреб под землю и ввёл меня в большую подземную комнату, и потом он посадил меня посреди этой комнаты и принёс мне кушаний. А я был голоден и стал есть, и ел, пока не насытился и не поел вдоволь, и душа моя отдохнула. И затем этот человек начал расспра-

шивать меня о моих обстоятельствах и о том, что со мной случилось; и я рассказал ему обо всех бывших со мной делах от начала до конца, и он удивился моей повести...

Вопросы и задания

1. Что вы знаете о книге «Тысяча и одна ночь»?
2. Чем объясняется разнообразие тем и сюжетов сказок, включённых в книгу?
3. Раскройте смысл изречения «Есть три вещи лучше трёх других: день смерти лучше дня рождения, живой пёс лучше мёртвого льва, и могила лучше бедности». Есть ли в тексте прочитанного вами фрагмента другие мудрые изречения? Если есть, назовите их. О чём они?
- 4*. Чем сказка из книги «Тысяча и одна ночь» отличается по форме от русских народных сказок про путешествия героя?

Живое слово

Найдите сказки о путешествии Синдбада-морехода и самостоятельно прочитайте их. Расскажите об одном из путешествий Синдбада близко к тексту.

Минуты творчества

Нарисуйте иллюстрацию к сказке о первом путешествии Синдбада. Придумайте или подберите из текста сказки подпись к ней.

<http://kurokam.ru>

**ЯКОБ
ГРИММ**

1785—1863

**ВИЛЬГЕЛЬМ
ГРИММ**

1786—1859

БРАТЬЯ ГРИММ И ИХ СКАЗКИ

Родились братья Гримм в немецком городке Ганау в семье адвоката, Якоб — 4 января 1785 года, Вильгельм — 24 февраля 1786 года. Братья были необыкновенно дружны, и родственная связь достаточно быстро переросла в связь духовную, которая сохранялась до конца их жизни.

Вначале они учились в Кассельском лицее, затем намеревались посвятить себя изучению юридических наук, для чего даже поступили в Марбургский университет, однако быстро поняли своё истинное предназначение — изучение немецкой старины и устного народного творчества.

Заслуги их были значительными; Якоб Гримм был, к примеру, в 1805—1809 годах библиотекарем у брата французского императора Жерома Бонапарта, тогдашнего короля Вестфалии. Но в историю литературы братья вошли как собиратели немецкого фольклора.

Их сборник «Детские и семейные сказки» впервые вышел в свет 1812 году. В скромном по оформлению первом томе издания было 83 сказки. Спустя три года вышел второй том. В эти два тома вошло 200 народных сказок и 10 «детских легенд». Через два года после выхода «Сказок» братья Гримм выпустили сборник «Немецкие предания» в двух томах. «Детские и семейные сказки» принесли братьям европейскую славу: уже при жизни авторов было 6 изданий, сборник вскоре был переведён на многие языки стран Европы.

Сборник сказок братьев Гримм был практически первым опытом в деле собирания и обработки древней немецкой литературы и фольклора. В дальнейшем труды братьев в этом направлении принесли им мировую славу и оказали сильное влияние на развитие науки, в том числе и русской. В наши дни в Германии их называют «отцами и родоначальниками германской филологии». Их деятельность была разносторонней, она охватывала разные области — скандинавскую мифологию и историю права, собирание произведений немецкого фольклора и составление исторического словаря немецкого языка и многое, многое другое.

С 1814 года Вильгельм, а с 1816 года и Якоб работали до 1820 года в Кассельской библиотеке, при том что им предлагались другие, говоря сегодняшним языком, более престижные и высокооплачиваемые должности.

С начала 1830-х годов братья Гримм трудились в Гёттингенском университете — вначале библиотекарями, а затем получили должность профессоров. В 1837 году из-за несогласия с политикой нового ганноверского короля Эрнста Августа они были уволены и должны были покинуть Ганновер. В 1840 году братья Гримм были избраны членами Берлинской академии наук и получили право читать лекции в Берлинском университете. Здесь они работали до самой смерти. Вильгельм Гримм умер 16 декабря 1859 года, Якоб — 20 сентября 1863 года.

Вопросы и задания

1. Многие сказки братьев Гримм были экранизированы, на сюжеты из них созданы художественные фильмы и мультипликационные ленты. Какие? В одну колонку запишите названия кинофильмов, в другую — мультфильмов.
2. Какие фильмы по произведениям братьев Гримм вы видели? Расскажите о своих впечатлениях подробно.

СНЕГУРОЧКА

Это было в середине зимы. Падали снежинки, точно пух с неба, и сидела королева у окна, — рама его была из чёрного дерева, — и королева шила. Когда она шила, загляделась на снег и уколола иглою палец, — и упало три капли крови на снег. И красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя: «Вот если б родился у меня ребёнок, белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!»

И родила королева вскоре дочку, и была она бела, как снег, румяна, как кровь, и такая черноволосая, как чёрное дерево, — и прозвали её потому Снегурочкой. А когда ребёнок родился, королева умерла.

Год спустя взял король себе другую жену. Эта была красивая женщина, но гордая и надменная, она терпеть не могла, когда кто-нибудь превосходил её красотой. Было у неё волшебное зеркальце, и когда становилась она перед ним и глядела в него, то спрашивала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И зеркало отвечало:

Вы, королева, красивее всех в стране.

И она была довольна, так как знала, что зеркало говорит правду.

А Снегурочка за это время подросла и становилась всё краше, и, когда ей исполнилось семь лет, была она такая прекрасная, как ясный день, и красивей самой королевы. Когда королева спросила у своего зеркальца:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране? —

зеркальце ответило так:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но Снегурочка в тысячу раз богаче красой.

Испугалась тогда королева, пожелтела, позеленела от зависти. Увидит, бывало, Снегурочку — и сердце у ней разрывается, так невзлюбила она девочку. И зависть и высокомерие разрастались, как сорные травы, в её сердце всё выше и выше, и не было ей отныне покоя ни днём, ни ночью.

Тогда она позвала одного из своих егерей и сказала:

— Заведи эту девочку в лес, — я больше видеть её не могу. Ты должен её убить и принести мне в знак доказательства её лёгкие и печень.

Егерь послушался и завёл девочку в лес; но, когда он вытащил свой охотничий нож и хотел было уже пронзить ни в чём не повинное сердце Снегурочки, та стала плакать и просить:

— Ах, милый егерь, оставь меня в живых! Я убегу далеко-далеко в дремучий лес и никогда не вернусь домой.

И оттого, что была она такая красивая, егерь над ней сжалился и сказал:

— Так и быть, беги, бедная девочка!

И подумал про себя: «Всё равно там тебя скоро съедят дикие звери», — и будто камень свалился у него с сердца, когда не пришлось ему убивать Снегурочку.

И как раз в это время подбежал молодой олень, егерь его заколол, вырезал у него лёгкие и печень и принёс их королеве в знак доказательства, что её приказание исполнено. Повару было велено сварить их в солёной воде, и злая женщина их съела, думая, что это лёгкие и печень Снегурочки.

Осталась бедная девочка в дремучем лесу одна-одинёшенька, и в страхе она оглядела все листики на деревьях, не зная, как ей быть дальше, как своему горю помочь.

Она пустилась бежать, и бежала по острым камням, через колючие заросли; и прыгали около неё дикие звери, но её не трогали. Бежала она сколько сил хватило, но вот стало наконец смеркаться. Вдруг она увидела маленькую избушку и зашла в неё отдохнуть. И было в той избушке всё таким маленьким, но красивым и чистым, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Стоял там накрытый белой скатертью столик, а на нём семь маленьких тарелочек, возле каждой тарелочки по ложечке, а ещё семь маленьких ножей и вилок и семь маленьких кубков. Стояли у стены в ряд семь маленьких кроваток, и были они покрыты белоснежными покрывалами.

Захотелось Снегурочке поесть и попить, она взяла из каждой тарелочки понемногу овощей и хлеба и выпила из каждого кубочка по капельке вина, — ей не хотелось пить всё из одного. А так как она очень устала, то легла в одну из постелек, но ни одна из них для неё не подходила: одна была слишком длинной, другая слишком короткой; но седьмая оказалась наконец ей как раз впору; она в неё улеглась и, отдавшись на милость Господню, уснула.

Когда уже совсем стемнело, пришли хозяева избушки; были то семеро карликов, которые в горах добывали руду. Они зажгли семь своих лампочек, и, когда в избушке стало светло, они заметили, что у них кто-то был, потому что не всё оказалось в том порядке, в каком было раньше. И сказал первый карлик:

— Кто это на моём стуле сидел?

Второй:

— Кто это из моей тарелочки ел?

Третий:

— Кто взял кусок моего хлеба?

Четвёртый:

— А кто мои овощи ел?

Пятый:

— Кто моей вилочкой брал?

Шестой:

— А кто моим ножичком резал?

Седьмой спросил:

— Кто это пил из моего маленького кубка?

Оглянулся первый и заметил на своей постельке маленькую складочку и спросил:

— А кто это лежал на моей кровати?

Тут сбежались остальные и стали говорить:

— И в моей тоже кто-то лежал.

Глянул седьмой карлик на свою постель, видит — лежит в ней Снегурочка и спит. Кликнул он тогда остальных; подбежали они, стали от удивления кричать, принесли семь своих лампочек и осветили Снегурочку.

— Ах, Боже мой! Ах, Боже мой! — воскликнули они. — Какой, однако, красивый ребёнок!

Они так обрадовались, что не стали её будить и оставили её спать в постельке. А седьмой карлик проспал у каждого из своих товарищей по часу, — так вот и ночь прошла.

Наступило утро. Проснулась Снегурочка, увидела семь карликов и испугалась. Но были они с ней ласковы и спросили её:

— Как тебя звать?

— Меня зовут Снегурочкой, — ответила она.

— Как ты попала в нашу избушку? — продолжали спрашивать карлики.

И она рассказала им о том, что мачеха хотела её убить, но егерь сжалился над ней, и что бежала она целый день, пока наконец не нашла их избушку.

Карлики спросили:

— Хочешь вести у нас хозяйство? Стряпать, постели взбивать, стирать, шить и вязать, всё содержать в чистоте и порядке, — если ты на это согласна, то можешь у нас остаться, и будет у тебя всего вдосталь.

— Хорошо, — сказала Снегурочка, — с большой охотой, — и осталась у них.

Она содержала избушку в порядке. Утром карлики уходили в горы копать руду и золото, а вечером возвращались домой, и она должна была к их приходу готовить им

ужин. Целый день девочке приходилось оставаться одной, и потому добрые карлики её предостерегали и говорили:

— Берегись своей мачехи: она скоро узнает, что ты здесь. Смотри, никого не впускай в дом.

А королева, съев лёгкие и печень Снегурочки, стала опять думать, что она теперь самая первая красавица в стране. Она подошла к зеркалу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всей красивей в нашей стране?

И ответило зеркало:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Испугалась тогда королева, — она ведь знала, что зеркальце говорит правду, и поняла, что егерь её обманул, что Снегурочка ещё жива. И она стала снова думать и гадать, как бы её извести. И не было ей от зависти покоя, оттого что не она самая первая красавица в стране.

И вот под конец она кое-что надумала! Она накрасила себе лицо, переделалась старой торговкой, и теперь её никак нельзя было узнать. Направилась она через семь гор к семи карликам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Глянула Снегурочка в окошко и говорит:

— Здравствуй, голубушка! Ты что продаёшь?

— Хорошие товары, прекрасные товары, — ответила та, — шнурки разноцветные, — и достала ей один из них показать, и был он сплетён из пеёстроного шёлка.

«Эту почтенную женщину можно, пожалуй, и в дом пустить», — подумала Снегурочка. Она отодвинула дверной засов и купила себе красивые шнурки.

— О, как они тебе идут, девочка, — молвила старуха, — дай-ка я зашнурую тебе лиф как следует.

Снегурочка, не предвидя ничего дурного, стала перед нею и дала затянуть на себе новые шнурки. И начала старуха шнуровать, да так быстро и так туго, что Снегурочка задохнулась и упала замертво наземь.

— Это за то, что ты самой красивой была, — сказала королева и быстро исчезла.

А вскоре, к вечеру, вернулись семь карликов домой, и как они испугались, когда увидели, что их милая Снегурочка лежит на полу — не двинется, не шелохнётся, словно мёртвая! Они подняли её и увидели, что она крепко-накрепко зашнурована; тогда разрезали они шнурки, и стала она понемногу дышать и постепенно пришла в себя.

Когда карлики услышали о том, как всё это случилось, они сказали:

— Старая торговка была на самом-то деле злой королевой. Берегись, не впускай к себе никого, когда нас нет дома.

А злая женщина возвратилась тем временем домой, подошла к зеркальцу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

Ответило ей зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Когда она услышала такой ответ, вся кровь прилила у ней к сердцу, так она испугалась, — она поняла, что Снегурочка ожила снова.

— Ну, уж теперь, — сказала она, — я придумаю такое, что погубит тебя наверняка.

И, зная разное колдовство, она приготовила ядовитый гребень. Потом переоделась она и притворилась другою старухой. И отправилась за семь гор к семи карликам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Снегурочка выглянула в окошко и говорит:

— Проходи себе дальше, в дом пускать никого не велено!

— Поглядеть-то, пожалуй, можно, — молвила старуха, достала ядовитый гребень и, подняв его вверх, показала Снегурочке.

Он так понравился девочке, что она дала себя обмануть и открыла дверь. Они сошлись в цене, и старуха сказала:

— Ну, а теперь дай-ка я тебя как следует причешу.

Бедная Снегурочка, ничего не подозревая, дала старухе себя причесать; но только та прикоснулась гребешком к её волосам, как яд стал тотчас действовать, и девочка упала без чувств наземь.

— Ты писаная красавица, — сказала злая женщина, — теперь-то пришёл тебе конец! — И, сказав это, она ушла.

Но, по счастью, дело было под вечер, и семеро карликов вскоре вернулись домой. Заметив, что Снегурочка лежит на полу мёртвая, они тотчас заподозрили в этом мачеху, стали доискиваться, в чём дело, и нашли ядовитый гребень; и как только они его вытащили, Снегурочка опять пришла в себя и рассказала им обо всём, что случилось. Тогда карлики ещё раз предупредили её, чтоб она была поосторожней и дверь никому не открывала.

А королева возвратилась домой, села перед зеркалом и говорит:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Услыхав, что говорит зеркало, она вся задрожала-затрепетала от гнева.

— Снегурочка должна погибнуть, — крикнула она, — даже если бы это мне самой стоило жизни!

И она отправилась в потайную комнату, куда никто никогда не входил, и приготовила там ядовитое-преядовитое яблоко. Было оно на вид очень красивое, белое с красными крапинками, и всякий, кто его бы увидел, захотел бы его съесть; но кто съел хотя бы кусочек, тот непременно бы умер.

Когда яблоко было готово, королева накрасила себе лицо, переделалась крестьянкой и отправилась в путь-дорогу — за семь гор, к семи карликам. Она постучалась; Снегурочка высунула голову в окошко и говорит:

— Пускать в дом никого не велено — семь карликов мне это запретили.

— Оно правильно, — ответила крестьянка, — но куда же я дену свои яблоки? Хочешь, я тебе одно из них подарю?

— Нет, — сказала Снегурочка, — мне брать ничего не велено.

— Ты что ж, отравы боишься? — спросила старуха. — Погляди, я разрежу яблоко на две половинки: румяную съешь ты, а белую я.

А яблоко было сделано так хитро, что только румяная его половинка была отравленной. Захотелось Снегурочке отведать прекрасного яблока, и, когда она увидела, что крестьянка его ест, девочка не удержалась, высунула из окошка руку и взяла отравленную половинку. Только откусила она кусок, тотчас упала замертво наземь. Посмотрела на неё своими страшными глазами королева и, громко захохотав, сказала:

— Бела, как снег, румяна, как кровь, черноволоса, как чёрное дерево! Уж теперь-то твои карлики не разбудят тебя никогда!

Она вернулась домой и стала спрашивать у зеркала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало наконец:

Вы, королева, красивей во всей стране.

Успокоилось тогда её завистливое сердце, насколько может подобное сердце найти себе покой

Карлики, возвратясь вечером домой, нашли Снегурочку лежащей на земле, бездыханной и мёртвой. Они подняли её и стали искать отраву; они расшнуровали её, причесали ей волосы, обмыли её водой и вином, но ничего не помогло, — бедная девочка как была мёртвой, так мёртвой и осталась.

Положили они её в гроб, уселись все семеро вокруг неё, стали её оплакивать, и проплакали так целых три дня. Потом они решили её похоронить, но она выглядела как живая — щёки у неё были по-прежнему красивые и румяные.

И сказали они:

— Как можно её такую в землю закапывать?

И они велели сделать для неё стеклянный гроб, чтоб можно было её видеть со всех сторон, и положили её в тот гроб, написали на нём золотыми буквами её имя и что была она королевской дочерью. Отнесли они гроб на гору, и всегда один из них оставался при ней на страже. И явились также звери и птицы оплакивать Снегурочку: сначала сова, потом ворон и, наконец, голубок.

И долго-долго лежала в своём гробу Снегурочка, и казалось, что она спит, — была она бела, как снег, румяна, как кровь, и черноволоса, как чёрное дерево.

Но однажды случилось, что заехал королевич в тот лес и попал в дом карликов, чтобы там переночевать. Он увидел на горе гроб, а в нём прекрасную Снегурочку и прочел, что было написано на нём золотыми буквами. И сказал он тогда карликам:

— Отдайте мне этот гроб, я дам вам за это всё, что вы пожелаете.

Но карлики ответили:

— Мы не отдадим его даже за всё золото на свете.

Тогда он сказал:

— Так подарите мне его, — я не могу жить, не видя Снегурочки, я буду её глубоко уважать и почитать, как свою возлюбленную.

Когда он это сказал, добрые карлики сжалились над ним и отдали ему гроб; и велел королевич своим слугам нести его на плечах. Но случилось так, что они споткнулись в кустах, и от сотрясения кусок отравленного яблока выпал из горла Снегурочки. Тут открыла она глаза, подняла крышку гроба, а потом встала из него и ожила снова.

— Ах, Господи, где ж это я? — воскликнула она.

Королевич, обрадованный, ответил:

— Ты со мной, — и рассказал ей всё, что произошло, и молвил: — Ты мне милее всего на свете; пойдём вместе со мной в замок моего отца, и ты будешь моею женой.

Снегурочка согласилась и пошла вместе с ним; и отпраздновали они свадьбу с большой пышностью.

Но на свадебный пир была приглашена и злая мачеха Снегурочки. Нарядилась она в красивое платье, подошла к зеркалу и сказала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но королева в тысячу раз богаче красой!

И вымолвила тогда злая женщина своё проклятье, и стало ей так страшно, так страшно, что она не знала, как ей с собой совладать. Сначала она решила совсем не идти на свадьбу, но не было ей покоя — ей хотелось пойти и посмотреть на молодую королеву. Она вошла во дворец и узнала Снегурочку и от страха и ужаса как стояла, так на месте и застыла.

Но были уже поставлены для неё на горящие угли железные туфли, их принесли, держа щипцами, и поставили перед нею. И она должна была ступить ногами в докрасна раскалённые туфли и плясать в них до тех пор, пока наконец не упала, мёртвая, наземь.

Перевод с немецкого Г. Петникова

Вопросы и задания

1. Найдите сказочные элементы в тексте «Снегурочки».
2. Какие эпизоды в сказке близки сюжетам произведений русских авторов? Перескажите их. В чём различия?
- 3*. Вы познакомились с произведениями русского, немецкого и восточного устного народного творчества. Каким традициям ближе сказка братьев Гримм «Снегурочка»? Свой вывод подтвердите примерами.

После уроков

Подготовьте вопросы для литературной викторины «В стране сказок братьев Гримм».

О. ГЕНРИ

(УИЛЬЯМ

СИДНИ

ПОРТЕР)

1862—1910

Уильям Сидни Портер (псевдоним О. Генри) родился в семье врача. Перепробовал несколько профессий: был ковбоем, счетоводом, кассиром в банке. Его обвинили в растрате и заключили в тюрьму. Именно здесь в 1899 году он написал свой первый рассказ «Рождественский подарок Уистлинга Дика». Всего же О. Генри принадлежат около 300 рассказов.

О. Генри — мастер короткого рассказа с энергично развивающимся действием и часто неожиданным концом. Такие рассказы называют *новеллами*. Новеллы писателя отличаются мягким юмором. В них изображается жизнь, заботы, мечты простого американца. Его основная забота, как правило, — это мечта о том, как быстрее выбиться из нужды, разбогатеть. О. Генри в лучших своих произведениях правдиво изображает жизнь, сочувственно относится к своим героям, поэтизирует бедность.

Известен и любим многими читателями рассказ «Вождь Краснокожих». Сюжет его прост, как и в других новеллах: два незадачливых американца решаются разбогатеть, выкрыв в богатой семье ребёнка. Что из этого вышло, вы узнаете, прочитав рассказ.

Дом, в котором жил О. Генри

Вопросы и задания

1. По словарю определите значение слова *ковбой*. Какие ещё специальности перепробовал писатель?
2. Где был написан его первый рассказ? Как он назывался?
3. К каким темам обращался в своём творчестве О. Генри? Кто по преимуществу был героем его рассказов и новелл?
4. Дайте определение жанра новеллы.
5. Рассказ «Вождь Краснокожих» — произведение юмористическое. Докажите это, вспомнив определение юмора.

Дельце как будто подвёртывалось выгодное. Но погодите, дайте я вам сначала расскажу. Мы были тогда с Биллом Дрисколлом на Юге, в штате Алабама. Там нас осенила блестящая идея насчёт похищения. Должно быть, как говаривал потом Билл, «нашло временное помрачение ума», — только мы-то об этом догадались много позже.

Есть там один городишко, плоский, как блин, и, конечно, называется Вершины. Живёт в нём самая безобидная и всем довольная деревенщина, какой впору только плясать вокруг майского шеста.

У нас с Биллом было в то время долларов шестьсот объединённого капитала, а требовалось нам ещё ровно две тысячи на проведение жульнической спекуляции земельными участками в Западном Иллинойсе. Мы говорили об этом, сидя на крыльце гостиницы. Чадолубие¹, говорили мы, сильно развито в полудеревенских общинах; а поэтому, а также и по другим причинам, план похищения легче будет осуществить здесь, чем в радиусе действия газет, которые поднимают в таких случаях шум, рассылая во все стороны переодетых корреспондентов. Мы знали, что городишко не может послать за нами в погоню ничего страшнее констеблей², да каких-нибудь сентиментальных³ ищеек, да двух-трёх обличительных замечаний в «Еженедельном бюджете фермера». Как будто получалось недурно.

Мы выбрали нашей жертвой единственного сына самого видного из горожан, по имени Эбенезер Дорсет. Палаша

¹ Чадолубие — любовь к детям.

² Констебль — низший полицейский чин в Англии и США.

³ Сентиментальный — способный легко растрогаться, расчувствоваться; отличающийся излишней чувствительностью.

был человек почтенный и прижимистый, любитель просроченных закладных¹, честный и неподкупный церковный сборщик. Сынок был мальчишка лет десяти, с выпуклыми веснушками по всему лицу и волосами приблизительно такого цвета, как обложка журнала, который покупаешь обычно в киоске, спеша на поезд. Мы с Биллом рассчитывали, что Эбенезер сразу выложит нам за сына две тысячи долларов, никак не меньше. Но погодите, дайте я вам сначала расскажу.

Милях в двух от города есть невысокая гора, заросшая густым кедровником. В заднем склоне этой горы имеется пещера. Там мы сложили провизию.

Однажды вечером, после захода солнца, мы проехали в шарабане² мимо дома старика Дорсета. Мальчишка был на улице и швырял камнями в котёнка, сидевшего на заборе.

— Эй, мальчик! — говорит Билл. — Хочешь получить пакетик леденцов и прокатиться?

Мальчишка засветил Биллу в самый глаз обломком кирпича.

— Это обойдется старику в лишних пятьсот долларов, — сказал Билл, перелезая через колесо.

Мальчишка этот дрался, как бурый медведь среднего веса, но в конце концов мы его закинули на дно шарабана и поехали. Мы отвели мальчишку в пещеру, а лошадь я привязал в кедровнике. Когда стемнело, я отвёз шарабан в деревушку, где мы его нанимали, милях в трёх от нас, а оттуда прогулялся к горе пешком.

Смотрю, Билл заклеивает липким пластырем царапины и ссадины на своей физиономии. Позади большой скалы у входа в пещеру горит костёр, и мальчишка с двумя ястребиными перьями в рыжих волосах следит за кипящим кофейником. Подхожу я, а он нацелился в меня палкой и говорит:

¹ *Закладная* — расписка; официальный письменный документ о залоге имущества.

² *Шарабан* — повозка.

— А, проклятый бледнолицый, как ты смеешь являться в лагерь Вождя Краснокожих, грозы равнин?

— Сейчас он ещё ничего, — говорит Билл, закатывая штаны, чтобы разглядеть ссадины на голених. — Мы играем в индейцев. Цирк по сравнению с нами — просто виды Палестины в волшебном фонаре. Я старый охотник Хенк, пленник Вождя Краснокожих, и на рассвете с меня снимут скальп¹. Святые мученики! И здоров же лягаться этот мальчишка!

Да, сэр, мальчишка, видимо, веселился вовсю. Жить в пещере ему понравилось, он и думать забыл, что он сам пленник. Меня он тут же окрестил Змеиным Глазом и Соглядатаем² и объявил, что, когда его храбрые воины вернутся из похода, я буду изжарен на костре, как только взойдёт солнце.

Потом мы сели ужинать, и мальчишка, набив рот хлебом с грудинкой, начал болтать. Он произнёс застольную речь в таком роде:

— Мне тут здорово нравится. Я никогда ещё не жил в лесу; зато у меня был один раз ручной опоссум, а в прошлый день рождения мне исполнилось девять лет. Терпеть не могу ходить в школу. Крысы сожрали шестнадцать штук яиц из-под рябой курицы тётки Джимми Талбота. А настоящие индейцы тут в лесу есть? Я хочу ещё подливки. Ветер отчего дует? Оттого, что деревья качаются? У нас было пять штук щенят. Хенк, отчего у тебя нос такой красный? У моего отца денег видимо-невидимо. А звёзды горячие? В субботу я два раза отлупил Эда Уокера. Не люблю девчонок! Жабу не очень-то поймаешь, разве только на верёвочку. Быки режут или нет? Почему апельсины круглые? А кровати у вас в пещере есть? Амос Меррей — шестипалый. Попугай умеет говорить, а обезьяна и рыба нет. Дюжина — это сколько будет?

¹ *Скальп* — кожа с волосами, снимаемая как военный трофей у некоторых диких племён.

² *Соглядатель* — тот, кто тайно наблюдает за кем-либо; шпион, сыщик.

Каждые пять минут мальчишка вспоминал, что он краснокожий, и, схватив палку, которую он называл ружьём, крался на цыпочках ко входу в пещеру выслеживать лазутчиков¹, ненавистных бледнолицых. Время от времени он выпускал военный клич, от которого бросало в дрожь старого охотника Хенка. Билла этот мальчишка запугал с самого начала.

— Вождь Краснокожих, — говорю я ему, — а домой тебе разве не хочется?

— А ну их, чего я там не видал? — говорит он. — Дома ничего нет интересного. В школу ходить я не люблю. Мне нравится жить в лесу. Ты ведь не отведёшь меня домой, Змеинный Глаз?

— Пока не собираюсь, — говорю я. — Мы ещё поживём тут в пещере.

— Ну ладно, — говорит он. — Вот здорово! Мне никогда в жизни не было так весело.

Мы легли спать часов в одиннадцать. Расстелили на землю шерстяные и стёганные одеяла, посередине уложили Вождя Краснокожих, а сами легли с краю. Что он сбежит, мы не боялись. Часа три он, не давая нам спать, всё вскакивал, хватал своё ружьё; при каждом треске сучка и шорохе листьев его юному воображению чудилось, будто к пещере подкрадывается шайка разбойников, и он верещал на ухо то мне, то Биллу: «Тише, приятель!» Под конец я заснул тревожным сном и во сне видел, будто меня похитил и приковал к дереву свирепый пират с рыжими волосами.

На рассвете меня разбудил страшный визг Билла. Не крики, или вопли, или вой, или рёв, какого можно было бы ожидать от голосовых связок мужчины, — нет, прямо-таки неприличный, ужасающий, унижительный визг, каким визжат женщины, увидев привидение или гусеницу. Ужасно слышать, как на утренней заре в пещере визжит без умолку толстый, сильный, отчаянной храбрости мужчина.

¹ Лазутчик — разведчик, проникающий в расположение противника во время военных действий.

Я вскочил с постели посмотреть, что такое делается. Вождь Краснокожих сидел на груди Билла, вцепившись одной рукой ему в волосы. В другой руке он держал острый ножик, которым мы обыкновенно резали грудинку, и самым деловитым и недвусмысленным образом пытался снять с Билла скальп, выполняя приговор, который вынес ему вчера вечером.

Я отнял у мальчишки ножик и опять уложил его спать. Но с этой самой минуты дух Билла был сломлен. Он улёгся на своём краю постели, однако больше уже не сомкнул глаз за всё то время, что мальчик был с нами. Я было задремал ненадолго, но к восходу солнца вдруг вспомнил, что Вождь Краснокожих обещался сжечь меня на костре, как только взойдёт солнце. Не то чтобы я нервничал или боялся, а всё-таки сел, закурил трубку и прислонился к скале.

— Чего ты поднялся в такую рань, Сэм? — спросил меня Билл.

— Я? — говорю. — Что-то плечо ломит. Думаю, может, легче станет, если посидеть немного.

— Врёшь ты, — говорит Билл. — Ты боишься. Тебя он хотел сжечь на рассвете, и ты боишься, что он так и сделает. И сжёт бы, если б нашёл спички. Ведь это просто ужас, Сэм. Уж не думаешь ли ты, что кто-нибудь станет платить деньги за то, чтобы такой дьяволёнок вернулся домой?

— Думаю, — говорю я. — Вот как раз таких-то хулиганов и обожают родители. А теперь вы с Вождём Краснокожих вставайте и готовьте завтрак, а я поднимаюсь на гору и произведу разведку.

Я взойшёл на вершину маленькой горы и обвёл взглядом окрестности. В направлении города я ожидал увидеть дюжих фермеров, с косами и вилами рыскающих в поисках подлых похитителей. А вместо того я увидел мирный пейзаж, и оживлял его единственный человек, пахавший на сером муле. Никто не бродил с баграми вдоль реки; всадники не скакали взад и вперёд и не сообщали безутешным родителям, что пока ещё ничего не известно. Сонным спокойствием лесов веяло от той части Алабамы, которая простиралась перед моими глазами.

«Может быть, — сказал я самому себе, — ещё не обнаружено, что волки унесли ягнёночка из загона. Помоги, Боже, волкам!» И я спустился с горы завтракать.

Подхожу ближе к пещере и вижу, что Билл стоит, прижавшись к стенке, и едва дышит, а мальчишка собирается его трахнуть камнем чуть ли не с кокосовый орех величиной.

— Он сунул мне за шиворот с пылу горячую картошку, — объяснил Билл, — и раздавил её ногой, а я ему надрал уши. Ружьё с тобой, Сэм?

Я отнял у мальчишки камень и кое-как уладил это недоразумение.

— Я тебе покажу! — говорит мальчишка Биллу. — Ещё ни один человек не ударил Вождя Краснокожих, не заплатившись за это. Так что ты берегись!

После завтрака мальчишка достаёт из кармана кусок кожи, обмотанный бечёвкой, и идёт из пещеры, разматывая бечёвку на ходу.

— Что это он теперь затеял? — тревожно спрашивает Билл. — Как ты думаешь, Сэм, он не убежит домой?

— Не бойся, — говорю я. — Он, кажется, вовсе не такой уж домосед. Однако нам нужно придумать какой-то план насчёт выкупа. Не видно, чтобы в городе особенно беспокоились из-за того, что он пропал, а может быть, ещё не пронюхали насчёт похищения. Родные, может, думают, что он остался ночевать у тёти Джейн или у кого-нибудь из соседей. Во всяком случае, сегодня его должны хватиться. К вечеру мы пошлём его отцу письмо и потребуем две тысячи долларов выкупа.

И тут мы услышали что-то вроде военного клича, какой, должно быть, испустил Давид¹, когда нокаутировал чемпиона Голиафа². Оказывается, Вождь Краснокожих вытащил из кармана пращу³ и теперь крутил её над головой.

¹ *Давид* — величайшая и яркая фигура ветхозаветной истории: легендарный герой, талантливый полководец, мудрый государственный деятель, философ и великий поэт, создавший Псалмы, пережившие века и тысячелетия. Победитель великана Голиафа.

² *Голиаф* — в ветхозаветном предании великан-филистимлянин из Гефа, побеждённый в единоборстве Давидом.

³ *Праща* — древнее боевое оружие для метания камней.

Я увернулся и услышал глухой тяжёлый стук и что-то похожее на вздох лошади, когда с неё снимают седло. Черный камень величиной с яйцо стукнул Билла по голове как раз позади левого уха. Он сразу весь обмяк и упал головою в костёр, прямо на кастрюлю с кипятком для мытья посуды. Я вытащил его из огня и целых полчаса поливал холодной водой.

Понемножку Билл пришёл в себя, сел, пощупал за ухом и говорит:

— Сэм, знаешь, кто у меня любимый герой в Библии?

— Ты погоди, — говорю я. — Мало-помалу придёшь в чувство.

— Царь Ирод¹, — говорит он. — Ты ведь не уйдешь, Сэм, не оставишь меня одного?

Я вышел из пещеры, поймал мальчишку и начал так его трясти, что веснушки застучали друг о друга.

— Если ты не будешь вести себя как следует, — говорю я, — я тебя сию минуту отправлю домой. Ну, будешь ты слушаться или нет?

— Я ведь только пошутил, — сказал он, надувшись. — Я не хотел обижать старика Хенка. А он зачем меня ударил? Я буду слушаться, Змеиный Глаз, только ты не отправляй меня домой и позволь мне сегодня играть в разведчиков.

— Я этой игры не знаю, — сказал я. — Это уж вы решайте с мистером Биллом. Сегодня он будет с тобой играть. Я сейчас уйду ненадолго по делу. Теперь ступай помирись с ним да попроси прощения за то, что ты его ушиб, а не то сейчас же отправишься домой.

Я заставил их пожать друг другу руки, потом отвёл Билла в сторонку и сказал ему, что уйду в деревушку Поплар-Ков, в трёх милях² от пещеры, и попробую узнать, как смотрят в деревне на похищение младенца. Кроме того, я думаю, что будет лучше в этот же день послать угро-

¹ *Ирод* — Ирод Великий, правитель Иудеи. Ирод отличался особой жестокостью, убил жену и двух сыновей; по его приказу были умерщвлены четырнадцать тысяч младенцев, находящихся в Вифлееме.

² *Милья* — путевая мера длины, различная в разных странах.

жающее письмо старику Дорсету с требованием выкупа и наказом, как именно следует его уплатить.

— Ты знаешь, Сэм, — говорит Билл, — я всегда был готов за тебя в огонь и воду, не моргнул глазом во время землетрясения, игры в покер, динамитных взрывов, полицейских облав, нападений на поезда и циклонов. Я никогда ничего не боялся, пока мы не украли эту двуногую ракету. Он меня доконал. Ты ведь не оставишь меня с ним надолго, Сэм?

— Я вернусь к вечеру, что-нибудь около этого, — говорю я. — Твоё дело занимать и успокаивать ребёнка, пока я не вернусь. А сейчас мы с тобой напишем письмо старику Дорсету.

Мы с Биллом взяли бумагу и карандаш и стали сочинять письмо, а Вождь Краснокожих тем временем расхаживал взад и вперёд, закутавшись в одеяло и охраняя вход в пещеру. Билл со слезами просил меня назначить выкуп в полторы тысячи долларов вместо двух.

— Я вовсе не пытаюсь унижить прославленную, с моральной точки зрения, родительскую любовь, но ведь мы имеем дело с людьми, а какой же человек нашёл бы в себе силы заплатить две тысячи долларов за эту веснушчатую дикую кошку! Я согласен рискнуть: пускай будет полторы тысячи долларов. Разницу можешь отнести на мой счет.

Чтобы утешить Билла, я согласился, и мы с ним вместе состряпали такое письмо:

«Эбenezеру Дорсету, эсквайру¹.

Мы спрятали вашего мальчика в надёжном месте, далеко от города. Не только вы, но даже самые ловкие сыщики напрасно будут его искать. Окончательные, единственные условия, на которых вы можете получить его обратно, следующие: мы требуем за его возвращение полторы тысячи долларов; деньги должны быть оставлены сегодня в полночь на том же месте и в той же коробочке, что и ваш ответ, — где именно, будет сказано ниже. Если вы согласны на эти усло-

¹ *Эсквайр* — почётный английский дворянский титул; в обиходе употребляется как синоним слова «джентльмен».

вия, пришлите ответ в письменном виде с кем-нибудь одним к половине девятого. За бродом через Совиный ручей по дороге к Тополёвой роще растут три больших дерева на расстоянии ста ярдов одно от другого, у самой изгороди, что идёт мимо пшеничного поля, с правой стороны. Под столбом этой изгороди, напротив третьего дерева, ваш посланный найдёт небольшую картонную коробку.

Он должен положить ответ в эту коробку и немедленно вернуться в город.

Если вы попытаетесь выдать нас или не выполнить наших требований, как сказано, вы никогда больше не увидите вашего сына.

Если вы уплатите деньги, как сказано, он будет вам возвращён целым и невредимым в течение трёх часов. Эти условия окончательны, и, если вы на них не согласитесь, всякие дальнейшие сообщения будут прерваны.

Два злодея».

Я надписал адрес Дорсета и положил письмо в карман. Когда я уже собрался в путь, мальчишка подходит ко мне и говорит:

— Змеиный Глаз, ты сказал, что мне можно играть в разведчика, пока тебя не будет.

— Играй, конечно, — говорю я. — Вот мистер Билл с тобой поиграет. А что это за игра такая?

— Я разведчик, — говорит Вождь Краснокожих, — и должен скакать на заставу, предупредить поселенцев, что индейцы идут. Мне надоело самому быть индейцем. Я хочу быть разведчиком.

— Ну ладно, — говорю я. — По-моему, вреда от этого не будет. Мистер Билл поможет тебе отразить нападение свирепых дикарей.

— А что мне надо делать? — спрашивает Билл, подозрительно глядя на мальчишку.

— Ты будешь конь, — говорит разведчик. — Становись на четвереньки. А то как же я доскачу до заставы без коня?

Иллюстрация к рассказу О.Генри «Вождь Краснокожих»
Художник Г. Филипповский

— Ты уж лучше займи его, — сказал я, — пока наш план не будет приведён в действие. Порезвись немножко.

Билл становится на четвереньки, и в глазах у него появляется такое выражение, как у кролика, попавшего в западню.

— Далеко ли до заставы, малыш? — спрашивает он довольно-таки хриплым голосом.

— Девяносто миль, — отвечает разведчик. — И тебе придётся поторопиться, чтобы попасть туда вовремя. Ну, пошёл!

Разведчик вскакивает Биллу на спину и вонзает пятки ему в бока.

— Ради Бога, — говорит Билл, — возвращайся, Сэм, как можно скорее! Жалко, что мы назначили такой выкуп, надо бы не больше тысячи. Слушай, ты перестань меня лгать, а не то я встану и огрею тебя как следует!

Я отправился в Поплар-Ков, заглянул на почту и в лавку, посидел там, поговорил с фермерами, которые приходили за покупками. Один бородач слышал, будто бы

весь город переполошился из-за того, что у Эбенезера Дорсета пропал или украден мальчишка. Это-то мне и нужно было знать. Я купил табаку, справился мимоходом, почём нынче горох, незаметно опустил письмо в ящик и ушёл. Почтмейстер сказал мне, что через час проедет мимо почтальон и заберёт городскую почту.

Когда я вернулся в пещеру, ни Билла, ни мальчишки нигде не было видно. Я произвёл разведку в окрестностях пещеры, отважился раза два аукнуть, но мне никто не ответил. Я закурил трубку и уселся на моховую кочку ожидать дальнейших событий.

Приблизительно через полчаса в кустах зашелестело, и Билл выкатился на полянку перед пещерой. За ним крался мальчишка, ступая бесшумно, как разведчик, и ухмылялся во всю ширь своей физиономии. Билл остановился, снял шляпу и вытер лицо красным платком. Мальчишка остановился футах¹ в восьми позади него.

— Сэм, — говорит Билл, — пожалуй, ты сочтёшь меня предателем, но я просто не мог терпеть. Я взрослый человек, способен к самозащите, и привычки у меня мужественные, однако бывают случаи, когда всё идёт прахом — и сомнение и самообладание. Мальчик ушёл. Я отослал его домой. Всё кончено. Бывали мученики в старое время, которые скорее были готовы принять смерть, чем расстаться с любимой профессией. Но никто из них не подвергался таким сверхъестественным пыткам, как я. Мне хотелось остаться верным нашему грабительскому уставу, но сил не хватило.

— Что такое случилось, Билл? — спрашиваю я.

— Я проскакал все девяносто миль до заставы, ни дюймо¹ меньше, — отвечает Билл. — Потом, когда поселенцы были спасены, мне дали овса. Песок — неважная замена овсу. А потом я битый час должен был объяснять, почему в дырках ничего нету, зачем дорога идёт в обе стороны и отчего трава зелёная. Говорю тебе, Сэм, есть предел чело-

¹ Фут — мера длины, равная 30,5 см.

² Дюйм — мера длины, равная 2,54 см.

веческому терпению. Хватаю мальчишку за шиворот и тащу с горы вниз. По дороге он меня лягает, все ноги от колен книзу у меня в синяках; два-три укуса в руку и в большой палец мне придётся прижечь. Зато он ушёл, — продолжает Билл, — ушёл домой. Я показал ему дорогу в город, да ещё и подшвырнул его пинком футов на восемь вперёд. Жалко, что выкуп мы теряем, ну да ведь либо это, либо мне отправляться в сумасшедший дом.

Билл пыхтит и отдувается, но его ярко-розовая физиономия выражает неизъяснимый мир и полное довольство.

— Билл, — говорю я, — у вас в семье ведь нет сердечных болезней?

— Нет, — говорит Билл, — ничего такого хронического, кроме малярии и несчастных случаев. А что?

— Тогда можешь обернуться, — говорю я, — и поглядеть, что у тебя за спиной.

Билл оборачивается, видит мальчишку, разом бледнеет, плюхается на землю и начинает бессмысленно хвататься за траву и мелкие щепочки. Целый час я опасался за его рассудок. После этого я сказал ему, что, по-моему, надо кончать это дело моментально и что мы успеем получить выкуп и смыться ещё до полуночи, если старик Дорсет согласится на наше предложение. Так что Билл немного подбодрился, настолько даже, что через силу улыбнулся мальчишке и пообещал ему изображать русских в войне с японцами, как только ему станет чуточку полегче.

Я придумал, как получить выкуп без всякого риска быть захваченным противной стороной, и мой план одобрил бы всякий профессиональный похититель. Дерево, под которое должны были положить ответ, а потом и деньги, стояло у самой дороги; вдоль дороги была изгородь, а за ней с обеих сторон — большие голые поля. Если бы того, кто придёт за письмом, подстерегала шайка констеблей, его увидели бы издали на дороге или посреди поля. Так нет же, голубчики! В половине девятого я уже сидел на этом дереве, спрятавшись не хуже древесной лягушки, и поджидал, когда появится посланный.

Ровно в назначенный час подъезжает на велосипеде мальчишка-подросток, находит картонную коробку под столбом, засовывает в неё сложенную бумажку и укатывает обратно в город.

Я подождал ещё час, пока не уверился, что подвоха тут нет. Слез с дерева, достал записку из коробки, прокрался вдоль изгороди до самого леса и через полчаса был уже в пещере. Там я вскрыл записку, подсел поближе к фонарю и прочёл её Биллу. Она была написана чернилами, очень неразборчиво, и самая суть её заключалась в следующем:

«Двум злодеям.

Джентльмены, с сегодняшней почтой я получил ваше письмо насчёт выкупа, который вы просите за то, чтобы вернуть мне сына. Думаю, что вы запрашиваете лишнее, а потому делаю вам со своей стороны контрпредложение и полагаю, что вы его примете. Вы приводите Джонни домой и платите мне двести пятьдесят долларов наличными, а я соглашаюсь взять его у вас с рук долой. Лучше приходите ночью, а то соседи думают, что он пропал без вести, и я не отвечаю за то, что они сделают с человеком, который приведёт Джонни домой.

*С совершенным почтением
Эбенецер Дорсет».*

— Великие пираты! — говорю я. — Да ведь этакой наглости...

Но тут я взглянул на Билла и замолчал. У него в глазах я заметил такое умоляющее выражение, какого не видел прежде ни у бессловесных, ни у говорящих животных.

— Сэм, — говорит он, — что такое двести пятьдесят долларов в конце концов? Деньги у нас есть. Ещё одна ночь с этим мальчишкой, и придётся меня свезти в сумасшедший дом. Кроме того, что мистер Дорсет настоящий джентльмен, он, по-моему, ещё и расточитель¹, если дела-

¹ *Расточитель* — тот, кто безрассудно тратит, расходует что-либо.

ет нам такое великодушное предложение. Ведь ты не собираешься упускать такой случай, а?

— Сказать тебе по правде, Билл, — говорю я, — это сокровище что-то и мне действует на нервы! Мы отвезём его домой, заплатим выкуп и смоемся куда-нибудь подальше.

В ту же ночь мы отвезли мальчишку домой. Мы его уговорили — наплели, будто бы отец купил ему винтовку с серебряной насечкой и мокасины и будто бы завтра мы с ним поедем охотиться на медведя.

Было ровно двенадцать часов ночи, когда мы постучали в парадную дверь Эбенезера. Как раз в ту самую минуту, когда я должен был извлекать полторы тысячи долларов из коробки под деревом, Билл отсчитывал двести пятьдесят долларов в руку Дорсету.

Как только мальчишка обнаружил, что мы собираемся оставить его дома, он поднял вой не хуже паровой сирены и вцепился в ногу Билла, словно пиявка. Отец отдирает его от ноги, как липкий пластырь.

— Сколько времени вы сможете его держать? — спрашивает Билл.

— Силы у меня уж не те, что прежде, — говорит старик Дорсет, — но думаю, что за десять минут могу вам ручаться.

— Этого довольно, — говорит Билл. — В десять минут я пересеку Центральные, Южные и Среднезападные штаты и свободно успею добежать до канадской границы.

Хотя ночь была очень тёмная, Билл очень толст, а я умел очень быстро бегать, я нагнал его только в полутора милях от города.

Перевод с английского Н. Дарузес

Вопросы и задания

?

1. Какое впечатление произвёл на вас рассказ?
2. С какой целью герои хотели украсть мальчишку?

3. Найдите несколько деталей, которые характеризуют мальчика.
4. Какие испытания выпали на долю похитителей за время общения с Вождём Краснокожих?
5. Почему мальчик назвал себя Вождём Краснокожих?
6. Можете ли вы представить себя на месте героя? Если не можете, то почему?
7. Над кем смеётся писатель — над взрослыми или детьми?
8. Назовите эпизод, изображённый на иллюстрации художника Г. Филипповского, и сделайте подпись к рисунку. Текст подписи подберите из рассказа О. Генри.

Живое слово

Проведите небольшое психологическое исследование. Прочитайте данный эпизод и по его содержанию дайте характеристику персонажу.

«Мне тут здорово нравится. Я никогда ещё не жил в лесу; зато у меня был один раз ручной опоссум, а в прошлый день рождения мне исполнилось девять лет. Терпеть не могу ходить в школу. Крысы сожрали шестнадцать штук яиц из-под рябой курицы тётки Джимми Талбота. А настоящие индейцы тут в лесу есть? Я хочу ещё подливки. Ветер отчего дует? Оттого, что деревья качаются? У нас было пять штук щенят. Хенк, отчего у тебя нос такой красный? У моего отца денег видимо-невидимо. А звёзды горячие? В субботу я два раза отлупил Эда Уокера. Не люблю девчонок! Жабу не очень-то поймал, разве только на верёвочку. Быки режут или нет? Почему апельсины круглые? А кровати у вас в пещере есть? Амос Меррей — шестипалый. Попугай умеет говорить, а обезьяна и рыба нет. Дюжина — это сколько будет?»

**ДЖЕК
ЛОНДОН**
(Джон Гриффит)
1876—1916

Джек Лондон — псевдоним известного и многими любимого американского писателя. Его настоящее имя и фамилия Джон Гриффит. Джон родился в семье разорившегося фермера. Он вполне испытал на себе, что такое бедность, порой доводящая до отчаяния: когда нет работы, нет крыши над головой, но зато есть постоянное ощущение голода и внутренней боли от того, что ты, молодой и сильный, никому не нужен. Об этом, и, конечно, не только об этом, написан автобиографический роман «Мартин Иден», который многие считают лучшим произведением американской литературы 20-х годов XX века.

Джек Лондон был трудолюбивым и целеустремлённым человеком. Он перепробовал десятки специальностей: был в юности рабочим, матросом, побывал на Аляске в пору, когда там бушевала «золотая лихорадка». Многие эмигранты (а Америка — страна эмигрантов, в основном из стран Европы, прежде всего Англии) приехали сюда, чтобы разбогатеть, добиться того, что им не удавалось дома. Прослышав, что несметные запасы золота обнаружены на Аляске, они ринулись туда: в одиночку, парами, группами. Многие так и не нашли там вожаемого счастья; сотни обрели там вечное успокоение от суетных земных забот.

Люди в рассказах Джека Лондона (их он написал 152), как правило, сильные, упорные, уверенные в том, что цель им обязательно покорится, чего бы это ни стоило. Они живут, действуют, борются, влюбляются, помогают друг другу, а иногда и предают друг друга. М. Горький назвал Джека Лондона «писателем активного настроения». Простыми словами он повествует о суровой борьбе человека против жестоких стихий природы. Но больше всего — против жестоких стихий в самом себе.

Вопросы и задания

1. Расскажите о Джеке Лондоне — писателе и человеке. Какие его произведения вы читали?
2. Каковы герои рассказов Джека Лондона? В каких условиях они живут и действуют, чего добиваются в жизни?
3. В каком романе Джек Лондон рассказал о себе, о своём пути в литературу?

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Прихрамывая, они спускались к речке, и один раз тот, что шёл впереди, зашатался, споткнувшись посреди каменной россыпи. Оба устали и выбились из сил, и лица их выражали терпеливую покорность — след долгих лишений. Плечи им оттягивали тяжёлые тюки, схваченные ремнями. Каждый нёс ружьё. Оба шли сгорбившись, низко нагнув голову и не поднимая глаз.

— Хорошо бы иметь хоть два патрона из тех, что лежат у нас в тайнике, — сказал один.

Голос его звучал вяло, без всякого выражения. Он говорил равнодушно, и его спутник, только что ступивший в молочно-белую воду, пенящуюся по камням, ничего ему не ответил.

Второй тоже вошёл в речку вслед за первым. Они не разулись, хотя вода была холодная, как лёд, — такая холодная, что ноги у них и даже пальцы на ногах онемели от холода. Местами вода захлёстывала колени, и оба они пошатывались, теряя опору.

Второй путник поскользнулся на гладком валуне и чуть не упал, но удержался на ногах, громко вскрикнув от боли. Должно быть, у него закружилась голова, — он пошатнулся и замахал свободной рукой, словно хватаясь за воздух. Справившись с собой, он шагнул вперёд, но снова пошатнулся и чуть не упал. Тогда он остановился и поглядел на своего спутника: тот всё так же шёл вперёд, даже не оглядываясь.

Целую минуту он стоял неподвижно, словно раздумывая, потом крикнул:

— Слушай, Билл, я вывихнул ногу!

Билл ковылял дальше по молочно-белой воде. Он ни разу не оглянулся. Второй смотрел ему вслед, и, хотя его лицо оставалось по-прежнему тупым, в глазах появилась тоска, словно у раненого оленя.

Билл уже выбрался на другой берег и плёлся дальше. Тот, что стоял посреди речки, не сводил с него глаз. Губы у него так сильно дрожали, что шевелились жёсткие рыжие усы над ними. Он облизнул сухие губы кончиком языка.

— Билл! — крикнул он.

Это была отчаянная мольба человека, попавшего в беду, но Билл не повернул головы. Его товарищ долго следил, как он неуклюжей походкой, прихрамывая и спотыкаясь, взбирается по отлогому склону к волнистой линии горизонта, образованной гребнем невысокого холма. Следил до тех пор, пока Билл не скрылся из виду, перевалив за гребень. Тогда он отвернулся и медленно обвёл взгля-

дом тот круг вселенной, в котором он остался один после ухода Билла.

Над самым горизонтом тускло светило солнце, едва видимое сквозь мглу и густой туман, который лежал плотной пеленой, без видимых границ и очертаний. Опираясь на одну ногу всей своей тяжестью, путник достал часы. Было уже четыре. Последние недели две он сбился со счёта; стоял конец июля или начало августа, и он знал, что солнце должно находиться на северо-западе. Он взглянул на юг, соображая, что где-то там, за этими мрачными холмами, лежит Большое Медвежье озеро и что в том же направлении проходит по канадской равнине страшный путь Полярного круга. Речка, посреди которой он стоял, была притоком реки Коппермайн, и Коппермайн течёт также на север и впадает в залив Коронации, в Северный Ледовитый океан. Сам он никогда не бывал там, но видел однажды эти места на карте Компании Гудзонова залива.

Он снова окинул взглядом тот круг вселенной, в котором остался теперь один. Картина была невесёлая. Низкие холмы замыкали горизонт однообразной волнистой линией. Ни деревьев, ни кустов, ни травы — ничего, кроме беспредельной и страшной пустыни, — и в его глазах появилось выражение страха.

— Билл! — прошептал он и повторил опять: — Билл!

Он присел на корточки посреди мутного ручья, словно бескрайняя пустыня подавляла его своей несокрушимой силой, угнетала своим страшным спокойствием. Он задрожал, словно в лихорадке, и его ружьё с плеском упало в воду. Это заставило его опомниться. Он пересилил свой страх, собрался с духом и, опустив руки в воду, нашарил ружьё, потом передвинул тюк ближе к левому плечу, чтобы тяжесть меньше давила на больную ногу, и медленно и осторожно пошёл к берегу, морщась от боли.

Он шёл не останавливаясь. Не обращая внимания на боль, с отчаянной решимостью, он торопливо взбирался на вершину холма, за гребнем которого скрылся Билл, —

и сам он казался ещё более смешным и неуклюжим, чем хромой, едва ковылявший Билл. Но с гребня он увидел, что в неглубокой долине никого нет. На него снова напал страх, и, снова поборов его, он передвинул тюк ещё дальше к левому плечу и, хромая, стал спускаться вниз.

Дно долины было болотистое, вода пропитывала густой мох, словно губку. На каждом шагу она брызгала из-под ног, и подошва с хлюпаньем отрывалась от влажного мха.

Стараясь идти по следам Билла, путник перебирался от озерка к озерку по камням, торчавшим во мху, как островки.

Оставшись один, он не сбился с пути. Он знал, что ещё немного — и он подойдёт к тому месту, где сухие пихты и ели, низенькие и чахлые, окружают маленькое озеро Титчинничили, что на местном языке означает: «Страна Маленьких Палок». А в озеро впадает ручей, и вода в нём не мутная. По берегам ручья растёт камыш — это он хорошо помнил, — но деревьев там нет, и он пойдёт вверх по ручью до самого водораздела. От водораздела начинается другой ручей, текущий на запад; он спустится по нему до реки Диз и там найдёт свой тайник под перевернутым челноком, заваленным камнями. В тайнике спрятаны патроны, крючки и лески для удочек и маленькая сеть — всё нужное для того, чтобы добывать себе пропитание. А ещё там есть мука — правда, немного, и кусок грудинки, и бобы.

Билл подождёт его там, и они вдвоём спустятся по реке Диз до Большого Медвежьего озера, а потом переправятся через озеро и пойдут на юг, всё на юг, пока не доберутся до реки Маккензи. На юг, всё на юг, — а зима будет догонять их, и быстрину в реке затянет льдом, и дни станут холодней, — на юг, к какой-нибудь фактории Гудзонова залива, где растут высокие, мощные деревья и где сколько хочешь еды.

Вот о чём думал путник, с трудом пробираясь вперёд. Но как ни трудно ему было идти, ещё труднее было уверить себя в том, что Билл его не бросил, что Билл, конечно, ждёт его у тайника. Он должен был так думать, иначе не имело никакого смысла бороться дальше, — оставалось

только лечь на землю и умереть. И в то время как тусклый диск солнца медленно скрывался на северо-западе, он успел рассчитать — и не один раз — каждый шаг того пути, который предстоит проделать им с Биллом, уходя на юг от наступающей зимы. Он снова и снова перебирал мысленно запасы пищи в своём тайнике и запасы на складе Компании Гудзонова залива. Он ничего не ел уже два дня, но ещё дольше он не ел досыта. То и дело он нагибался, срывал бледные болотные ягоды, клал их в рот, жевал и проглатывал. Ягоды были водянистые и быстро таяли во рту, — оставалось только горькое жёсткое семя. Он знал, что ими не насытишься, но всё-таки терпеливо жевал, потому что надежда не хочет считаться с опытом.

В девять часов он ушиб большой палец ноги о камень, пошатнулся и упал от слабости и утомления. Он лежал на боку довольно долго, не шевелясь; потом высвободился из ремней, неловко приподнялся и сел. Ещё не стемнело, и в сумеречном свете он стал шарить среди камней, собирая клочки сухого мха. Набрав целую охапку, он развёл костёр — тлеющий, дымный костёр — и поставил на него котелок с водой.

Он распаковал тюк и прежде всего сосчитал, сколько у него спичек. Их было шестьдесят семь. Чтобы не ошибиться, он пересчитывал три раза. Он разделил их на три кучки и каждую завернул в пергамент; один свёрток он положил в пустой кисет, другой — за подкладку изношенной шапки, а третий — за пазуху. Когда он проделал всё это, ему вдруг стало страшно: он развернул все три свёртка и снова пересчитал. Спичек было по-прежнему шестьдесят семь.

Он просушил мокрую обувь у костра. От мокасин остались одни лохмотья, сшитые из одеяла носки прохудились насквозь, и ноги у него были стёрты до крови. Лодыжка сильно болела, и он осмотрел её: она распухла, стала почти такой же толстой, как колено. Он оторвал длинную полосу от одного одеяла и крепко-накрепко перевязал лодыжку, оторвал ещё несколько полос и обмотал ими ноги, заменив этим и носки и мокасины, потом выпил кипятку, завёл часы и лёг, укрывшись одеялом.

Он спал как убитый. К полуночи стемнело, но ненадолго. Солнце взошло на северо-востоке, вернее, в той стороне начало светать, потому что солнце скрывалось за серыми тучами. В шесть часов он проснулся, лежа на спине. Он посмотрел на серое небо и почувствовал, что голоден. Повернувшись и приподнявшись на локте, он услышал громкое фыркание и увидел большого оленя, который настороженно и с любопытством смотрел на него. Олень был от него шагах в пятидесяти, не больше, и ему сразу представился запах и вкус оленины, шипящей на сковороде. Он невольно схватил незаряженное ружьё, прицелился и нажал курок. Олень всхрипнул и бросился прочь, стуча копытами по камням. Он выругался, отшвырнул ружьё и со стоном попытался встать на ноги. Это удалось ему с большим трудом и не скоро. Суставы у него словно заржавели, и согнуться или разогнуться стоило каждый раз большого усилия воли. Когда он наконец поднялся на ноги, ему понадобилась ещё целая минута, чтобы выпрямиться и стать прямо, как полагается человеку.

Он взобрался на небольшой холмик и осмотрелся кругом. Ни кустов, ни деревьев — ничего, кроме серого моря мхов, где лишь изредка виднелись серые валуны, серые озёрки и серые ручьи. Небо тоже было серое. Ни солнечного луча, ни проблеска солнца! Он потерял представление, где находится север, и забыл, с какой стороны он пришёл вчера вечером. Но он не сбился с пути. Это он знал. Скоро он придёт в Страну Маленьких Палок. Он знал, что она где-то налево, недалеко отсюда — быть может, за следующим пологим холмом.

Он вернулся, чтобы увязать свой тюк по-дорожному; проверил, целы ли все три свёртка со спичками, но не стал их пересчитывать. Однако он остановился в раздумье над плоским, туго набитым мешочком из оленьей кожи. Мешочек был невелик, он мог поместиться между ладонями, но весил пятнадцать фунтов — столько же, сколько всё остальное, — и это его тревожило. Наконец он отложил мешочек в сторону и стал свёртывать тюк; потом взглянул

на мешочек, быстро схватил его и вызывающе оглянулся по сторонам, словно пустыня хотела отнять у него золото. И когда он поднялся на ноги и поплёлся дальше, мешочек лежал в тюке у него за спиной.

Он свернул налево и пошёл, время от времени останавливаясь и срывая болотные ягоды. Нога у него одеревенела, он стал хромать сильнее, но эта боль ничего не значила по сравнению с болью в желудке. Голод мучил его невыносимо. Боль всё грызла и грызла его, и он уже не понимал, в какую сторону надо идти, чтобы добраться до Страны Маленьких Палок. Ягоды не утоляли грызущей боли, от них только щипало язык и нёбо.

Когда он дошёл до небольшой ложбины, навстречу ему с камней и кочек поднялись белые куропатки, шелестя крыльями и крича: «Кр-кр-кр...» Он бросил в них камнем, но промахнулся. Потом, положив тюк на землю, стал подкрадываться к ним ползком, как кошка подкрадывается к воробьям. Штаны у него порвались об острые камни, от колен тянулся кровавый след, но он не чувствовал этой боли — голод заглушал её. Он полз по мокрому мху; одежда его намокла, тело зябло, но он не замечал ничего, так сильно терзал его голод. А белые куропатки всё вспархивали вокруг него, и наконец это «кр-кр» стало казаться ему насмешкой; он выругал куропаток и начал громко передразнивать их крик.

Один раз он чуть не наткнулся на куропатку, которая, должно быть, спала. Он не видел её, пока она не вспорхнула ему прямо в лицо из своего убежища среди камней. Как ни быстро вспорхнула куропатка, он успел схватить её таким же быстрым движением — и в руках у него осталось три хвостовых пера. Глядя, как улетает куропатка, он чувствовал к ней такую ненависть, будто она причинила ему страшное зло. Потом он вернулся к своему тюку и взвалил его на спину.

К середине дня он дошёл до болота, где дичи было больше, словно дразня его, мимо прошло стадо оленей, голов в двадцать, — так близко, что их можно было подстре-

лить из ружья. Его охватило дикое желание бежать за ними, он был уверен, что догонит стадо. Навстречу ему попалась чёрно-бурая лисица с куропаткой в зубах. Он закричал. Крик был страшен, но лисица, отскочив в испуге, всё же не выпустила добычи.

Вечером он шёл по берегу мутного от извести ручья, поросшего редким камышом. Крепко ухватившись за стебель камыша у самого корня, он выдернул что-то вроде луковицы, не крупнее обойного гвоздя. Луковица оказалась мягкая и аппетитно хрустела на зубах. Но волокна были жёсткие, такие же водянистые, как ягоды, и не насыщали. Он сбросил свою поклажу и на четвереньках пополз в камыши, хрустя и чавкая, словно жвачное животное.

Он очень устал, и его часто тянуло лечь на землю и уснуть; но желание дойти до Страны Маленьких Палок, а ещё больше голод не давали ему покоя. Он искал лягушек в озёрах, копал руками землю в надежде найти червей, хотя знал, что так далеко на Севере не бывает ни червей, ни лягушек.

Он заглядывал в каждую лужу и наконец с наступлением сумерек увидел в такой луже одну-единственную рыбку величиной с пескаря. Он опустил в воду правую руку по самое плечо, но рыба от него ускользнула. Тогда он стал ловить её обеими руками и поднял всю муть со дна. От волнения он оступился, упал в воду и вымок до пояса. Он так замутил воду, что рыбку нельзя было разглядеть, и ему пришлось дожидаться, пока муть осядет на дно.

Он опять принялся за ловлю и ловил, пока вода опять не замутилась. Больше ждать он не мог. Отвязав жестяное ведёрко, он начал вычерпывать воду. Сначала он вычерпывал с яростью, весь облился и выплескивал воду так близко к луже, что она стекала обратно. Потом стал черпать осторожнее, стараясь быть спокойным, хотя сердце у него сильно билось и руки дрожали. Через полчаса в луже почти не осталось воды. Со дна уже ничего нельзя было зачерпнуть. Но рыба исчезла. Он увидел незаметную

расщелину среди камней, через которую рыбка проскользнула в соседнюю лужу, такую большую, что её нельзя было вычерпать и за сутки. Если б он заметил эту щель раньше, он с самого начала заложил бы её камнем и рыба досталась бы ему.

В отчаянии он опустился на мокрую землю и заплакал. Сначала он плакал тихо, потом стал громко рыдать, будя безжалостную пустыню, которая окружала его; и долго ещё он плакал без слёз, сотрясаясь от рыданий.

Он развёл костёр и согрелся, выпив много кипятку, потом устроил себе ночлег на каменистом выступе, так же как и в прошлую ночь. Перед сном он проверил, не намокли ли спички, и завёл часы. Одежда была сырые и холодные на ощупь. Вся нога горела от боли, как в огне. Но он чувствовал только голод, и ночью ему снились пиры, званые обеды и столы, заставленные едой.

Он проснулся озябший и больной. Солнца не было. Серые краски земли и неба стали темней и глубже. Дул резкий ветер, и первый снегопад выбелил холмы. Воздух словно сгустился и побелел, пока он разводил костёр и кипятил воду. Это повалил мокрый снег большими влажными хлопьями. Сначала они таяли, едва коснувшись земли, но снег валил всё гуще и гуще, застилая землю, и наконец весь собранный им мох отсырел и костёр погас.

Это было ему сигналом снова взвалить тюк на спину и брести вперёд, неизвестно куда. Он уже не думал ни о Стране Маленьких Палок, ни о Билле, ни о тайнике у реки Диз. Им владело только одно желание: есть! Он помешался от голода. Ему было всё равно, куда идти, лишь бы идти по ровному месту. Под мокрым снегом он ощупью искал водянистые ягоды, выдёргивал стебли камыша с корнями. Но всё это было пресно и не насыщало. Дальше ему попалась какая-то кислая на вкус травка, и он съел, сколько нашёл, но этого было очень мало, потому что травка стлалась по земле и её нелегко было найти под снегом.

В ту ночь у него не было ни костра, ни горячей воды, и он залез под одеяло и уснул тревожным от голода сном. Снег превратился в холодный дождь. Он то и дело просыпался, чувствуя, что капли дождя падают на его лицо. Наступил день — серый день без солнца. Дождь перестал. Теперь чувство голода у путника притупилось. Осталась тупая, ноющая боль в желудке, но это его не очень мучило. Мысли у него прояснились, и он опять думал о Стране Маленьких Палок и о своём тайнике у реки Диз.

Он разорвал остаток одного одеяла на полосы и обмотал стертые до крови ноги, потом перевязал большую ногу и приготовился к дневному переходу. Когда дело дошло до тюка, он долго глядел на мешочек из оленьей кожи, но в конце концов захватил и его.

Дождь растопил снег, и только верхушки холмов оставались белыми. Проглянуло солнце, и путнику удалось определить страны света, хотя теперь он знал, что сбился с пути. Должно быть, блуждая в эти последние дни, он отклонился слишком далеко влево. Теперь он свернул вправо, чтобы выйти на правильный путь.

Муки голода уже притупились, но он чувствовал, что ослаб. Ему приходилось часто останавливаться и отдыхать, собирая болотные ягоды и луковицы камыша. Язык у него распух, стал сухим, словно шерстистым, и во рту был горький вкус. А больше всего его донимало сердце. После нескольких минут пути оно начинало безжалостно стучать, а потом словно подсакивало и мучительно трепетало, доводя его до удушья и головокружения, чуть не до обморока.

Около полудня он увидел двух пескарей в большой луже. Вычерпать воду было немыслимо, но теперь он стал спокойнее и ухитрился поймать их жестяным ведёрком. Они были с мизинец длиной, не больше, но ему не особенно хотелось есть. Боль в желудке всё слабела, становилась всё менее острой, как будто желудок дремал. Он съел рыбок сырыми, старательно их разжёвывая, и это было чисто рассудочным действием. Есть ему не хотелось, но он знал, что это нужно, чтобы остаться в живых.

Вечером он поймал ещё трёх пескарей, двух съел, а третьего оставил на завтрак. Солнце высушило изредка попадавшиеся клочки мха, и он согрелся, вскипятив себе воды. В этот день он прошёл не более десяти миль, а на следующий, двигаясь только когда позволяло сердце, не больше пяти. Но боли в желудке уже не беспокоили его; желудок словно уснул. Местность была ему теперь незнакома, оленя попадались всё чаще и волки тоже. Очень часто их вой доносился до него из пустынной дали, а один раз он видел трёх волков, которые, крадучись, перебегали ему дорогу.

Ещё одна ночь, и наутро, образумившись наконец, он развязал ремешок, стягивавший кожаный мешочек. Из него жёлтой струйкой посыпался крупный золотой песок и самородки. Он разделил золото пополам; одну половину спрятал на видном издалека выступе скалы, завернув в кусок одеяла, а другую всыпал обратно в мешочек. Своё последнее одеяло он тоже пустил на обмотки для ног. Но ружьё он всё ещё не бросал, потому что в тайнике у реки Диз лежали патроны.

...Опять туман. Половину одеяла он израсходовал на обмотки. Следы Билла ему не удалось найти, но теперь это было не важно. Голод упорно гнал его вперёд. Но что, если... если Билл тоже заблудился? К полудню он совсем выбился из сил. Он опять разделил золото, на этот раз просто высыпав половину на землю. К вечеру он выбросил и другую половину, оставив себе только обрывок одеяла, жестяное ведёрко и ружьё.

Его начали мучить навязчивые мысли. Почему-то он был уверен, что у него остался один патрон, — ружьё заряжено, он просто этого не заметил. И в то же время он знал, что в магазине нет патрона. Эта мысль неотвязно преследовала его. Он боролся с ней часами, потом осмотрел магазин и убедился, что никакого патрона в нём нет. Разочарование было так сильно, словно он и в самом деле ожидал найти там патрон.

Прошло около получаса, потом навязчивая мысль вернулась к нему снова. Он боролся с ней и не мог её побо-

рот и, чтобы хоть чем-нибудь помочь себе, опять осмотрел ружьё. По временам рассудок его мутился, и он продолжал брести дальше бессознательно, как автомат; странные мысли и нелепые представления точили его мозг, как черви. Но он быстро приходил в сознание — муки голода постоянно возвращали его к действительности. Однажды его привело в себя зрелище, от которого он тут же едва не упал без чувств. Он покачнулся и зашатался, как пьяный, стараясь удержаться на ногах. Перед ним стояла лошадь. Лошади! Он не верил своим глазам. Их заволакивал густой туман, пронизанный яркими точками света. Он стал яростно тереть глаза и, когда зрение прояснилось, увидел перед собой не лошадь, а большого бурого медведя. Зверь разглядывал его с недружелюбным любопытством. Он уже вскинул было ружьё, но быстро опомнился. Опустив ружьё, он вытащил охотничий нож из шитых бисером ножен. Перед ним было мясо и — жизнь. Он провёл большим пальцем по лезвию ножа. Лезвие было острое, и кончик тоже острый. Сейчас он бросится на медведя и убьёт его. Но сердце заколотилось — тук-тук-тук, словно предостерегая, потом бешено подскочило кверху и затрепетало; лоб сдавило, словно железным обручем, и в глазах потемнело.

Отчаянную храбрость смыло волной страха. Он так слаб — что будет, если медведь нападёт на него? Он выпрямился во весь рост и как можно внушительнее выхватил нож и посмотрел медведю прямо в глаза. Зверь неуклюже шагнул вперёд, поднялся на дыбы и зарычал. Если бы человек бросился бежать, медведь погнался бы за ним. Но человек не двинулся с места, осмелев от страха, он тоже зарычал, свирепо, как дикий зверь, выражая этим страх, который неразрывно связан с жизнью и тесно сплетается с её самыми глубокими корнями.

Медведь отступил в сторону, угрожающе рыча, в испуге перед этим таинственным существом, которое стояло прямо и не боялось его. Но человек всё не двигался. Он стоял как вкопанный, пока опасность не миновала, а потом, весь дрожа, словно в лихорадке, повалился на мокрый мох.

Собравшись с силами, он пошёл дальше, терзаясь новым страхом. Это был уже не страх голодной смерти: теперь он боялся умереть насильственной смертью, прежде чем последнее стремление сохранить жизнь заглохнет в нём от голода. Кругом были волки. Со всех сторон в этой пустыне доносился их вой, и самый воздух вокруг дышал угрозой так неотступно, что он невольно поднял руки, отстраняя эту угрозу, словно полотнище колеблемой ветром палатки.

Волки по двое и по трое то и дело перебегали ему до рогу. Но они не подходили близко. Их было не так много; кроме того, они привыкли охотиться на оленей, которые не сопротивлялись им, а это странное животное ходило на двух ногах и, должно быть, царапалось и кусалось.

К вечеру он набрёл на кости, разбросанные там, где волки настигли свою добычу. Час тому назад это был живой оленёнок, он резво бегал и мычал. Человек смотрел на кости, дочиста обглоданные, блестящие и розовые, оттого что в их клетках ещё не угасла жизнь. Может ли быть, что к концу дня и от него останется не больше? Ведь такова жизнь, суетная и скоропреходящая. Только жизнь заставляет страдать. Умереть не больно. Умереть — уснуть. Смерть — это значит конец, покой. Почему же тогда ему не хочется умирать?

Но он недолго рассуждал. Вскоре он уже сидел на корточках, держа кость в зубах и высасывая из неё последние частицы жизни, которые ещё окрашивали её в розовый цвет. Сладкий вкус мяса, еле слышный, неуловимый, как воспоминание, доводил его до бешенства. Он стиснул зубы крепче и стал грызть. Иногда ломалась кость, иногда его зубы. Потом он стал дробить кости камнем, размалывая их в кашу, и глотал с жадностью. Второпях он попадал себе по пальцам и всё-таки, несмотря на спешку, находил время удивляться, почему он не чувствует боли от ударов.

Наступили страшные дни дождей и снега. Он уже не помнил, когда останавливался на ночь и когда снова пускался в путь. Шёл, не разбирая времени, и ночью и днем, отдыхал там, где падал, и тащился вперёд, когда угасав-

шая в нём жизнь вспыхивала и разгоралась ярче. Он больше не боролся, как борются люди. Это сама жизнь в нём не хотела гибнуть и гнала его вперёд. Он не страдал больше. Нервы его притупились, словно оцепенели; в мозгу теснились странные видения, радужные сны.

Он не переставая сосал и жевал раздробленные кости, которые подобрал до последней крошки и унёс с собой. Больше он уже не поднимался на холмы, не пересекал водораздела, а брёл по отлогому берегу большой реки, которая текла по широкой долине. Перед его глазами были только видения. Его душа и тело шли рядом и всё же порознь — такой тонкой стала нить, связывающая их.

Он пришёл в сознание однажды утром, лёжа на плоском камне. Ярко светило и пригревало солнце. Издали ему слышно было мычание оленят. Он смутно помнил дождь, ветер и снег, но сколько времени его преследовала непогода — два дня или две недели, — он не знал.

Долгое время он лежал неподвижно, и щедрое солнце лило на него свои лучи, напитывая теплом его жалкое тело. «Хороший день», — подумал он. Быть может, ему удастся определить направление по солнцу. Сделав мучительное усилие, он повернулся на бок. Там, внизу, текла широкая, медлительная река. Она была ему незнакома, и это его удивило. Он медленно следил за её течением, смотрел, как она вьётся среди голых, угрюмых холмов, ещё более угрюмых и низких, чем те, которые он видел до сих пор. Медленно, равнодушно, без всякого интереса он проследил за течением незнакомой реки почти до самого горизонта и увидел, что она вливается в светлое, блистающее море. И всё же это его не взволновало. «Очень странно, — подумал он, — это или мираж, или видение, плод расстроенного воображения». Он ещё более убедился в этом, когда увидел корабль, стоявший на якоре посреди блистающего моря. Он закрыл глаза на секунду и снова открыл их. Странно, что видение не исчезает! А впрочем, нет ничего странного. Он знал, что в сердце

этой бесплодной земли нет ни моря, ни кораблей, так же как нет патронов в его незаряженном ружье.

Он услышал за своей спиной какое-то сопение — не то вздох, не то кашель. Очень медленно, преодолевая крайнюю слабость и оцепенение, он повернулся на другой бок. Поблизости он ничего не увидел и стал терпеливо ждать. Опять послышалось сопение и кашель, и между двумя островерхими камнями, не больше чем шагах в двадцати от себя, он увидел серую голову волка. Уши не торчали кверху, как это ему приходилось видеть у других волков, глаза помутнели и налились кровью, голова бессильно понурилась. Волк, верно, был болен: он всё время чихал и кашлял.

«Вот это, по крайней мере, не кажется», — подумал он и опять повернулся на другой бок, чтобы увидеть настоящий мир, не застланный теперь дымкой видений. Но море всё так же сверкало в отдалении, и корабль был ясно виден. Быть может, это всё-таки настоящее? Он закрыл глаза и стал думать — и в конце концов он понял, в чём дело. Он шёл на северо-восток, удаляясь от реки Диз, и попал в долину реки Коппермайн. Эта широкая медлительная река и была Коппермайн. Это блистающее море — Ледовитый океан. Этот корабль — китобойное судно, заплывшее далеко к востоку от устья реки Маккензи, оно стоит на якоре в заливе Коронации. Он вспомнил карту Компании Гудзонова залива, которую видел когда-то, и всё стало ясно и понятно.

Он сел и начал думать о самых неотложных делах. Обмотки из одеяла совсем износились, и ноги у него были содраны до живого мяса. Последнее одеяло было израсходовано. Ружьё и нож он потерял. Шапка тоже пропала и вместе с ней спички, спрятанные под подкладку, но спички в кисете за пазухой, завёрнутые в пергамент, остались целы и не отсырели. Он посмотрел на часы. Они все ещё шли и показывали одиннадцать часов. Должно быть, он не забывал заводить их.

Он был спокоен и в полном сознании. Несмотря на страшную слабость, он не чувствовал никакой боли. Есть

ему не хотелось. Мысль о еде была даже неприятна ему, и всё, что он ни делал, делалось им по велению рассудка. Он оторвал штанины до колен и обвязал ими ступни. Ведёрко он почему-то не бросил: надо будет выпить кипятку, прежде чем начать путь к кораблю, — очень тяжёлый, как он предвидел.

Все его движения были медленны. Он дрожал, как в параличе. Он хотел набрать сухого мха, но не смог подняться на ноги. Несколько раз он пробовал встать и в конце концов пополз на четвереньках. Один раз он подполз очень близко к больному волку. Зверь неохотно посторонился и облизнул морду, насилу двигая языком. Человек заметил, что язык был не здорового красного цвета, а желтовато-бурый, покрытый полусохшей слизью.

Выпив кипятку, он почувствовал, что может подняться на ноги и даже идти, хотя силы его были почти на исходе. Ему приходилось отдыхать чуть не каждую минуту. Он шёл слабыми, неверными шагами, и такими же слабыми, неверными шагами тащился за ним волк. И в эту ночь, когда блистающее море скрылось во тьме, человек понял, что приблизился к нему не больше чем на четыре мили.

Ночью он всё время слышал кашель больного волка, а иногда крики оленят. Вокруг была жизнь, но жизнь, полная сил и здоровья, а он понимал, что больной волк тащится по следам больного человека в надежде, что этот человек умрёт первым. Утром, открыв глаза, он увидел, что волк смотрит на него тоскливо и жадно. Зверь, похожий на заморенную унылую собаку, стоял, понутив голову и поджав хвост. Он дрожал на холодном ветру и угрюмо оскалил зубы, когда человек заговорил с ним голосом, упавшим до хриплого шёпота.

Взошло яркое солнце; и все утро путник, спотыкаясь и падая, шёл к кораблю на блистающем море. Погода стояла прекрасная. Это началось короткое бабье лето северных широт. Оно могло продержаться неделю, могло кончиться завтра или послезавтра.

После полудня он напал на след. Это был след другого человека, который не шёл, а тащился на четвереньках. Он подумал, что это, возможно, след Билла, но подумал вяло и равнодушно. Ему было всё равно. В сущности, он перестал что-либо чувствовать и волноваться. Он уже не ощущал боли. Желудок и нервы словно дремали. Однако жизнь, ещё теплившаяся в нём, гнала его вперёд. Он очень устал, но жизнь в нём не хотела погибнуть; и потому, что она не хотела погибнуть, человек всё ещё ел болотные ягоды и пескарей, пил кипяток и следил за больным волком, не спуская с него глаз.

Он шёл по следам другого человека, того, который тащился на четвереньках, и скоро увидел конец его пути: обглоданные кости на мокром мху, сохранившем следы волчьих лап. Он увидел туго набитый мешочек из оленьей кожи — такой же, какой был у него, — разорванный острыми зубами. Он поднял этот мешочек, хотя его ослабевшие пальцы не в силах были удержать такую тяжесть. Билл не бросил его до конца! Ха-ха! Он ещё посмеётся над Биллом. Он останется жив и возьмёт мешочек на корабль, который стоит посреди блистающего моря. Он засмеялся хриплым, страшным смехом, похожим на карканье вороны, и больной волк вторил ему, уныло подвывая. Человек сразу замолчал. Как же он будет смеяться над Биллом, если это Билл, если эти бело-розовые, чистые кости — всё, что осталось от Билла?

Он отвернулся. Да, Билл его бросил, но он не возьмёт золота и не станет сосать кости Билла. А Билл стал бы, будь Билл на его месте, размышлял он, тащась дальше.

Он набрёл на маленькое озеро. И, наклонившись над ним в поисках пескарей, отшатнулся, словно ужаленный. Он увидел своё лицо, отражённое в воде. Это отражение было так страшно, что пробудило даже его оцепеневшую душу. В озере плавали три пескаря, но оно было велико, и он не мог вычерпать его до дна; он попробовал поймать рыб ведёрком, но в конце концов бросил эту мысль. Он побоялся, что от усталости упадёт в воду

и утонет. По этой же причине он не отважился плыть по реке на бревне, хотя брёвен было много на песчаных отмелях.

В этот день он сократил на три мили расстояние между собой и кораблём, а на следующий день — на две мили; теперь он полз на четвереньках, как Билл. К концу пятого дня до корабля всё ещё оставалось миль семь, а он теперь не мог пройти и мили в день. Бабье лето ещё держалось, а он то полз на четвереньках, то падал без чувств, и по его следам всё так же тащился больной волк, кашляя и чихая. Колени человека были содраны до живого мяса и ступни тоже, и хотя он оторвал две полосы от рубашки, чтобы обмотать их, красный след тянулся за ним по мху и камням. Оглянувшись как-то, он увидел, что волк с жадностью лижет этот кровавый след, и ясно представил себе, каков будет его конец, если он сам не убьёт волка. И тогда началась самая жестокая борьба, какая только бывает в жизни: больной человек на четвереньках и больной волк, ковылявший за ним, — оба они, полумёртвые, тащились через пустыню, подстерегая друг друга.

Будь то здоровый волк, человек не стал бы так сопротивляться, но ему было неприятно думать, что он попадёт в утробу этой мерзкой твари, почти падали. Ему стало противно. У него снова начинался бред, сознание туманили галлюцинации, и светлые промежутки становились всё короче и реже.

Однажды он пришёл в чувство, услышав чьё-то дыхание над самым ухом. Волк отпрыгнул назад, споткнулся и упал от слабости. Это было смешно, но человек не улыбнулся. Он даже не испугался. Страх уже не имел над ним власти. Но мысли его на минуту прояснились, и он лежал, раздумывая. До корабля оставалось теперь мили четыре, не больше. Он видел его совсем ясно, протирая затуманенные глаза, видел и лодочку с белым парусом, рассекавшую сверкающее море. Но ему не одолеть эти четыре мили. Он это знал и относился к этому спокойно. Он знал, что не проползёт и полумили. И всё-таки

ему хотелось жить. Было бы глупо умереть после всего, что он перенёс. Судьба требовала от него слишком многого. Даже умирая, он не покорялся смерти. Возможно, это было чистое безумие, но в когтях смерти он бросал ей вызов и боролся с ней.

Он закрыл глаза и бесконечно бережно собрал все свои силы. Он крепился, стараясь не поддаваться чувству дурноты, затопившему, словно прилив, всё его существо. Это чувство поднималось волной и мутило сознание. Временами он словно тонул, погружаясь в забытьё и силясь выплыть, но каким-то необъяснимым образом остатки воли помогли ему снова выбраться на поверхность.

Он лежал на спине неподвижно и слышал, как хриплое дыхание волка приближается к нему. Оно ощущалось всё ближе и ближе, время тянулось без конца, но человек не пошевелинулся ни разу. Вот дыхание слышно над самым ухом. Жёсткий, сухой язык царапнул его щёку, словно наждачной бумагой. Руки у него вскинулись кверху — по крайней мере он хотел их вскинуть, — пальцы согнулись, как когти, но схватили пустоту. Для быстрых и уверенных движений нужна сила, а силы у него не было.

<http://koroikan.ru>

Волк был терпелив, но и человек был терпелив не меньше. Полдня он лежал неподвижно, борясь с забытьём и сторожа волка, который хотел его съесть и которого он съел бы сам, если бы мог. Время от времени волна забытья захлёстывала его, и он видел длинные сны; но всё время, и во сне и наяву, он ждал, что вот-вот услышит хриплое дыхание и его лизнёт шершавый язык.

Дыхание он не услышал, но проснулся оттого, что шершавый язык коснулся его руки. Человек ждал. Клыки слегка сдавили его руку, потом давление стало сильнее — волк из последних сил старался вонзить зубы в добычу, которую так долго подстерегал. Но и человек ждал долго, и его искусанная рука сжала волчью челюсть. И в то время как волк слабо отбивался, а рука так же слабо

сжимала его челюсть, другая рука протянулась и схватила волка. Ещё пять минут, и человек придавил волка всей своей тяжестью. Его рукам не хватало силы, чтобы задушить волка, но человек прижался лицом к волчьей шее, и его рот был полон шерсти. Прошло полчаса, и человек почувствовал, что в горло ему сочится тёплая струйка. Это было мучительно, словно ему в желудок вливали расплавленный свинец, и только усилием воли он заставлял себя терпеть. Потом человек перекатился на спину и уснул.

На китобойном судне «Бедфорд» ехало несколько человек из научной экспедиции. С палубы они заметили какое-то странное существо на берегу. Оно ползло к морю, едва передвигаясь по песку. Учёные не могли понять, что это такое, и, как подобает естествоиспытателям, сели в шлюпку и поплыли к берегу. Они увидели живое существо, но вряд ли его можно было назвать человеком. Оно ничего не слышало, ничего не понимало и корчилося на песке, словно гигантский червяк. Ему почти не удавалось продвинуться вперёд, но оно не отступало и, корчась и извиваясь, продвигалось вперёд шагов на двадцать в час.

Через три недели, лёжа на койке китобойного судна «Бедфорд», человек со слезами рассказывал, кто он такой и что ему пришлось вынести. Он бормотал что-то бессвязное о своей матери, о Южной Калифорнии, о домике среди цветов и апельсиновых деревьев.

Прошло несколько дней, и он уже сидел за столом вместе с учёными и капитаном в кают-компании корабля. Он радовался изобилию пищи, тревожно провожал взглядом каждый кусок, исчезающий в чужом рту, и его лицо выражало глубокое сожаление. Он был в здравом уме, но чувствовал ненависть ко всем сидевшим за столом. Его мучил страх, что еды не хватит. Он расспрашивал о запасах провизии повара, юнгу, самого капитана. Они без конца успокаивали его, но он никому не верил и тайком заглядывал в кладовую, чтобы убедиться собственными глазами.

Стали замечать, что он поправляется. Он толстел с каждым днём. Учёные качали головой и строили разные теории. Стали ограничивать его в еде, но он всё раздавался в ширину, особенно в поясе.

Матросы посмеивались. Они знали, в чём дело. А когда учёные стали следить за ним, им тоже стало всё ясно. После завтрака он прокрадывался на бак и, словно нищий, протягивал руку к кому-нибудь из матросов. Тот ухмылялся и подавал ему кусок морского сухаря. Человек жадно хватал кусок, глядел на него, как скряга на золото, и прятал за пазуху. Такие же подачи, ухмыляясь, давали ему и другие матросы.

Учёные промолчали и оставили его в покое. Но они осмотрели незаметно его койку. Она была набита сухарями. Матрац был полон сухарей. Во всех углах были сухари. Однако человек был в здравом уме. Он только принимал меры на случай голодовки — вот и всё. Учёные сказали, что это должно пройти. И это действительно прошло, прежде чем «Бедфорд» стал на якорь в гавани Сан-Франциско.

1906

Вопросы и задания

1. Любовь к жизни — главная тема рассказа. Но складывается она из целого ряда мотивов. Каких? Назовите их.
2. Откуда и куда движутся герои рассказа Джека Лондона?
3. Один из товарищей оставляет своего больного спутника в трудных условиях, когда до цели — недалеко, а людей кругом нет. Как бы вы оценили такой поступок?
4. Как реагирует на поступок Билла герой рассказа? Постарайтесь ответить как можно короче — двумя-тремя словами.
5. Зачитайте каждый важный эпизод борьбы героя за жизнь. Запишите ключевые слова, в которых был бы передан весь драматизм его пути к цели.

6. Прочитайте фрагмент от слов: «Отчаянную храбрость смыло волной страха...» до конца абзаца. В одном случае говорится, что «храбрость смыло страхом», а чуть ниже — что «человек <...> осмелел от страха». Противоречие ли это? Какова ваша точка зрения?

7. Герой рассказа находит останки Билла. Какое чувство вызывает в нём смерть товарища? Выпишите из текста несколько фраз, которые явились бы ответом на этот вопрос.

8. Подготовьтесь к выразительному чтению сцены «Схватка с волком». Если бы вам пришлось иллюстрировать эту сцену, какие детали вы бы передали наиболее подробно?

9. Что помогло победить смерть герою рассказа — только любовь к жизни? Ведь и Билл наверняка любил жизнь, но он погиб.

Живое слово

Прочитайте текст от слов: «Он закрыл глаза...» до конца рассказа. Напишите изложение от первого лица и озаглавьте его.

После уроков

1. Внимательно рассмотрите форзацы учебника. Как вы думаете, какие произведения, прочитанные вами в 6 классе, можно было бы проиллюстрировать этими картинками? Какие герои произведений напоминают персонажей этих иллюстраций?

2. Если в процессе изучения произведений вы делали свои рисунки или иллюстрации к отдельным сценам и эпизодам, создавали сами портреты героев, персонажей, разверните в школе итоговую выставку. Подумайте над тем, как вы её назовёте. После того как завершится показ, все работы оформите в альбом и передайте на хранение в школьную библиотеку или кабинет литературы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ДЛЯ ЗАУЧИВАНИЯ НАИЗУСТЬ

М.В. Ломоносов. Стихи, сочинённые на дороге в Петергоф.

И.А. Крылов. Одна басня (на выбор).

А.С. Пушкин. «Редает облаков летучая гряда...», Зимнее утро.

М.Ю. Лермонтов. Одно стихотворение (на выбор).

Н.А. Некрасов. «В полном разгаре страда деревенская...», «Великое чувство! У каждых дверей...».

И.А. Бунин. «Не видно птиц. Покорно чахнет...»

С.А. Есенин. Одно стихотворение (на выбор).

Стихотворение о Великой Отечественной войне (на выбор).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ

Сказки: Два Ивана — солдатских сына. Каша из топора.

Подвиг юноши Кожемяки. Из сказаний о Святославе.

В.А. Жуковский. Кубок.

А.С. Пушкин. «Если жизнь тебя обманет...», «Простите, верные дубровы....», «Ещё дуют холодные ветры...».

М.Ю. Лермонтов. Три пальмы. «На севере диком...». Утёс. Пленный рыцарь.

Н.В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

И.С. Тургенев. Певцы; Стихотворения в прозе (2—3 — на выбор).

Н.А. Некрасов. Мороз, Красный нос; Железная дорога.

Н.С. Лесков. Человек на часах.

А.П. Чехов. Жалобная книга. Лошадиная фамилия.

А.А. Блок. «Там неба осветлённый край...», «Снег да снег...».

Ф. Сологуб. «Под черёмухой цветущей...», «Порос травой мой узкий двор...», «Словно лепится сурепица...», «Что в жизни мне всего милей...».

И.А. Бунин. «Нет солнца, но светлы пруды...», «На высоте, на снеговой вершине...», «Тропами потаёнными...».

С.А. Есенин. «Я покинул родимый дом...», «Гой ты, Русь, моя родная...».

А.А. Ахматова. «Перед весной бывают дни такие...»

Б.Л. Пастернак. После дождя.

Н.А. Заболоцкий. Утро. Подмосковные рощи.

А.Т. Твардовский. «Есть обрыв, где я, играя...», «Я иду и радуюсь...».

А.А. Вознесенский. Снег в сентябре.

Стихотворения других поэтов (по выбору).

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Автобиография (от *гр.* *autós* — сам, *bíos* — жизнь, *grápho* — пишу) — литературный жанр, описание автором собственной жизни. Литературная автобиография — попытка вернуться в собственное детство, юность, воскресить и осмыслить наиболее значительные отрезки жизни и жизнь как единое целое.

Аллегория (*гр.* *allēgoría* — иносказание) — иносказательное изображение предмета, явления с целью наиболее наглядно показать его существенные черты.

Аллитерация (от *лат.* *ad* — к, *littera* — буква, т.е. собуквие) — повторение согласных звуков, придающее литературному тексту особую звуковую и интонационную выразительность (например: «В сто сорок солнц закат пылал...» — В.В. Маяковский).

Амфибрахий (от *гр.* *amphí* — кругом, *brachys* — краткий) — трёхсложный размер стиха с ударением на втором слоге (— ' —).

Анализ произведения в литературоведении (от *гр.* *análysis* — разложение, расчленение) — исследовательское прочтение художественного текста.

Ана́пест (от *гр.* anápaistos — отраженный назад, обратный дактилю) — трёхсложный размер стиха с ударением на третьем слоге (— — —).

Аннотáция — (от *лат.* annotatio — замечание) — краткая характеристика содержания книги, рукописи, статьи.

Антите́за (от *гр.* antíthesis — противоположение) — противопоставление образов, картин, слов, понятий.

Архаи́зм (от *гр.* archáios — древний) — устаревшее слово или словосочетание, грамматическая или синтаксическая форма.

Афоризм (от *гр.* aphorismós — краткое изречение) — обобщённая глубокая мысль, выраженная в лаконичной, краткой, художественно заострённой форме. Афоризм сродни пословице, но, в отличие от неё, принадлежит определённом лицу (писателю, учёному и т. д.).

Баллада (от *прованс.* ballar — плясать) — стихотворение, в основе которого чаще всего лежит историческое событие, предание с острым напряжённым сюжетом.

Ба́сня — короткий рассказ в стихах или прозе с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл.

Беллетри́стика (от *фр.* belles lettres — изящная словесность) — в широком смысле слова — художественная литература, в более узком — художественная проза, в отличие от поэзии, драматургии.

Гекза́метр (от *гр.* hexámetros — шестимерный) — в античности основной стихотворный размер эпоса, шестистопный дактиль. В силлабо-тонической системе — сочетание дактиля с хореем.

Герой литературного произведения, литературный герой — действующее лицо, персонаж литературного произведения.

Гипербола (*гр.* hyperbolē — преувеличение) — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета для большей выразительности. Характерно для фольклора, поэзии романтизма и жанра сатиры.

Гротеск (*фр.* grotesque, *ит.* grottesco — причудливый, от grotta — грот) — предельное преувеличение, основанное на фантастике, на причудливом сочетании фантастического и реального.

Дактиль (от *гр.* dáctylos — букв. палец) — трёхсложный размер стиха с ударением на первом слоге (— — —).

Деталь художественная (*фр.* détail — подробность) — выразительная подробность в произведении. Деталь помогает острее и глубже представить читателю, зрителю время, место действия, внешний облик персонажа, характер его мыслей, почувствовать и понять авторское отношение к изображаемому.

Диалог (от *гр.* diálogos — разговор, беседа) — разговор двух или нескольких лиц. Диалог — основная форма раскрытия человеческих характеров в драматургических произведениях (пьесах, киносценариях).

Драма (*гр.* dráma — действие) — произведение, предназначенное для постановки на сцене.

Жанр (*фр.* genre — род, вид) — вид художественного произведения, например басня, лирическое стихотворение, повесть.

Завязка — событие, знаменующее начало развития действия в эпических и драматических произведениях.

Звукопись в стихосложении — система звуковых повторов, подобранных с расчётом на звукоподражание.

Ид́ея (*гр.* *idea* — идея) — основная мысль художественного произведения.

Инв́ерсия (*лат.* *inversio* — перестановка) — необычный порядок слов. Инверсия придаёт фразе особую выразительность.

Интерпрета́ция (*лат.* *interpretatio* — объяснение) — истолкование литературного произведения, постижение его смысла, идеи.

Интона́ция (от *лат.* *intono* — громко произношу) — выразительное средство звучащей речи. Интонация даёт возможность передать отношение говорящего к тому, что он говорит.

Иро́ния (*гр.* *eirōnéia* — притворство, насмешка) — выражение насмешки.

Комедия (от *гр.* *kōmos* — веселая процессия и *ōdē* — песня) — вид драмы, в которой характеры, ситуации и действия представлены в смешных формах.

Компози́ция (*лат.* *compositio* — составление, соединение) — построение произведения.

Конфликт (*лат.* *conflictus* — столкновение) — столкновение, борьба, на которых построено развитие сюжета в художественном произведении.

Крылатые слова — широкоупотребительные меткие слова, образные выражения, известные изречения исторических лиц.

Кульмина́ция (от *лат.* *culmen* (*culminis*) — вершина) — момент наивысшего напряжения действия в художественном произведении.

Легéнда (*лат.* *legenda* — букв. то, что следует прочесть) — произведение, созданное народной фантазией, где сочетается реальное и фантастическое.

Летопись — памятник исторической прозы Древней Руси, один из основных жанров древнерусской литературы.

Лирический герой — образ поэта в лирике; художественный «двойник» автора; персонаж, от лица которого поэт выражает свои мысли и чувства.

Литературовед — специалист, изучающий закономерности историко-литературного процесса, анализирующий творчество одного или нескольких писателей.

Литературоведение — наука о сущности и специфике художественной литературы, о закономерностях литературного процесса.

Мемуары (*фр. mémoires*) — воспоминания.

Метафора (*гр. metaphorá* — перенос) — переносное значение слова, основанное на сходстве или противопоставлении одного предмета или явления другому.

Метрически сильное место — место в строке, на которое должно падать ударение.

Миф (*гр. mýthos* — повествование, басня, предание) — древнее народное сказание о богах и обожествлённых героях, о происхождении мироздания и жизни на земле.

Монолог (от *гр. mónos* — один и *lógos* — речь, слово) — речь одного человека в художественном произведении.

Мотив (от *лат. moveo* — двигаю) — часть темы или устойчивый элемент сюжета произведения. В отличие от темы, всегда словесно обозначен (назван) в тексте.

Новелла (*ит. novella*, букв. новость) — литературный жанр, форма небольшого по объёму эпического произведения, сопоставимая с рассказом. В новелле

должен быть отчётливый и неожиданный поворот, от которого действие сразу переходит к разрядке.

Немецкий писатель Иоганн Вольфганг Гёте считал, что новелла не что иное, как неслыханное происшествие.

Образ — особый, присущий только искусству способ познания действительности. Образом также называют любое явление, творчески воссозданное в художественном произведении.

Олицетворение — перенесение человеческих черт на неодушевлённые предметы и явления.

Пейза́ж (*фр.* paysage, от pays — страна, местность) — картина природы в художественном произведении.

Пирри́хий (*гр.* pyrrichios, от pirriche — военная пляска) — пропуск ударения в двусложных размерах на метрически сильном месте в стопе.

Повесть — один из видов эпического прозаического произведения. Повесть больше по объёму и по охвату жизненных явлений, чем рассказ, и меньше, чем роман.

Поговорка — образное устойчивое выражение; в отличие от пословицы представляет собой только часть суждения и лишена обобщающего поучительного смысла.

Подтекст — подспудный, неявный смысл, не совпадающий с прямым смыслом текста.

Портрёт (*фр.* portrait — изображение) — изображение внешности героя в произведении как одно из средств его характеристики.

Посло́вица — краткое, крылатое, образное народное изречение, имеющее поучительный смысл.

Поэ́ма (*гр.* poíēma — творение) — один из видов крупных лиро-эпических произведений, для которого

характерны сюжетность, событийность и выражение автором или лирическим героем своих чувств.

Притча — небольшой рассказ, иносказание, в котором заключено религиозное или моральное поучение.

Прóза (*лат.* *prosa*) — прямая, свободно движущаяся речь, литературное нестихотворное произведение.

Псевдо́ним (*гр.* *pséudos* — вымысел, ложь и *ónyma* — имя) — подпись, которой автор заменяет своё настоящее имя.

Публици́стика (от *лат.* *publicus* — общественный) — род литературы и журналистики, рассматривает актуальные политические и экономические проблемы.

Развязка — один из элементов сюжета, заключительный момент в развитии действия (разрешение конфликта) в художественном произведении.

Рассказ — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Ритм (от *гр.* *rhythμός* — такт, соразмерность) — повторение каких-либо однозначных явлений через равные промежутки времени (например, чередование ударных и безударных слогов в стихе).

Рифма (от *гр.* *rhythμός* — соразмерность) — созвучие окончаний стихотворных строк.

Рождественский рассказ — повествование о событиях, происходящих накануне Рождества.

Роман (от *фр.* *roman* — первоначально произведение, написанное на романских языках) — большая форма эпического жанра литературы. Роману свойственно изображение человека в сложных социальных условиях; многолинейность сюжета, большой объём, в сравнении с другими эпическими жанрами.

Сати́ра (*лат.* *satira* — букв. смесь, всякая всячина) — беспощадное, уничтожающее осмеяние, критика действительности, человека, явления.

Силлабо-тоническое стихосложение (*гр.* — *syllabé* — слог и *tónos* — ударение) — система стихосложения, в основе которой лежит устойчивость и выравнивание чередования ударных и безударных слогов.

Сказ — форма художественной литературы, построенная в основном как монологическое повествование с использованием характерных особенностей разговорно-повествовательной речи.

Спонде́й — сверхсхемное ударение; ударение на метрически слабом месте в стопе, где его по схеме не должно быть.

Сравне́ние (*лат.* *comparatio*) — изображение одного явления с помощью сопоставления его с другим.

Средства художественной выразительности — художественные средства (например, аллегория, метафора, гипербола, гротеск, сравнение, эпитет и др.), помогающие нарисовать человека, событие или предмет ярко, конкретно, наглядно.

Стиль — совокупность элементов языка, характерная для конкретного произведения, творчества писателя в целом или литературного направления.

Стих (*гр.* *stíchos* — ряд, строка) — это одна стихотворная строка.

Стихотворение — написанное стихами произведение, преимущественно небольшого объёма, часто лирическое, выражающее душевные переживания.

Стихотворение в прозе — один из видов лирических произведений в прозаической форме. Обладает такими признаками лирического стихотворения,

как небольшой объём, эмоциональность, бессюжетная композиция.

Стопа́ — группа слогов, состоящая из одного ударного и одного или нескольких безударных, повторение которых определяет размер стиха.

Строфа́ (*гр. strophé* — букв. поворот) — группа стихов (строк), составляющих единство. Стихи в строфе связаны определённым расположением рифм.

Сюжет (*фр. sujet* — предмет, содержание, событие) — ряд событий, описанных в художественном произведении, положенных в его основу.

Творческая история — история создания художественного произведения: возникновение замысла, начало написания, прототипы, первая публикация и др.

Тема (*гр. thème* — букв. то, что положено в основу) — круг жизненных явлений, изображенных в произведении; круг событий, образующих жизненную основу произведения.

Трагедия (*гр. tragōidia* — букв. козлиная песнь) — вид драмы, противоположный комедии, произведение, изображающее борьбу, личную или общественную катастрофу, обычно оканчивающуюся гибелью героя.

Устное народное творчество, или фольклор — искусство устного слова, создаваемое народом и бытующее в широких массах. Наиболее распространённые виды фольклора — пословица, поговорка, сказка, песня, загадка, былина.

Фантастика (*гр. phantastiké* — искусство вообразить) — разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел простирается до создания вымышленного, нереального «чудесного» мира.

Хорей (*гр. choréios* — плясовой, бегущий) — двусложный размер стиха с ударением на первом слоге (— —).

Художественное произведение — произведение искусства, изображает события и явления, людей, их чувства в яркой образной форме.

Ци́тата (*лат. cito* — вызываю, привожу) — дословная выдержка из какого-либо текста или дословно приводимые чьи-то слова.

Эзопов язык (от имени древнегреческого баснописца Эзопа) — особый вид тайнописи, иносказания в условиях цензуры (запрета).

Экспози́ция (*лат. expositio* — изложение, объяснение) — компонент сюжета, предшествующий завязке, обрисовка положения действующих лиц, в котором они находятся до начала действия.

Элегия (*гр. elegéia* от *élegos* — жалобная песня) — стихотворение средней длины, обычно печального содержания, проникнутого грустью.

Эпи́граф (*гр. epigraphé* — надпись) — короткий текст, помещаемый автором перед текстом сочинения и выражающий тему, идею, настроение произведения.

Эпиграмма (от *гр. epigramma* — надпись) — краткое стихотворение насмешливо-сатирического характера.

Эпи́зод (от *гр. epeisodion* — букв. вставка) — относительно самостоятельная единица действия произведения, отрывок (фрагмент), в котором говорится о законченном событии, происшествии.

Эпи́лог (*гр. epilogos* — букв. послесловие) — заключительная часть в художественном произведении, сообщающая о дальнейшей судьбе героев после изображённых событий.

Эпи́тет (от *гр. epitheton* — букв. приложенное) — образное определение предмета, выраженное преимущественно прилагательным.

Эссе (*фр.* *essai* — попытка, проба, очерк) — прозаическое сочинение небольшого объёма и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу.

Юмор (*англ.* *humour* — нрав, настроение) — изображение героев в смешном виде. Юмор — смех весёлый и доброжелательный.

Ямб (*гр.* *iambos*) — двусложный размер с ударением на втором слоге (— ').

СПИСОК КНИГ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО РЯДА УЧЕБНИКА (ЧАСТИ I И II)

1. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения. М.; Л.: Детгиз, 1953.
2. Пушкин А.С. Борис Годунов. М.: Детгиз, 1956.
3. Короленко В.Г. Дети подземелья. М.: Детская литература, 1973.
4. Астафьев В.П. Конь с розовой гривой. М.: Детская литература, 1975.
5. Лермонтов. Картины, акварели, рисунки. М.: Изобразительное искусство, 1980.
6. Афанасьев В.В. «Родного неба милый свет...». М.: Детская литература, 1980.
7. Кибрик Е.А. Работы и мысли художника. М.: Искусство, 1984.
8. Лубок. Русские народные картинки XVII—XIX веков. Л.: Аврора, 1984.
9. А.С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины XIX века. Л.: Художник РСФСР, 1985.
10. Некрасова Е.А. Ломоносов-художник. М.: Искусство, 1988.
11. Куприн А.И. Белый пудель. М.: Детская литература, 1989.
12. Толстой Л.Н. Детство, отрочество, юность. М.: Художественная литература, 1989.
13. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994.
14. Тысяча и одна ночь. Избранные сказки. М.: АСТ-пресс, 2001.
15. Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Рисунки XX века. М.: Сканрус, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Лев Николаевич Толстой	3
Детство (главы из повести)	9
Бедные люди	18
Владимир Галактионович Короленко	23
В дурном обществе (в сокращении)	26
Антон Павлович Чехов	67
Шуточка	79
Налим	84
Толстый и тонкий	89

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Иван Алексеевич Бунин	96
Лапти	98
«Не видно птиц. Покорно чахнет...»	100
Александр Иванович Куприн	103
Белый пудель	105
Тапёр	145
Сергей Александрович Есенин	163
Песнь о собаке	165
«Разбуди меня завтра рано...»	169
Михаил Михайлович Пришвин	174
Кладовая солнца	178
Николай Михайлович Рубцов	207
Звезда полей	208
Тихая моя родина	210

Из поэзии о Великой Отечественной войне

Михаил Васильевич Исаковский	215
В прифронтовом лесу	215
Анна Андреевна Ахматова	217
Мужество	217
Победа	217
Сергей Сергеевич Орлов	218
«Его зарыли в шар земной...»	218
Константин Михайлович Симонов	219
«Жди меня, и я вернусь...»	219
Давид Самойлович Самойлов	221
Сороковые	221
Расул Гамзатов	222
Журавли	222
Виктор Петрович Астафьев	225
Конь с розовой гривой	227

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сказка о Синдбаде-мореходе (отрывок)	247
Якоб и Вильгельм Гримм	252
Снегурочка	254
О. Генри	265
Вождь Краснокожих	267
Джек Лондон	282
Любовь к жизни	283

Приложение

Произведения для заучивания наизусть	305
Произведения для домашнего чтения	305
Краткий словарь литературоведческих терминов	307

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА

6 класс

**Учебник
для общеобразовательных учреждений**

В двух частях

Часть II

Автор-составитель

Меркин Геннадий Самуилович

Цветная иллюстрация на обложке —
картина художника Г. Сороки
«Кабинет дома в Островках». 1844 г.

Художественное оформление,
макет, составление иллюстративного ряда,
подбор иллюстраций — *Н.Г. Ордынский*

Заведующий редакцией литературы *А.В. Фёдоров*

Редакторы *Е.Ю. Петухова, И.Л. Тимашева*

Художественный редактор *Н.Г. Ордынский*

Корректоры *Г.А. Яолубкова, М.Г. Курносенкова, Т.Г. Люборец*

Верстка *Н.Б. Поповой*

Подписано в печать 23.05.12. Формат 60х90/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «PetersburgC».

Усл. печ. л. 20. Тираж 5000 экз. Заказ № 32871.

Изд. №02040

ООО «Русское слово — учебник».

125009, Москва, ул. Тверская, д. 9/17, стр. 5.

Тел.: (495) 969-24-54, 658-66-60.

ISBN 978-5-91218-543-4

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленных издательством
электронных носителей
в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.
www.sarpk.ru

А.П. Чехов.
Художник
О.Э. Браз.
Фрагмент
портрета.
1898 г.

Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрёл в какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени. Два ряда старых, тесно посаженных, очень высоких елей стояли, как две сплошные стены, образуя мрачную, красивую аллею. Я легко перелез через изгородь и пошёл по этой аллее, скользя по еловым иглам, которые тут на вершок покрывали землю. Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука. Сильно, до духоты, пахло хвоей. Потом я повернул на длинную липовую аллею. И тут тоже запустение и старость; прошлогодняя листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени... На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в детстве.

А.П. Чехов. Дом с мезонином

В доме.
Художник С.А. Виноградов.
1910 г.

ЛИТЕРАТУРА

Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова.

Художник-автор берет на себя только часть работы. Остальное должен дополнить своим воображением художник-читатель.

С.Я. МАРШАК

«РУССКОЕ СЛОВО»